

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ» (СПбГУ)**

***УПАДОЧНИЧЕСТВО КАК СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН 1920-Х
ГОДОВ В СССР***

Выпускная квалификационная работа

по направлению 46.04.01 «История»

образовательная программа магистратуры ВМ.5674.2015 «Россия в войнах и
социальных конфликтах XX-XXI веков»

Выполнила
студентка 2 курса
дневного отделения
Старун Мария Игоревна

Научный руководитель:
Доктор исторических наук, профессор
Твердюкова Елена Дмитриевна

Санкт-Петербург
2017

Generating Table of Contents for Word Import ...

ВВЕДЕНИЕ

«Упадочничество» в 1920-е появилось в советском дискурсе как общее название широкого круга явлений, к которому в тех или иных текстах могли относиться в равной степени самоубийства, половая распущенность, хулиганство, пьянство, пессимистические настроения, индивидуализм и т. д. – то есть весь перечень недостатков советского человека в эпоху нэпа. Поэтому в государственном дискурсе всепоглощающему явлению упадочничества была противопоставлена еще более значительная идея социалистического строительства, которая подразумевала неустанную борьбу за построение нового общества.

Нужно иметь в виду, что сначала слово «упадочничество» использовалось литературными критиками в качестве термина, характеризующего всё несоветское в произведениях и писателей-попутчиков, и пролетарских писателей. Рост самоубийств в середине десятилетия, принявший угрожающие масштабы в Москве и Ленинграде¹, и озабоченность проблемами нэпа, которая разделялась не только советским руководством, но и рядовыми гражданами, привели к расширению области применения понятия упадочничества. Оно почти в том же значении теперь использовалось для характеристики общественной ситуации в целой стране. Самые значительные кампании против него были проведены в конце 1926 – 1927 годах, когда параллельно с упадочничеством после нашумевшего самоубийства Сергея Есенина использовался термин «есенинщина», не менее расплывчатый, чем первый, и во многом синонимичный ему.

Особенную остроту проблеме придавал тот факт, что именно молодежь оказалась наиболее подверженной упадочническим идеям – если волна самоубийств в этот период была характерна и для других стран, то только в СССР был таким высоким процент молодежи среди суицидентов.² Это

¹ См. подробнее: Самоубийства в СССР в 1925 и 1926 годах. М., 1929; Гернет М.Н. Преступность и самоубийство во время войны и после нее. М., 1927.; Бруханский Н.П. Самоубийцы. Л., 1927.

² Gorsuch A. Youth in Revolutionary Russia: Enthusiasts, Bohemians, Delinquents. Bloomington, Indianapolis, 2000. Youth. P. 178.

совершенно не соответствовало каноничному представлению о юных строителях социализма, которые должны были обеспечить будущее процветание советского государства.

Мы вслед за М. Макдональдом и Т. Мёрфи считаем, что каждая эпоха имеет свою собственную «герменевтику самоубийств».³ Кеннет Пинноу представляет советскую эпидемию самоубийств не как экзистенциальную, а как государственную проблему. Это позволяет нам рассматривать упадочничество как отдельный социокультурный феномен, а не как пример девиантного поведения.

Под феноменом упадочничества мы понимаем нежелание следовать идеям социалистического строительства, и вслед за Г. Покровским выделяем два его типа. Во-первых, «наркотику и хулиганство», которые, скорее, могут быть рассмотрены как девиация – хулиганство вообще причислялось к административным или даже уголовным преступлениям. Во-вторых, эмоциональное, нервное напряжение, крайним выражением которого были самоубийства. Покровский выстроил последовательность эмоций, ведущих к суициду: «грусть, отчаяние, безнадежность, мистика и смерть».⁴ Мы сосредоточимся на рассмотрении второго типа упадочничества, связанного с острыми эмоциональными переживаниями.

В историографии упадочничество само по себе не получило комплексной разработки и обычно рассматривается в рамках исследований по истории советской молодёжи и повседневности эпохи Нэпа, где очевиден подход, направленный на изучение субъекта и его повседневных практик. В главе о самоубийствах в книге «Советская повседневность: нормы и аномалии» Н. Б. Лебина называет их девиацией⁵, В. П. Булдаков пишет о протестном духе самоубийств в Красной Армии⁶; А. Марков делает ряд

³ Цит. по: Pinnow K. Lost to the collective: suicide and the promise of Soviet socialism. Ithaca, London, 2010. P. 4.

⁴ Покровский Г.А. Есенин-есенинщина-религия. М., 1930. С. 62.

⁵ Лебина Н. Б. Советская повседневность. Нормы и аномалии. М., 2015

⁶ Булдаков В. П. Утопия, агрессия, власть. М., 2012.

ценных замечаний о политическом восприятии упадочничества в главах о студентах двадцатых годов⁷; В. С. Тяжелникова видит причины самоубийства в повседневной сфере и в мировоззренческом конфликте⁸; Маликова М. представляет нэп как патогенный период, порождающий неврозы.⁹ А. Ю. Рожков, рассматривая молодежь, также не обходит вопрос о самоубийствах в этой среде и рассматривает их, во-первых, в контексте студенческих чисток, во-вторых, как недовольство красноармейцев несправедливым отношением со стороны командиров.¹⁰ Все указанные авторы, как можно увидеть, пишут в основном о самоубийствах, редко упоминая явление упадочничества. Однако они приводят ценные свидетельства по поводу проблемы и, что не менее важно, дают контекст для её рассмотрения.

В зарубежной историографии эта тема более разработана. Монография Кеннета Пинноу «Lost in collective»¹¹ посвящена самоубийствам в СССР в двадцатые-тридцатые годы, в ней подробно рассмотрены дискурсивные стратегии власти в отношении этой проблемы. Марк Стейнберг изучил мировоззрение рабочих на примере пролетарской поэзии 1910-1925 гг. и показал, что им было свойственно трагическое самоощущение.¹² Энн Горсач¹³ в своей содержательной монографии описала повседневную жизнь советской молодёжи двадцатых годов, отдельно останавливаясь на разборе упадочничества. Эрик Найман сосредоточился на вопросах сексуальности в

⁷ Марков А. Что значит быть студентом. М., 2005. С. 129.

⁸ Тяжелникова В.С. Самоубийства коммунистов в 1920-е гг.//Отечественная история. 1998. № 6. С. 158–173.

⁹ Маликова М. Э. НЭП как опыт социально-биологической гибридизации //Отечественные записки» 2006. № 28 (1). С. 175—192.

¹⁰ Рожков А. Ю. В кругу сверстников. М., 2015.

¹¹ Pinnow K. Lost in collective. Ithaca; London, 2010.

¹² Steinberg M. Proletarian imagination. Ithaca; London, 2002.

¹³ Gorsuch A. Youth in Revolutionary Russia: Enthusiasts, Bohemians, Delinquents. Bloomington, Indianapolis, 2000.

контексте советской идеологии.¹⁴ Актуальность и эффективность антропоцентрического взгляда на советскую историю 1920х гг. позволяет обратиться и к такой трудно познаваемой области как эмоциональная жизнь человека¹⁵, которая в той или иной степени является продуктом культуры и идеологии. С исторической точки зрения этот аспект может рассматриваться с помощью нового направления «истории эмоций», которое совсем недавно стало разрабатываться в России.¹⁶ «Эмоциональный режим», который создавала советская власть, хорошо просматривается на примере упадочничества, особенно ярко проявившемся в молодежной, комсомольской среде. Мы хотим доказать, что эмоциональные практики населения в двадцатые годы заставили власть пересмотреть свою политику в этом отношении.

Основной массив источников находится в фондах Центрального государственного архива историко-политических документов Санкт-Петербурга, где содержатся фонды комсомола. Привлечены как наиболее приближенные к рядовым комсомольцам документы первичных организаций (Завод «Электросила» (К-1791), фабрика «Веретено» (К-471), завод «Красный треугольник» (К-156), «Ижорский завод им. А. А. Жданова» (К-764), Прядильнониточная фабрика им. Ст. Халтурина (К-164), Завод Карла Либкнехта (К-1861), Кировский завод (К-202)). Также мы обращаемся к комсомольским организациям более высокого уровня. Ленинградский уездный комитет (Ф. К-603) представлял собой второй уровень в комсомольской иерархии после первичных организаций. Фонд К-601 содержит документы Ленинградской губернской организации ВЛКСМ до

¹⁴ Naiman E. *Sex in Public. The Incarnation of Early Soviet Ideology*. Princeton., 1997.

¹⁵ См. историографию истории эмоций: Зорин А. Л. *Появление героя. Из истории русской эмоциональной культуры конца XVIII-начала XIX века*. М., 2016. С. 12-38.

¹⁶ См., напр.: Зорин А. *Появление героя*. М., 2016; Vasilyev P. *Revolutionary Conscience, Remorse and Resentment: Emotions and Early Soviet Criminal Law, 1917-1922*// *Historical Research*. 2017. № 247 PP. 117-133; *Российская империя чувств: Подходы к культурной истории эмоций*/ Франко-рос. центр гуманит. и обществ. наук, Герм. ист. ин-т; под ред. Яна Плампера. М.: НЛО, 2010. 511 с.; СССР: *Территория любви*/ ред.-сост.: Наталия Борисова и др. М.: Новое издательство, 2009. 269 с.

1928 г. В фонде К-599 представлены материалы Ленинградского областного бюро ЦК ВЛКСМ, в фонде К-598 – областного комитета. В последнем фонде сосредоточены разные материалы о работе подразделений комсомола, наибольшую ценность для нас представляют сведения о комсомольских организациях вузов и техникумов (Д. 4885, 4886, 4887, 4888, 4889, 4890), потому что первичные организации представлены в работе исключительно промышленными объектами. Отсутствующая по вузам низовая информация отчасти восполняется этим материалом. В фонде с документами конфликтных комиссий и товарищеских судов (Ф. К-1418) нередко представлена частная, индивидуальная информация о комсомольцах.

А. А. Слезин, современный историк комсомола, писал, что «чем ниже уровень комсомольских форумов, тем откровеннее говорили комсомольцы»¹⁷, поэтому мы постарались охватить документы нескольких уровней комсомольской иерархии, чтобы создать относительно полноценную картину комсомольской жизни. Фонды комсомольских организаций от низового до губернского уровня предоставляют различного рода документацию, в основном, официальные, делопроизводственные документы: протоколы собраний, стенограммы докладов, результаты обследований, информационные сводки и т. д.

Архивные источники, используемые в данном исследовании, охватывают территорию Ленинградской области (до 1927 г. – губернии). На наш, взгляд, используемые материалы вполне репрезентативны, так как не противоречат тому, что В. И. Исаев писал о молодёжи Сибири, А. Ю. Рожков о Юге России и т. д.

Нами привлечен комплекс опубликованных источников, в основном стенограммы партийных и комсомольских съездов, различная официальная документация в тематических сборниках («КПСС о комсомоле и молодёжи», «Комсомол и высшая школа» и др.).

¹⁷ Слезин А. А. Источниковая база истории раннего комсомола //Genesis: исторические исследования. 2012. №2. С. 108-148. [Электронный ресурс]. URL: http://e-notabene.ru/hr/article_271.html (дата обращения: 03.05.2017).

Основными источниками для исследования являются многочисленные работы советских теоретиков 1920-х годов по проблемам психологии, быта, идеологии, морали, образования, преступности, авторами которых нередко были приближенные к партии коммунисты и идеологи. Н. И. Бухарин, Е. М. Ярославский, Н. А. Семашко, А. В. Луначарский, Е. А. Преображенский, Л. Д. Троцкий, А. М. Коллонтай и др. принадлежали к партийной элите. Однако несмотря на их высокое положение, они выступали как публицисты наряду с другими авторами, например издателем М. А. Рафаилом, или редактором «Комсомольской правды» И. Т. Бобрышевым. С другой стороны, такие специалисты как педолог А. Б. Залкинд, юрист М. Н. Гернет, психиатр Н. П. Бруханский, социолог А. Г. Каган и др. подходили к своей проблематике с научной точки зрения. Нужно отметить, что оба пласта текстов в той или иной степени должны были способствовать формированию «нового человека». Кроме того, официальность этих текстов, особенно первой группы, позволяет нам понять позицию власти по вопросам повседневности.

Широкое обсуждение проблемы «есенинщины» в печати определило для нас важность периодики и специальных брошюр об упадочничестве, выпущенных во время дискуссий. Среди них тексты В. Ермилова¹⁸, Г. Покровского¹⁹, сборники «Против упадочничества. Против есенинщины», «Упадочное настроение среди молодёжи», специальный номер журнала «На литературном посту». Просмотрены некоторые выпуски сатирических журналов «Бегемот», «Бузотер», а также медицинских – «Журнал невропатологии и психиатрии», «Ленинградский медицинский журнал», «Психофизиология труда и психотехника», «Социальная гигиена». Также к исследованию привлечены газеты «Комсомольская правда», «Красная газета», «Смена».

Восприятие советской политики гражданами хорошо прослеживается на мемуарной и дневниковой литературе. В первом случае, как правило,

¹⁸ Ермилов В. В. Против мещанства и упадничества. М., Л., 1927.

¹⁹ Покровский Г. А. Есенин-есенинщина-религия. М., 1930.

вторая половина нэпа характеризуется как медленный переход к тоталитаризму под руководством И. В. Сталина. Однако всё же стоит заметить, что подобные наблюдения можно обнаружить и в некоторых дневниках. Мы использовали дневник М. М. Пришвина, воспоминания Н. В. Валентинова, А. И. Мильчакова, а также опубликованные на сайте проекта «Прожито» дневники советских служащих В. Ситникова, Р. Куллэ, И. Шитца. Наиболее примечательным для нас стал текст дневника Юсупа Абдрахманова, первого председателя киргизского СНК, в котором он остро переживал несоответствия между личными ощущениями и гражданским долгом.

Современная научная парадигма гуманитарных наук ставит в центр своего изучения человека и его опыт. Мы хотим приблизиться к человеку, понять его страдания, эмоции в противоречивую эпоху двадцатых годов. Актуальность нашего исследования обусловлена универсальностью проблематики «человек-государство». С помощью нашего исследования мы хотим показать влияние идеологии на эмоциональную жизнь человека.

Упадочничество как общественный феномен оформилось к середине 1920-х гг. Уже в начале 1930-х гг. о нём перестали говорить в результате прекращения публичных дискуссий, но это не свидетельствовало об исчезновении этого явления из повседневности советских людей. Поэтому сложно определить точные границы упадочничества, и мы, сосредоточившись прежде всего на второй половине двадцатых годов, привлекаем как более ранние, так и более поздние материалы, чтобы понять контекст этого явления.

Мы хотели бы использовать методологию истории эмоций, которая позволяет говорить об упадочничестве как об эмоциональном убежище от доминирующего властного эмоционального режима, который проводили комсомол, печать, литература и все другие институты советского государства. Эту концепцию выдвинул историк Уильям Редди, разработав теорию «эмоциональных режимов», давление которых приводит к появлению

«эмоциональных убежищ».²⁰ В рамках данной теории упадочничество или «есенинщина» предстают как своего рода «эмоциональные убежища», когда «эмоциональная политика» государства не могла удовлетворить индивидов. Мы не настаиваем, что влияние этого режима было определяющим, однако, нам представляется важным обратить внимание на его существование, потому что эмоции также формировали повседневность советского человека. Кроме того, к отношениям государства и человека мы подходим с точки зрения истории советской субъективности, которая не противопоставляет власть и общество и утверждает, что они были объединены желанием строить социализм.²¹ Некоторые радикальные начинания партии, на наш взгляд, встречали поддержку со стороны населения. В данном исследовании мы будем рассматривать власть в широком смысле как анонимный механизм, действие которого пронизывает все стороны жизни.²² При этом мы рассматриваем власть не только как подавляющую, но и как продуктивную, изобретательную силу. Также для нас полезен подход Мишеля де Серто, французского философа и антрополога в его работе «Изобретение повседневности» (1980), где он предлагает теорию активного в своих практиках субъекта, который зависим от стратегии (дискурса власти), однако волен использовать или избегать его в своих интересах с помощью «искусства делать».²³ Во второй главе мы рассматриваем комсомол с помощью институционального подхода как отдельную организацию, обладающую своими собственными стратегиями в отношении оформления советской повседневности.

Необходимость описать упадочничество как социокультурный феномен заставляет нас обратиться в первой главе к отдельным проблематикам,

²⁰ См. подробнее: Reddy W. Sentimentalism and its erasure: The role of emotions in the era of the French Revolution//The journal of modern history. 2000. Vol. 72. N. 1. PP. 109-152.

²¹ Интервью с Игалом Халфином и Йоханом Хелльбеком//Ab imperio. 2002. №3. С. 240.

²² Автономова Н. С. Фуко Мишель// Новая философская энциклопедия: В 4 тт. 4 Т. М., 2001. С. 279.

²³ См. подробнее: Де Серто М. Изобретение повседневности. СПб., 2013.

которые позволят нам понять многомерную природу этого явления. Оно имело различные сферы применения – литературу, идеологию, медицину, и даже этим не ограничивалось. Во-первых, мы дадим характеристику упадочничеству как симптому кризиса в эмоциональной жизни советских людей и рассмотрим идеологическое представление о том, как должен был чувствовать советский человек. Во-вторых, значимость есенинского самоубийства и появление понятия «есенинщины» ставят перед нами задачу исследовать динамику образа поэта во второй половине двадцатых годов. В заключение главы мы обратимся к политическим аспектам дискуссии об упадочничестве. Таким образом, мы постараемся дать убедительный обзор проявлений того, что в двадцатые годы называлось упадочничеством. Во второй главе мы уйдём от мозаичности и частности в чём-то противоречивых проблематик и сосредоточимся на цельном рассмотрении упадочничества среди комсомольцев. Во-первых, именно эта группа репрезентативно представлена соответствующими источниками, во-вторых, комсомол был монопольной организацией молодёжи, в-третьих, он был одним из активных участников борьбы с упадочничеством, в-четвертых, сами комсомольцы часто назывались «упадниками». Связанные с комсомолом вопросы будут встречаться и в первой главе, так как во второй нами будет рассмотрено только то, что связано именно с организационными аспектами сугубо комсомольской жизни. Так, например, в читательских практиках комсомольцев не было особой специфики по сравнению с другими группами молодёжи.

«Упадочничество» мы связываем скорее не с политическим сопротивлением, а с частной реакцией субъекта на советскую действительность. Это могло быть одобрение, понимание идеологии, при осознании собственной неспособности следовать ей; некая позиция вненаходимости²⁴, в которой чаще всего пребывали те, кто по комсомольским протоколам имел «халатное отношение к комсомольским обязанностям» или

²⁴ Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. М., 2014.

назывались мещанами в силу своих индивидуалистических интересов; кроме того существовало восприятие действительности (политики, быта, бюрократии и т.д.) «близко к сердцу», когда субъект включал большие проблемы, переживая их, в свой индивидуальный опыт; еще одной возможной реакцией была оппозиционная модель поведения, которая тоже ассоциировалась с упадочничеством. Поэтому оказывается неверным восприятие советского субъекта, действующего в бинарных оппозициях протеста и подчинения. На наш взгляд, восприятие советской идеологии, нового официального и тотального дискурса на индивидуальном уровне не могло быть таким однозначным. Хотя именно так этот процесс представляло себе советское руководство.

Целью данного исследования является контекстуализация и анализ феномена упадочничества с помощью методологии истории эмоций, советской субъективности. Мы обратим внимание на то, как современники смотрели на проблему упадочничества, и таким образом попытаемся понять, каким было советское общество двадцатых годов.

Для достижения цели необходимо выполнить следующие задачи:

- выявить специфику «политики эмоций» советской власти
- определить идеологическое значение упадочничества
- проанализировать динамику восприятия Есенина после его смерти в публичном дискурсе
- рассмотреть роль оппозиции в процессе борьбы с упадочничеством
- проверить тезис о классовости чувства, заявленный в работах советских теоретиков
- обратить внимание на идеологический и дисциплинарный аспекты в работе союза молодёжи
- выявить повседневные проблемы молодёжи в комсомоле
- определить, как они связаны с упадочничеством

Глава 1. «Лики упадочничества»

Понятие упадочничества, как мы уже отмечали во введении, было трудно определяемым в конкретных и неоспоримых терминах, так как во многом принадлежало советской идеологии и её акторам, которые могли использовать его в своих интересах. Нужно отметить, что единственное определение упадочничества заключается в его негативности по отношению ко всему советскому. Во-первых, это русский перевод слова «декадентство», которое олицетворяло собой буржуазное вырождение запада. Во-вторых, упадочничество стало не то что русифицированным, а даже большевизированным вариантом употребления – его упоминал в своём исследовании языка двадцатых годов лингвист А. М. Селищев.²⁵ Нужно отметить, что и до революции это слово использовали в негативном значении. Блок в 1902 г. называл упадочников «дегенератами» и писал, что публика считает «декадентством» всё, чего она не понимает.²⁶

В советском случае вышеупомянутые ассоциации с нэпом и связь с дореволюционной эпохой обуславливали негативное значение упадочничества в глазах тех, кого не удовлетворял ни нэп, ни тем более Российская империя 1900-х гг. В данной главе мы попытаемся рассмотреть круг проблем, которые связаны с феноменом упадочничества. В первом параграфе мы рассмотрим, почему упадочничество является следствием эмоциональной политики государства. Во втором – образ Есенина в двадцатые годы и понятие «есенинщина» В третьем – политические вопросы, которые оказались включены в дискуссию об упадочничестве.

§1. Советский эмоциональный режим 1920-х годов

В этом параграфе мы попытаемся рассмотреть эмоциональный фон эпохи двадцатых годов, так как сами идеологи нередко связывали проблему упадочничества с нехваткой эмоциональных переживаний. Мы хотим

²⁵ Селищев А. М. Язык революционной эпохи: Из наблюдений над русским языком. (1917-1926). 2-е изд. М., 2003. С. 104.

²⁶ Блок А. А. Дневники. 1902 год. 23 января.//Прожито. [Электронный ресурс]. URL: <http://prozhito.org/notes?diaries=%5B10%5D> (дата обращения: 03.05.2017).

показать, что упадочничество отчасти было следствием той политики, которую вело советское руководство в отношении эмоций.

О реформировании чувствительности в коммунистическом обществе рассуждал и главный его теоретик, Карл Маркс. В своей докторской диссертации «Различие между натурфилософией Демокрита и натурфилософией Эпикура» (1841) он представил взгляд на чувства как на ощущения, формируемые взаимодействием со средой и не связанные с трансцендентностью. Он хотел сформировать коммунистическую чувствительность на основе натуралистического эпикурейского опыта, отрицая платоников. Человек своей телесностью связан с материальным миром, с его опытом, поэтому среда оказывалась в представлении Маркса «чувствообразующей». Включенность человека в окружающий мир посредством тактильных ощущений могла, по мысли немецкого философа, преодолеть отчуждение.²⁷

Ориентацию на материальность сохраняло и идеологически верное марксизму советское государство. В центре официального дискурса находилось «социалистическое строительство», а главной сферой приложения сил была экономика. Селищев, филолог двадцатых годов, в своих наблюдениях за революционным языком современной ему эпохи, отметил, что «экономика представляет для коммунистических деятелей одну из самых существенных задач в практике общественной жизни». «В связи с расчётом, с плановым распределением работы, – пишет Селищев, – находится выражение «бюджет времени»». Действительно, для двадцатых годов характерно рассмотрение различных проблем с экономической точки зрения. Весьма показательным было перефразирование «Скажи мне, как ты расходуешь свою получку, и я скажу тебе, кто ты».²⁸ «Заработная плата (её размер, а главное – пути и способы её расходования) есть экономическая (а

²⁷ Преображенский Г.М. Маркс и линия среднего// Вестник Томского государственного университета. 2007. № 302. С. 51.

²⁸ Каган А. Г. Как молодежь расходует и как надо расходовать получку. Л., 1928. С. 14.

потому и *главная*) ось нашего быта».²⁹ Изучением этого вопроса в Ленинграде, в частности, занимался Дом коммунистического воспитания молодежи им. Глерона, что говорит о поразительной взаимосвязи экономических и просветительских интересов новой власти.

Доминирование прагматического, экономического подхода можно связать с отказом от характерного для предыдущей эпохи мистицизма и склонности к чувствованиям, интуитивным восприятиям и т. д.³⁰ Пролетариев же, как пишет Марк Стейнберг, ещё до революции было принято считать исполненными оптимизма, тогда как эмоциональный мир реально существующего рабочего (а не «сознательного» с точки зрения идеологии) больше напоминал «царство беспросветной тоски, непроницаемого безверия, застоявшейся инертности».³¹ Мы попробуем сосредоточиться на рассмотрении этого противоречия в рамках советского «эмоционального режима».

Несмотря на определенные усилия, которые советское руководство прилагало для налаживания социалистической экономики, Е. А. Осокина, современный историк, отмечает, что 1926 г. был последним относительно благополучным годом. Исследовательница также призывает не идеализировать нэп, который только позволил восстановить разрушенное за годы потрясений хозяйство. Последующее начало индустриализации уже в 1926/27, дефицит товаров в связи с ростом доходов населения, давление на частника привели к падению экономического уровня.³² Даже идеологически важные социальные обязательства, принятые на себя советским государством

²⁹ Там же.

³⁰ Стейнберг М. Меланхолия нового времени. // Российская империя чувств. М., 2010. С. 205.

³¹ Там же. С. 224.

³² Осокина Е.А. О 75 За фасадом «сталинского изобилия»: Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927—1941.— М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1999. — 271 с.

при ограниченных ресурсах, не всегда им выполнялись.³³ Экономические трудности во второй половине нэпа только возрастали. Если вернуться к нашей теме, то именно это позволяло современникам говорить о вреде поэзии Есенина в подобных тяжелых условиях, когда нужно трудиться, а не развлекать себя стихами.³⁴

Учитывая тяжелое материальное положение населения в двадцатые годы, мы хотим предложить тезис о материалистическом понимании чувства в рассматриваемую эпоху. В качестве доказательства можно обратиться, например, к сатирическим журналам. Такой жанровый выбор обусловлен тем, что именно этот источник в карикатурной форме отображает повседневные проблемы простых людей. С другой стороны, серьезного отношения к проявлению чувств от подобных текстов ждать не стоит, тем не менее, эта материалистичность, на наш взгляд, достаточно симптоматична. Мы просмотрели выпуски журнала «Бегемот» за 1925-1926 года. Как правило, чувство любви, печали в этих текстах были растворены в бытовом контексте и являлись или причиной проблем, или, наоборот, материальная необеспеченность становилась причиной утраты чувства. Приведём несколько показательных примеров. Например, счастливая любовь может зависеть от трех копеек, которыми нужно было расплатиться за отправку открытки с ответом на предложение руки и сердца: «У жизни злодейки// Порой 3 копейки//Играют громадную роль...//Брось Таня открытку, – //И счастья в избытке...//И сердце б не мучила боль».³⁵

В истории из другого номера молодой человек влюбляется в очаровательную девушку, которая постоянно и с интересом смотрит на него, однако при первой же беседе влюбленного с его героиней выясняется, что

³³ Лебина Н. Б., Романов П. В., Ярская-Смирнова Е. Р. Забота и контроль: социальная политика в советской действительности, 1917-1930-е годы//Советская социальная политика 1920-х-1930-х годов: идеология и повседневность. М., 2007. С. 22.

³⁴ Безыменский А. Прошу слова как комсомолец//Против упадочничества. Против "есенинщины". М., 1926. С. 14.

³⁵ Бегемот. 1926. №2. С. 8.

девушка смотрела на его только потому, что он её «папаше» забыл отдать долг.³⁶ Другой советский гражданин во время телефонных бесед по поводу различных торговых сделок, чувствует, что эти разговоры «наполняют его, озаряют неопишным светом его унылую жизнь».³⁷ Здесь материалистичность высмеивается, так как ни одну из сделок этот человек не совершил, потому что у него недостаточно средств, однако чувство счастья наполняет его благодаря иллюзии богатства. В весенних номерах тема любви встречается чаще: в фельетоне «Сентиментальная лирика» описывается березка, которую герой называет своей любовью, своей весной, говорит, что «петь березку я бы мог лет 20 неустанно», она «невестою цветет, роняя слезы в речку». В итоге герой хочет «срубить бы, подлую, её // да распилить, и в печку».³⁸ Видимо, герой неудовлетворен своей чувствительностью и пытается от неё избавиться путём сожжения этой березки.

Герой другого фельетона вопрошает: «Нужен ли нам романтизм: я спрашиваю, будут ли нам *платить за романтизм* или нет? Не будут? Не надо. Нет никакого романтизма. Человек, еще тару пива».³⁹ Снова комически обыгрывается отсутствие финансовой перспективности как причина отказа романтизму в состоятельности, что усилено в конце просьбой принести пиво. Все эти истории связаны с бытовой проблематикой нехватки материальных ресурсов и озабоченностью их добыванием, так что на чувствования не хватало времени.

Усталость, загруженность часто упоминались и в дневниках советских служащих: «Служба делает из меня канцелярскую машину, в которой, по недоразумению, проявляются *иногда* человеческие страсти».⁴⁰ Материальные условия, безработица была масштабной проблемой для всех советских

³⁶ Бегемот. 1926. №5. С. 13.

³⁷ Бегемот. 1926. №7. С.5-6.

³⁸ Бегемот. 1926. №7. С. 8.

³⁹ Бегемот. 1926. №8. С. 8.

⁴⁰ Дневник С. Г. Бережкова. ЦГАЛИ //Ф. 416. Оп 1. Д. 22.

граждан. В. Н. Ситников писал, когда не мог устроиться на работу: «С каждым днем я все более и более обезличиваюсь. Ведь скоро год, как мне приходится нести это проклятое бремя безработицы и безденежья [...]. Главная моя беда в том, что я юристом быть не могу. Скорее, я экономист, но приложить свои знания где-либо невозможно. Очень трудно теперь».⁴¹ Следующая его запись гласила: «Мой пессимизм находит полное оправдание. Эх, как больно душе...».⁴² В Советском государстве существовали пособия по безработице, но выдавались они с 1921 г. только квалифицированным, или имеющим трехлетний стаж работникам.⁴³ Идеологи признавали, что «корни упадочничества гнездятся и в нашей нищете, в безработице».⁴⁴ При этом сознательный гражданин должен был понимать, что государство пока не имеет ресурсов, чтобы всех материально удовлетворить. Упадочник же опускает руки после первой неудачи.⁴⁵

А. Лившин писал, что «социальное и культурное самочувствие личности в новой послереволюционной среде» формировали в большей степени эмоции пессимизма, тревожности и растерянности, а не, допустим, гнева.⁴⁶ Чувство гнева было замещено надеждой на счастливое будущее, на государственную поддержку, и это отменяло необходимость протеста.⁴⁷

⁴¹ Ситников В. Н. Пережитое: Дневник саратовского обывателя. 1928 г. 30 июля.//Прожито. [Электронный ресурс]. URL: <http://prozhito.org/notes?diaries=%5B101%5D> (дата обращения: 03.05.2017).

⁴² Ситников В. Н. Пережитое: Дневник саратовского обывателя. 1928 г. 30 июля.//Прожито. [Электронный ресурс]. URL: <http://prozhito.org/notes?diaries=%5B101%5D> (дата обращения: 03.05.2017).

⁴³ Лебина Н. Б., Романов П. В., Ярская-Смирнова Е. Р. Забота и контроль: социальная политика в советской действительности, 1917-1930-е годы//Советская социальная политика 1920-х-1930-х годов: идеология и повседневность. М., 2007. С. 36.

⁴⁴ Бобрышев И. Т. Мелкобуржуазные влияния среди молодежи. М., Л., 1928. С. 99.

⁴⁵ «Живется не очень плохо. Правда, в материальном отношении неважно, но на то мы – комсомольцы, чтобы не падать духом. А еще в коллективе товарищей, то энергия громадная находится работать. ... Хотя мала эта помощь (стипендиями), но нужно мириться, ибо мы сознательные и понимаем, что пока больше дать государство не может». Письмо И. Филонца И. В. Сталину//Письма во власть. М., 1998. С. 583.

⁴⁶ Лившин А. Я. Настроения и политические эмоции в Советской России. 1917-1932 гг. М., 2010 С. 6, 17.

⁴⁷ См. подробнее: Коткин С. Говорить по-большевистски//Американская Русистика: Вехи Историографии Последних Лет. Советский Период. Самара., 2001; Беньямин В. О понятии истории// Беньямин В. Учение о подобии. М., 2012.

Психиатры называли двадцатые годы временем «богатым на переживания для отдельных лиц», участвовавших, или даже не участвовавших в общественной жизни и пострадавших морально или материально.⁴⁸

М. Гернет, советский юрист, писал, что в эпоху государственного строительства сильны как радости успеха, так и горести поражения. Последний фактор, по его мнению, послужил причиной роста самоубийств среди молодёжи в странах, активно занятых государственным строительством – СССР и Японии. Он также отмечал, что молодые люди, особенно девушки, уходят из жизни чаще всего по романтическим соображениям.⁴⁹

Подобный эмоциональный фон эпохи не соответствовал дискурсивному представлению власти об эмоциональных правилах. Идея смены или даже ревизии чувствований стала символом двадцатых годов. Это было обусловлено не только большевистским стремлением ликвидировать лишние эмоции, но и необходимостью выживать в сложных условиях. «Все живут зоологией и физиологией»,⁵⁰ - писал в дневнике К. И. Чуковский о начале нэпа. «Живем каким-то инстинктом, просто ради жизни, ни к чему не стремясь, ничего особенно не желая. Спят творческие импульсы»,⁵¹ – констатировал саратовский служащий в 1926 году. Валентинов Н. В., публицист-экономист двадцатых годов, обращал внимание в своих воспоминаниях на «свойственное большевикам грубо-материалистическо-анатомическое отношение к человеку».⁵² Одного из его друзей в этой связи возмущало после прочтения в газетах акта «детального вскрытия тела Ленина», что «Ленин—человек, это *психика*, а нам его потрошат,

⁴⁸ Фридман К. Д. Status aggressivus reactivus//Журнал невропатологии и психиатрии. 1928. № 2. С. 122.

⁴⁹ Гернет М. Преступность и самоубийства. М., 1927. С. 224.

⁵⁰ Чуковский К. И. Дневник. Т 1. 1901-1929. М., 2003. С. 253.

⁵¹ Ситников В. Н. Пережитое: Дневник саратовского обывателя. 1926 г. 8 июня.//Прожито. [Электронный ресурс]. URL: <http://prozhito.org/notes?diaries=%5B101%5D> (дата обращения: 03.05.2017).

⁵² Валентинов Н. В. Нэп и кризис партии. Нью-Йорк, 1991. С. 142.

выворачивают наружу и этим как бы внушают: Ленин только материя, только собрание такого-то характера и состояния полушарий головного мозга, кишок, брюшной полости, сердца, почек, селезенки. В этом есть нечто шокирующее».

В этих условиях появилось множество проектов по созданию «нового человека» и новых форм отношений для этого человека. Постоянная занятость, идеи фордизма, максимальное использование наличествующих сил активно применялись в СССР⁵³, где идея восстановления после войны была подкреплена идеологическим представлением о превосходстве коммунизма над капитализмом и необходимостью скорее ощутить это превосходство. Именно недоразумением можно назвать наличие чувствительности в условиях стремительного социалистического строительства. Пришвин писал на этот счёт: «Мы в отдельности ничто, лишь бы выжить государству, социализму, коммунизму».⁵⁴ Власть интересовал только «человек трудящийся», а не «человек чувствующий»: «Индивидуальные отличия между людьми, поскольку они интересуют социалиста, сводятся к специальности, если остается что-то сверх специальности, то это остается общественно неактивно, это жизнь «про себя», которая уже не социализируется, которая бесполезна, как сновидение».⁵⁵

Эмма Уиддис на примере дискуссий о кино отмечала, что советское чувство должно было быть ощущением, т. е. выражением связи сознания с внешним материальным миром.⁵⁶ Индивидуальное чувство в соответствии с идеологией должно было формироваться в соответствии с сенсорным

⁵³ См., например, журнал «Психофизиология труда и психотехника» (1928-1934), в котором описывались новые методы улучшения производительности, важность «упражняемости» и способы профессионального подбора занятости.

⁵⁴ Пришвин М. М. Дневники. 1926-1927. М., 2003. С. 199.

⁵⁵ Пришвин М. М. Дневники. 1920-1922. М., 1995. С. 231.

⁵⁶ Уиддис Э. Социалистические чувства: Кино и создание советской субъективности//НЛО. 2014. №5 (129) С. 54.

восприятием мира, где в основе лежит тактильный опыт. Так должна была формироваться новая модель субъективности.⁵⁷ Психологии и физиология должны были способствовать этому процессу: миф о перековке человеческого материала основывался на учениях Ницше, Фрейда и на идеях академика И. П. Павлова.⁵⁸ Павлов предполагал, что условные рефлексy можно сделать безусловными, поэтому создание «нового человека» через воспитание и контроль выглядело научно обоснованным. Это давало власти возможность рассчитывать на управляемость человеческой психики: «Вот она, правда... Психика-то оказалась ручной. Что хочешь, с ней делай!» - восклицал в журнале «Красная новь» один из героев рассказа А. Д. Поповского.⁵⁹ Упростить свою эмоциональную жизнь хотел и рядовой советский человек: сочувствующий комсомолу кустарь-одиночка выражал в письме в «Смену» надежду на то, что скоро наука избавит его от восхищения женским полом и тем прекратит его страдания и даже кошмары.⁶⁰ Такая грандиозная цель стала одним из направлений идеологии. И. С. Гроссман-Рошин в посвященном упадочничеству номере журнала «На литературном посту» писал, что восходящий класс оформляет своё сознание «в духе оптимистического утверждения жизни и истории» и этот класс *организовывает свои эмоции*, волю «для преодоления элементов распада».⁶¹

В официальном поле первой половины двадцатых годов, как заметил Алексей Марков, существовало несколько подходов к восприятию сексуальности, которую мы можем рассматривать как один из аспектов чувствительности. Среди них он выделил – инструменталистский («режим половой экономии» А. Залкинда и его единомышленников), либертарианский

⁵⁷ Уиддис Э. Социалистические чувства: Кино и создание советской субъективности//НЛО. 2014. №5 (129) С. 50-51.

⁵⁸ Цит. по: Куляпин А. И. Мифы железного века: семиотика советской культуры 1920-1950-х гг. Барнаул, 2006. С. 83.

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ Роман Р. Новый быт//Комсомольский быт. М., Л. 1927. С. 316.

⁶¹ Гроссман-Рошин И. С. Тезисы об упадочности//На литературном посту. 1927. №11. С. 1.

(свободная половая любовь в обществе чутких друг к другу людей по проекту А. М. Коллонтай) и традиционный⁶². А. М. Коллонтай в книге о «Дорогу крылатому эросу» (1923) в отличие от всех остальных теоретиков признавала необходимость чувства: «в любви заключается *ценное для коллектива* связующее начало» и предполагала, что чувства и в новом обществе могут иметь любой уровень эмоционального напряжения (от страсти до нежности).⁶³ Несмотря на разрешение испытывать различную палитру эмоций, даже её подход был утопичен и утилитарен. Он предполагал новую любовь, строящуюся на отношениях взаимного уважения и товарищеской чуткости. Александра Михайловна идеализировала пролетарскую склонность объединяться и действовать неэгоистично. Исследователи отмечают, что советским руководством была воспринята только феминистская риторика автора.⁶⁴ И. Кон писал, что взгляды Коллонтай на отношения между полами не отвечали «соображениям политической целесообразности».⁶⁵ А. Марков тоже называет этот дискурс экзотическим и трудноосуществимым в Советской России начала 1920-х гг., при этом отмечая, что он проник в «верхушечно-интеллигентские» практики 1920-х гг.⁶⁶ Позволим себе предположить, что именно Александра Михайловна первая вынесла в официальное обсуждение проблему товарищеской чуткости как основы будущего общества: «в человеке, испытывающем любовь к другому человеку, пробуждаются и проявляются как раз те свойства души, которые нужны для строителей новой культуры: *чуткость*, отзывчивость, желание помочь

⁶² Марков А. Р. Что значит быть студентом. М., 2005. С. 159-179.

⁶³ Коллонтай А. М. Дорогу крылатому Эросу! (Письмо к трудящейся молодежи)//Молодая гвардия. 1923. №3. С.113.

⁶⁴ Пушкарев А. М. К историографии «Истории повседневности» и «Нового быта» 1920-х гг.//Женщина в российском обществе. 2005. №1-2. С. 55-75.

⁶⁵ Кон И. Клубничка на березке. М., 2010. С. 132-133.

⁶⁶ Марков А. Р. Что значит быть студентом? М., 2002. С. 163.

другому».⁶⁷ В условиях двадцатых годов, когда традиционалистский дискурс ещё не закрепился, её взгляд на эмоциональную связь удовлетворял советское руководство. Именно товарищеские отношения превозносились партийными лидерами в двадцатые годы. В. П. Полонский часто выражал идею, что коммунизм рождается на чувстве любви, что, однако, высмеивал Маяковский («меланхолическая база для развития коммунизма») и многие другие.⁶⁸

Когда жизнь человека идеологически мыслилась как постоянное саморазвитие, то для проявления чувствительности в ней предполагалось совсем немного места – только в рамках коллектива, трудясь вместе с товарищами. Субъект, тратя время и свой энергетический ресурс на личную жизнь, мог нарушить стремительный эволюционный ход советской истории. М. А. Рафаил с осуждением упоминал в своей работе дневник некоего секретаря цехячейки за 1927/1928 гг., в котором «три четверти посвящены любовным, полулюбовным и иным интригам»⁶⁹, а нарком здравоохранения Н. А. Семашко считал, что необходимо отвлекать массы от личной жизни⁷⁰. Упадочничество, по мнению Семашко, имело место среди неустойчивых, не выверенных на производстве слоев рабочего молодняка. «Революционеры – строители нового знают, что и конституция, и психика изменяются под влиянием общественной среды»⁷¹. Этот считающийся реализуемым проект по переделке человека был тотальным и предполагал создание определенного доминирующего эмоционального режима – социалистического режима чувствования. Отчасти это было выражено в новом брачно-семейном кодексе 1926 г., в котором юридически признали незарегистрированные браки, и был

⁶⁷ Коллонтай А. М. Дорогу крылатому Эросу! (Письмо к трудящейся молодежи)//Молодая гвардия. 1923. №3. С. 122.

⁶⁸ Второе выступление В. В. Маяковского не попало в выпущенную в виде брошюры стенограмму диспута, но опубликовано в его собрании сочинений. Маяковский В. В. Выступления на диспуте «Упадочное настроение среди молодежи (есенинщина)» // Маяковский В. В. Полное собрание сочинений: В 13 т. Т. 12. М., 1959. С. 318.

⁶⁹ Рафаил М. А. За нового человека. Л., 1928. С. 55.

⁷⁰ Бруханский Н. П. Самоубийцы. Л., 1927. С. 6.

⁷¹ Рафаил М. А. За нового человека. Л., 1928. С. 47.

разрешен свободный развод. Новое законодательство способствовало разрушению буржуазно-патриархальной семьи и раскрепощению личной жизни человека. Во время обсуждения сторонники этого проекта апеллировали к необходимости бороться с мещанской идеологией, отстаивали революционное значение кодекса.⁷² В соответствии с проектами двадцатых годов, брак становился свободным, что отвечало представлениям и инструменталистов, и либертарианцев. Однако ни те, ни другие не увидели воплощения своих утопических проектов, потому что, во-первых, произошёл рост числа разводов, аборт, беспризорных, венерических больных, во-вторых, отношения между людьми редко отвечали идеалам товарищеской чуткости и всеобщего уважения.

Жесткость советского эмоционального режима особенно остро была воспринята писателями, которые распознали её уже с первых лет советской власти. Е.И. Замятин в романе «Мы» (1920) представил сексуальную жизнь как подлежащую режимному контролю в тоталитарном государстве. В его антиутопии эмоциональность запрещена на государственном уровне, что превращает её в протест против системы. Другой известный советский писатель, И. Эренбург описал иную стратегию по отношению к чувствительности. Он создал героя, сублимировавшего все свои чувства в любовь к партии: «Идет и шепчет нежное, большое имя, оно встает дымком в морозных синих сумерках — легчайший птенец, — не «Лена» или «Вера» — грозное, глухое: «Партия»»⁷³. Ю. Олеша в романе «Зависть» (1927) устами своя героя напрямую говорил, что «эра социализма создаст взамен прежних чувствований новую серию состояний человеческой души», а «лютик жалости, ящерица тщеславия, змея ревности - эта флора и фауна должна быть изгнана из жизни нового человека».⁷⁴

⁷² Максимова О. Д. Обсуждение и принятие кодекса РСФСР о браке, семье и опеке 1926 года во Всероссийском центральном исполнительном комитете// Право и политика. 2014. №7. С. 1055. DOI: 10.7256/1811-9018.2014.7.12437

⁷³ Эренбург И.Г., Жизнь и гибель Николая Курбова. Берлин., 1923. С. 49.

⁷⁴ Олеша Ю. К. Зависть. Три толстяка. Рассказы. М., 1998. С. 88.

Даже разрешение быть чутким не помогло заполнить эмоциональную лауну для нового советского гражданина. Проект по переделке человека натолкнулся на то, что Е. А. Преображенский холодно называл «неприспособленностью био–психологического материала к задачам построения социализма».⁷⁵ «Упадочничество» в глазах Евгения Алексеевича было следствием именно этого несоответствия, конфликта. Юсуп Абдрахманов (1901-1938) писал в дневнике, неприятно удивляясь себе: «Я не пойму себя и своих настроений за последние три дня. Общественный оптимизм — личный пессимизм. Пессимизм, доходящий до безобразных выводов мне кажется, что в личной жизни все потеряно, нет точки опоры и ее не будет. Может быть эта результат того, что я поневоле ковыряю царапину «в душе»? Может быть это от того, что больше чем когда-либо чувствую свое одиночество? Ничего не пойму, не знаю от чего и почему у меня такие настроения...»⁷⁶ Он не хочет признавать свой пессимизм, по всему дневнику за соответствующий период времени встречаются постоянные сомнения по поводу своей уверенности в советских идеалах. За 1929 г. отсутствуют записи в дневнике, однако 1930 г. начинается с записи о ранее неправильном ведении дневника, так как необходимо его вести как «рядовой солдата революции».⁷⁷ Противоречие между собственными чувствами и гражданским долгом, выраженным в необходимости быть оптимистичным, здесь налицо.

К. Радек подобным образом писал о самоубийстве партийного деятеля Ю. Лутовинова. Он предположил, что Лутовинов разочаровался в революции, увидев бюрократизацию советского государства, и это привело в его сознании к острому противоречию между логикой разума и чувством: «Он видел мозгом все затруднения, но вся его натура бунтовала против них».⁷⁸

⁷⁵ Упадочное настроение среди молодежи: Есенинщина. М., 1927. С. 99.

⁷⁶ Абдрахманов Ю. А. Дневники. 1928. 6 ноября//Прожито. [Электронный ресурс]. URL: <http://prozhito.org/notes?date=%221928-01-01%22&diaries=%5B250%5D> (дата обращения: 03.05.2017).

⁷⁷ Абдрахманов Ю. А. Дневники. 1930. 10 ноября//Прожито. [Электронный ресурс]. URL: <http://prozhito.org/notes?date=%221928-01-01%22&diaries=%5B250%5D> (дата обращения: 03.05.2017).

⁷⁸ Радек К. Памяти Юрия Лутовинова//Луначарский А. и др. Силуэты. М., 1991. С. 305.

Проблема нехватки чувствительности поднялась в рамках дискуссии о «есенинщине», разыгравшейся в 1925-1927 г. Н. Бухарин говорил ещё в конце 1925 г. на XIV съезде партии, что нужно давать что-нибудь для чувств человека. В пример он приводил претензии молодых людей, например, «ваш клуб не берёт меня за сердце».⁷⁹ В «Злых заметках» он писал: «Мы и наши идеологи не трогали тех струн молодёжи, которые тронул – хотя бы в форме вредоносной по существу – Есенин».⁸⁰ Томский на том же XIV съезде говорил: «Немыслимо думать, что рабочий думает и может думать только о пролетарской революции. Ему нужен здоровый отдых и здоровый смех».⁸¹ Все эти высказывания не были программными для партийных деятелей, они констатировали имеющуюся проблему, но не считали её поводом к реформированию системы.

Интересно, что В. Ермилов, идеолог РАПП, в свою очередь подчеркивал эмоциональную проблематику в вопросе упадочничества: «И основной, может быть, недочет комсомольской работы сейчас сводится к тому, что мы не научились ею удовлетворять *эмоциональные запросы молодежи*. У молодежи накопилось чрезвычайно много эмоциональной энергии, которую она часто не знает, куда девать. У молодежи выросла и обострилась потребность в товарищеской среде, в интимности, в дружбе, в нежности и т. д. Тяга молодежи к Есенину имеет часто именно эти корни»⁸². Необходимость учитывать запросы молодёжи, чтобы строить дальше свою политику, разбилась о волны молодёжного же равнодушия. Запросы молодёжи, как предполагалось, должны были лежать в области советских ценностей, однако они не всегда отвечали заданному идеалу и предполагали разные практики, нередко даже «ничегонеделание».

⁷⁹ XIV съезд РКП(б). О работе профессиональных союзов. Доклад тов. Томского//Известия. 1926. № 2. 3 января. С. 3.

⁸⁰ Бухарин Н. И. Злые заметки. М., Л., 1927. С. 17.

⁸¹ XIV съезд РКП(б). О работе комсомола. Доклад Н. И. Бухарина//Известия. 1926. №1. 1 января. С. 6.

⁸² Упадочное настроение среди молодежи: Есенинщина. М., 1927. С. 129-130.

Помимо тяжелых материальных условий и неверия в социалистическое строительство, причинами упадочничества назывались кинематограф и литература. Литературу мы подробнее рассмотрим в следующем параграфе, сейчас расскажем о представлении советских теоретиков о кинематографе. Идеологи часто обвиняли кино в развращении нравов молодёжи. «Герои экрана» — центр жизненных интересов. Ко всему остальному — апатия, равнодушие. Естественно, что в такой атмосфере достаточно мельчайшего пустяка, чтобы, глядя на мир через очки «героев экрана», потерять всякие жизненные зацепки, последние остатки интереса к жизни». ⁸³ Даже медики рекомендовали запрещать пускать подростков (их психика будто бы не могла различать реальность и вымысел) на сеансы, которые не были бы строго прорецензированы медико-педологической комиссией. ⁸⁴ В девятом номере «Бегемота» за 1926 год встречается два текста, которые характеризуют кино в первом случае как «сплошь безрадостную улицу», а во втором хозяйка оправдывает свою темную и невеселую квартиру: «Помилуйте-с! Две пивных в доме и кинематограф... чего уж веселее!». А. Каган также называл кино «рассадником антиобщественных, антикультурных явлений в быту нашей молодежи». ⁸⁵ Несмотря на такое отношение идеологов и журналистов, именно кинематограф был самым популярным видом досуга в двадцатые годы. ⁸⁶

В рассказе «Иголки», опубликованном в седьмом номере «Женского журнала» за 1928 год, встречаем характерную для советской повседневности двадцатых годов проблему: несоответствие идеала действительности. Героиня рассказа хотела сбежать от незамысловатой провинциальной жизни

⁸³ Бобрышев И. Т. Мелкобуржуазные влияния среди молодежи. М., 1928.102.

⁸⁴ Такое заключение встречаем после медицинского описания малолетнего убийцы, увлекавшегося кино. Он, вдруг почувствовав себя как в кино, совершил «удушение», которое сам называл «трюком». (Петрова А. Е. Случай убийства в период полового созревания//Журнал невропатологии и психиатрии. 1928. №5-6. С. 716.)

⁸⁵ Каган А. Молодежь после гудка. М., Л., 1930. С. 39.

⁸⁶ Лебина Н. Б. Советская повседневность: нормы и аномалии. М., 2015. С. 294.

и случайно встретила режиссера, пригласившего её сниматься в кино. Встреча произошла в символическом месте «на углу *Комсомольской* улицы и *Кладбищенского* переулка»⁸⁷. Кинематограф в рассказе предстает как нечто губительное, антивитальное: съемки происходят в особняке, где до этого был детский дом, оператор гипнотизирует девушку экзотичностью обещанного ей счастья, при этом сам по себе выглядит для неё отталкивающе: «Не нравились его руки за обедом. Кисть тонкая и рука большая с длинными пальцами, которые не берут вещь, а тянут ее к себе и мнут». Это «сминание», пользование, которое маскировалось под искренность, видимо, послужило неупомянутой в рассказе причиной последующего самоубийства девушки – она проглотила иголки, чтобы покончить с собой. Причём в тексте осуществлен резкий переход от состояния счастья (мнимого) к попаданию в больницу из-за иголок. Последние представляются бытовым женским атрибутом, который и убил позволившую себе замечаться девушку – своеобразное возвращение в быт через смерть. Автор рассказа, Н. Федорова, осуждает мещанский образ мыслей Лизы, который приводит её в кино, сам кинематограф в рассказе ассоциируется со смертью. Так неприглядность быта, прагматичность окружающих заставляют желать какого-то иного опыта, связанного с острыми эмоциональными переживаниями, которые предоставлял кинематограф.

Кино считалось главным рассадником мещанских, мелкобуржуазных ценностей: индивидуализм, кокетство, желание красиво выглядеть и т. д. При излишнем рвении руководителей любого можно было записать в категорию как минимум мещан, многие отмечают, что это было тогда большой проблемой. Потом теоретики спохватились, что в мещанстве часто обвиняют вполне добропорядочных комсомольцев и коммунистов в соответствии только с внешними характеристиками типа макияжа, украшений, тогда как должны были быть важны только внутренние характеристики.⁸⁸

⁸⁷ Федорова Н. Иголки//Женский журнал. 1928. №7. С. 9.

⁸⁸ Шор С. Что такое мещанство? М., Л., 1930. С. 12.

Речь в рассказе «Иголки» шла про «старое» кино. Новое, подлинно советское кино ставило перед собой цель, как выразилась Э. Уиддис, изменить сенсорность человека, перевоспитать его чувства с помощью, например, «киноглаза» Д. Вертова.⁸⁹ Исследовательница настаивает, что фильмы рассмотренного ею периода 1928-1932 гг. должны были пробуждать интерес к вещам, развивать взаимодействие со средой путем её выявления.⁹⁰ Она считает, что кинокартина «Одна» (1931) стала кульминацией и одновременно завершением опыта формирования преодолевающей отчуждение тактильности.⁹¹ Однако в конце двадцатых годов, и в особенности с началом тридцатых усиливается внимание к чувствам отдельного человека, который при этом должен быть частью коллектива. Такую гипотезу выдвинул А. Марков⁹², а Э. Уиддис на примере кинодискуссий показала, что в начале 1930-х гг. новый стиль по праву получил название «советский сентиментализм». Кинодокументы наиболее ярко демонстрируют эту изменившуюся парадигму. На наш взгляд, этот поворот в стиле и в политике отчасти был последствием дискуссий об упадочничестве и есенинщине, которые выявили недостаток пространства для проявления разных эмоций в советском союзе двадцатых годов.

§ 2. «Есенинщина»: практики, группы и политический контроль

В данном параграфе мы рассмотрим изменения образа Есенина в двадцатые годы, а также обратим внимание на некоторые практики, которая власть могла называть проявлением «есенинщины». Хулиганство и пьянство мы, как уже оговаривалось, оставляем вне нашего исследования, поэтому к этим практикам будут принадлежать непосредственное чтение стихов поэта

⁸⁹ Уиддис Э. Социалистические чувства: Кино и создание советской субъективности//НЛО. 2014. №5 (129). С. 55.

⁹⁰ Там же. С. 62-63.

⁹¹ Уиддис Э. Социалистические чувства: Кино и создание советской субъективности//НЛО. 2014. №5 (129) С. 70.

⁹² Марков А. Р. Что значит быть студентом. М., 2005. С. 179.

или их сочинение «под Есенина», а также устройство различных групп, кружков, которые властными инстанциями назывались «проесенинскими».

Сергей Есенин, тогда один из самых популярных поэтов, покончил жизнь самоубийством 28 декабря 1925 г., что вызвало волну публикаций в прессе и повлекло за собой «бум» различных памятных мероприятий. Сразу после смерти его называли ни много ни мало национальным поэтом,⁹³ и первые полгода после его самоубийства в прессе не было никаких значительных акций оспаривающих этот статус.⁹⁴ Наоборот, публиковалась масса текстов, сборников его стихов, в которых Есенин рассматривался как великий русский лирический поэт XX века.⁹⁵ Так, в начале 1926 г. вечерняя «Красная газета» публиковала стихи поэта⁹⁶, регулярно сообщалось о различных памятных мероприятиях, проходящих в регионах страны. Упоминалась необходимость выплачивать персональную пенсию его родителям, переименовать в его честь деревню и выстроить там народом и избу-читальню, создать приют для беспризорников в Ленинграде и Москве, открыть уголок его имени при доме Герцена, а также назвать в его честь улицу и библиотеку.⁹⁷ Вечера памяти в столицах происходили с большой регулярностью – в каждом номере газеты были их анонсы, например, вечера памяти С. Есенина в городском экспериментальном театре и сообщения Ильи Садофьева о похоронах поэта в Москве с последующей читкой стихов.⁹⁸ Значительное число мероприятий и статус национального поэта подразумевали благосклонную скорбь по Есенину, хотя его слава не была однозначной уже тогда – цикл стихотворений «Москва кабацкая» (1924)

⁹³ Красная газета. 1925. № 316. 31 декабря. С. 2.

⁹⁴ Gorsuch A. Youth in Revolutionary Russia. Bloomington, Indianapolis., 2000. С. 175.

⁹⁵ McVay G. Yesenin's Posthumous Fame// The Modern Language Review. 1972. Vol. 67, No. 3. С. 591.

⁹⁶ Красная газета. 1926. №2, 3.

⁹⁷ Красная газета. 1926. №3. 4 января. С. 1.

⁹⁸ Красная газета. 1926. № 6. 7 января. С. 4,5.

осуждался критиками с идеологической точки зрения.⁹⁹ В «Красной газете» от 9 января в заметке под названием «О вечерах памяти Есенина» обнаружилось опасение Союза поэтов и писателей тем, что увеличилось число вечеров памяти Есенина, проводимых «со спекулятивными целями». Именно поэтому, согласно тексту, никто из членов названных союзов теперь не должен принимать участие в этих мероприятиях без разрешения правления. Здесь же давалось объявление о грядущем большом и, конечно, санкционированном, вечере памяти Есенина.¹⁰⁰ Кроме того, в другом выпуске говорилось об учредительном собрании комитета по изучению творчества Есенина при правлении Союза писателей.¹⁰¹ Сложно сказать, что конкретно имелось в виду под «спекулятивностью», вполне вероятно, что кто-то решил использовать внимание к поэту в своих интересах. Однако это ярко демонстрирует озабоченность власти, которую олицетворяла неправительственная, но, тем не менее, институциональная организация в виде Союза поэтов и писателей. Из-под её ведома начала ускользать возможность контролировать посмертный культ Есенина. Монополизация этого культа ей не удалась, так как поклонники поэта, «сочувствующие» также хотели по-своему, неофициально, воспроизводить память о нём/ устраивали неофициальные, стихийные памятные мероприятия.

Своего пика озабоченность «есенинщиной» достигла на рубеже 1926-1927 гг. Рост самоубийств, «чубаровское дело», общий рост хулиганства и неугасающее внимание публики к Есенину дали возможность связать все эти явления. Пока не удалось проследить точную взаимозависимость и найти пример первого употребления слова «есенинщина», однако А. Жаров, пролетарский поэт, позднее писал, что «есенинщина» началась уже в

⁹⁹ Воронский писал о разлагающем влиянии стихов, несмотря на их поэтические достоинства и отражение «духа времени» (Воронский А. Литературные силуэты: Сергей Есенин // Красная новь. 1924. № 1. С. 285.)

¹⁰⁰ Красная газета. 1926. № 8. 9 января. С. 7.

¹⁰¹ Красная газета. 1926. № 9. 10 января. С. 2.

последние годы жизни Есенина.¹⁰² Статья Л. Сосновского «Развенчайте хулиганство» была первым обвинением поэта в развращении молодёжи. Началом активной борьбы с «есенинщиной» принято считать статью Н. И. Бухарина «Злые заметки» в газете «Правда» от 12 января 1927 г. Там он называл «есенинщину» «отвратительной напудренной и нагло раскрашенной российской матерщиной, обильно смоченной пьяными слезами». Сам Есенин представлялся ему воплощающим «самые отрицательные черты русской деревни и так называемого "национального характера": мордобой, внутреннюю величайшую *недисциплинированность*, обожествление самых отсталых форм общественной жизни».¹⁰³ Бухарин настаивал, что «сейчас нужна литература бодрых людей», при этом призывал пролетарских писателей уделить больше внимания живым людям, «с особой психологией».¹⁰⁴ «Слезы – допустимы. Но зачем же с пьяной икотой? Печаль – тоже. Но зачем же гнилое «Ваши пальцы пахнут ладаном»...?»¹⁰⁵ Многие расценили это как официальную позицию партии, поэтому борьба с есенинщиной началась в полную силу и на всех уровнях. Был устроен диспут об упадочном настроении среди молодежи в Коммунистической академии в Москве, выпущен специальный разоблачающий упадочничество и «есенинщину» сборник журнала «На литературном посту» (1927). Советские граждане тоже участвовали в обсуждении и выражали своё мнение с помощью писем в газеты. С.А.Толстая-Есенина писала 6 мая 1927 г. М.Горькому: «Вы не можете себе представить, что пишут в провинции и что говорят на диспутах. И все это с легкой руки Сосновского и Бухарина. Сергей уже стал «фашистом», по отзыву особо ретивых».¹⁰⁶

¹⁰² Жаров А. А. Собрание сочинений. В 3 т. Т. 3. М., 1981. С. 193.

¹⁰³ Бухарин Н. И. Злые заметки. М. Л., 1927. С. 9.

¹⁰⁴ Там же. С. 18

¹⁰⁵ Там же.

¹⁰⁶ Цит. по: Бухарин Николай Иванович//Зинин С. И. Есенин и его окружение. Библиографический справочник. [Электронный ресурс]. URL: <http://zinin-miresenina.narod.ru/b.html> (дата обращения: 03.05.2017).

Один из ораторов на диспуте в Коммунистической академии по поводу упадочничества проницательно заявил, что само явление «есенинщины» существует «только в уме Анатолия Васильевича Луначарского, в уме тов. Сосновского и других наших товарищей, которые подняли этот вопрос».¹⁰⁷ Литературный критик В. Ю. Кнорин вторил ему: «дело не в Есенине», «мы сами — лучше сказать, некоторые наши литераторы — сделали есенинскую упадочную поэзию, которая доступна *сравнительно небольшой группе нашей молодежи*¹⁰⁸, сделали её знаменем некоторых общественных явлений, не имеющих прямого отношения к Есенину».¹⁰⁹ Товарищ Богданов, другой выступающий, обращал внимание на то, что Есенин стал особенно популярен после смерти. Он не одобрял кампании против есенинщины, потому что «запретный плод сладок». «Есенинщина» представляется всем им искусственным продуктом, созданным некоторыми идеологами и изданиями. С другой стороны, такие утверждения могут свидетельствовать о нежелании признавать «есенинщину» как общественную проблему.

Михаил Пришвин вообще рассмотрел самоубийство Есенина как акт протеста против притеснителей и тоже обвинил идеологов в том, что они поместили поэзию Есенина в политическое обсуждение: «Больше всего боюсь самоубийства и жалею особенно тех несчастных, кто, умирая, рассчитывал что-то «смертью своей доказать». [...] У нас же человек оскорбивший не только не смутится самоубийством, а тут же будет позорить свою собственную *жертву*. Так вот теперь власть имущие люди, не имеющие ни малейшего представления о поэзии, напали на бедного удавленника Советской России Есенина: начал Сосновский, потом Бухарин, потом Луначарский и вслед за ними, наверно, скоро будет прыгать наркомздрав Семашко с докладом о психопатологических основах мелкобуржуазного

¹⁰⁷ Упадочное настроение среди молодежи. М., 1927. С. 143.

¹⁰⁸ Сложно сказать, почему поэзия Есенина не могла быть доступна какой-то части молодёжи.

¹⁰⁹ Упадочное настроение среди молодежи. М., 1927. С. 132.

поэта Есенина».¹¹⁰ Пришвин даже оскорбляется подобным видением Есенина и его творчества через «психопатологическую», медицинскую призму.

Несмотря на развернувшуюся в печати кампанию против есенинщины, практики чтения его стихов не уменьшались, а скорее увеличивались: «Я скажу, что из всех поэтов, которые есть в наше время, лучшим поэтом был безусловно Сергей Есенин. И именно та часть молодежи, которая любит и понимает поэзию (я не считаю себя большим знатоком поэзии, но я понимаю *кое-что*), любит Есенина».¹¹¹ Этот же оратор упоминает дальше, что по сравнению с ним, Маяковского читают мало, а также призывает не обращать внимания на личную жизнь Есенина после его смерти, и вся кампания есенинщины, по его мнению, развернулась из-за того, что он «не пел» как Демьян Бедный.¹¹² При последней фразе оратор, как гласит стенограмма, сорвал аплодисменты.¹¹³ Л. Гинзбург, литературовед, писала в мемуарах об этом времени: «Педагогический опыт этого года (рабфак) убедил меня в том, что из всей новой поэзии массовый читатель знает и любит по преимуществу Есенина. Безыменский и пр. им просто скучен. Маяковский плохо понятен. [...] Читатель, которого я имею в виду, вовсе не городской обыватель; это профтысячник, рабфаковец, часто партиец. Он слышал, что Есенин упадочный,— и стыдится своей любви. Есенин, как водка, как азарт, принадлежит в его быту к числу факторов, украшающих жизнь, но не одобряемых».¹¹⁴

Попробуем понять, почему Есенин был так популярен в двадцатые годы. Что было важным в поэзии Есенина? Скорее всего, это был лиризм, которого не хватало в повседневной жизни. Молодой журналист В. Розин писал: «потому жадно хватаются за Есенина, что в нем больше, чем у кого бы

¹¹⁰ Пришвин М. М. Дневники. 1926-1927. М., 2003. С. 214.

¹¹¹ Упадочное настроение среди молодежи. М., 1927. С. 143.

¹¹² Там же. С. 144-5.

¹¹³ Там же. С. 145.

¹¹⁴ Гинзбург Л. Я. Человек за письменным столом. Л., 1989. С. 111.

то ни было из современных поэтов, бросается в глаза простота и задушевность, музыкальность и художественность, интимность и чуткость...». ¹¹⁵ Рабочий писал в газету: «Я читал Есенина. Просто и понятно. И чувства все такие, какие есть у каждого человека. Ведь взять вечные темы – любовь и т. д. Это есть в каждом человеке. Как ни скрывают, что «нам рабочим, некогда пустяками заниматься», но каждый занимается». ¹¹⁶

Это отмечали многие идеологи и теоретики, в особенности А. В. Луначарский и Л. Д. Троцкий. Как писал последний: «Есенин интимен, нежен, *лиричен*, - революция публична, эпична, катастрофична»; «Его лирическая пружина могла бы развернуться до конца только в условиях гармонического, счастливого, с песней живущего общества, где не борьба царит, а дружба, любовь, нежное участие»¹¹⁷. Чтение есенинских стихов давало ощущение сочувственности, чуткости, разделенного горя: «В минуту внутреннего разлада, когда не хватает сил и слов, чтобы выразить свои чувства, не изменив и не исковеркав их, я прибегаю к Есенину».¹¹⁸ Сам Бухарин называл Есенина «отдушиной» для ищущей себе выхода эмоциональной энергии молодежи.¹¹⁹ Поэтому многие обращались к его стихам. Один молодой человек объяснял, что поэзия Есенина актуальна в особенности тогда, когда нет сил и слов выразить свои чувства самостоятельно¹²⁰.

Современник этих событий, создатель «библиопсихологии» Н. Рубакин, утверждал, что в чтении главная интерпретационная роль принадлежит читателю: «вы прочитали какое-нибудь слово его, и оно

¹¹⁵ Розин В. Кто виноват? (к вопросу о самоубийствах)//Юный коммунист. 1926. №13-14. С. 114.

¹¹⁶ Читатель – журналу «Литературная учёба», Астрахань, 21 июня 1934 г.// Есенин в жизни. М., 2003. С. 750.

¹¹⁷ Троцкий Л. Д. Памяти Сергея Есенина// Есенин. Жизнь, личность, творчество. М., 1926. С. 95.

¹¹⁸ Упадочное настроение среди молодежи. М., 1927. С. 98.

¹¹⁹ Цит. по: Ермилов В. В. Против мещанства и упадничества. М., Л., 1927. С. 34.

¹²⁰ Gorsuch A. Youth in Revolutionary Russia. Bloomington, Indianapolis, 2000. P. 181.

возбудило в вас такие-то переживания (идеи, чувства и т.д.). Чьи они? Автора или ваши? Разумеется, вы знаете только ваши собственные... автор для нас такой же икс, как и книга... Мы принимаем и за книгу, и за автора, за 'содержание' книги и за 'содержание' ее автора (за его взгляды и проч.) не что иное, как такую-то комбинацию наших собственных переживаний, возбужденных словами и фразами данной книги в нас самих... мы приходим к выводу: содержание читаемой нами книги и качество, приписываемое нами ее автору, - это мы сами».¹²¹ Отчасти это объясняет то отношение, которое складывалось у читателей в отношении поэзии Есенина – это было отражение их собственных переживаний о себе, об окружающей действительности. Понимали это и власти, которые не хотели видеть советских граждан страдающими «есенистами». Как пишет Е. Добренко, авторитет Рубакина в советском библиотековедении в 1920-е годы был исключительно высок, однако на рубеже десятилетий марксистские критики окончательно решили, что «противопоставлять психику отдельного человека коллективу нет оснований».¹²² Главное противоречие между насаждавшимися практиками чтения и теорией Рубакина лежало в его тезисе об отсутствии в художественном тексте «объективного» содержания,¹²³ что явно подвергало сомнению эффективность советских идеологических текстов по сравнению с поэзией того же Есенина.

Прогремевшее в середине десятилетия самоубийство поэта повлекло за собой дискуссию о праве на смерть. Иосиф Уткин, молодой советский поэт, например, писал: «Нам всем дана отчизна//И право жить и петь,//И кроме права жизни - //И право умереть». В. В. Маяковский выступил против простоты, которую, на его взгляд, предпочел Есенин, совершив самоубийство. Идеолог ЛЕФа в двадцатые годы был глашатаем нового стиля жизни, его творчество воплощало то, что Е. Марголит, современный киновед,

¹²¹ Добренко Е. А. Формовка советского читателя. М., 1997.

¹²² Там же. С. 195.

¹²³ Там же. С. 194.

называл «революцией для человека».¹²⁴ Она выражалась только в кино и в литературе, где личность была важнее, чем государство.

Стихи в есенинском стиле писал и член комсомольской организации ВХУТЕМАС: «Я ушел в иные шири, // Там иная ледь, // Слишком слезно в этом мире, // Чтоб о нём жалеть»¹²⁵. Практики чтения Есенина во многом являлись для читателей своего рода убежищем от «слезного», материально неустроенного нового мира, в котором, к тому же, порицалась такого рода чувствительность. Интересно, что в таком случае власти рекомендовали просто перестать переживать это горе неблагополучия: «вместо того, чтобы бороться с этим «разладом» в самой себе, чтобы постараться изгнать его и поселить в себе бодрость, ты томно усаживаешься в полутемной комнате и начинаешь перечитывать стихи Есенина».¹²⁶ Нужно было заставить себя перестать чувствовать пессимизм, тоску, грусть и т. д. Демьян Бедный писал: «Цель жизни – для того, кто хочет к ней идти, // - Не на «есенинском» пути».¹²⁷

Не только стихи Есенина, но и его могила стала пространством эмоционального культа. Многие молодые люди приходили туда, чтобы почувствовать связь с почившим поэтом. Там, как писал Гордон Маквэй, было что-то вроде альбома для специальных посвящений. Одна молодая девушка писала «Дорогому Есенину – неповторимо прекрасной душе»: «У меня нет товарища, некому и слова сказать, с каждым днём эта небольшая могила становится дорожкой для меня». Другие строки написаны мужчиной: «Дорогой-дорогой Есенин, мне сложно жить без тебя, я пришёл на твою могилу проливать свои слёзы». Галина Бениславская, близкая подруга поэта, совершила самоубийство на его могиле 3 декабря 1926 г. В своей последней

¹²⁴ Марголит Е. Я. Живые и мертвое. СПб., 2012. С. 14.

¹²⁵ Цит. по: Ермилов В. В. Против мещанства и упадничества. М., Л., 1927. С. 50.

¹²⁶ Упадочное настроение среди молодежи. М., 1927. С. 98.

¹²⁷ Бедный Демьян//Зинин С. И. Есенин и его окружение. Библиографический справочник. [Электронный ресурс]. URL: <http://zinin-miresenina.narod.ru/b.html> (дата обращения: 03.05.2017).

записке она написала: «"Самоубилась" здесь, хотя и знаю, что после этого ещё больше собак будут вешать на Есенина. Но и ему, и мне это будет всё равно. В этой могиле для меня всё самое дорогое, поэтому напоследок наплевать на Сосновского и общественное мнение, которое у Сосновского на поводу».¹²⁸ С. А. Есенина-Толстая, вдова поэта, писала уже в 1932 г.: «Могила в ужасном виде²¹. Какие-то посетители для того, чтобы писать на кресте, становились ногами на холмик, и он весь изломан, осыпается... Кору с клена вовсе ободрали, и он засохнет. [...] Странно, я очень люблю эту могилу, очень, и мне никогда не хочется уходить отсюда».¹²⁹ Можно предположить, что кору клёна отрывали на память, тогда как на кресте могли писать как оскорбления, так и восхваления, однако более вероятным кажется последний вариант. В любом случае, само желание оставить свой след говорит об определенной сакральности этого места.

Власти пытались найти какой-то выход в сложившейся ситуации, заместить Есенина другими текстами, однако его популярность была непревзойденной. «Районный комитет не сопоставил Есенину другую книгу, которая могла бы больше привлечь внимания, чем есенинщина и дать хороший отпор есенинщине».¹³⁰ На диспуте в Комсомольской академии также отмечалось недостаточное удовлетворение молодежи художественной литературой и искусствами в условиях острой необходимости «культурной работы».¹³¹

Есенина называли поэтом «суицида» и «вечной молодости».¹³² В. Ермилов, идеолог РАПП, критиковал так называемую «жицевщину», а именно статью Ф. Жица «Почему мы любим Есенина?», в которой автор

¹²⁸ Бениславская Г. А. Дневник. Воспоминания. Письма к Есенину. СПб., 2001. С. 32.

¹²⁹ «Горько видеть жизни край...». Сергей Есенин и Софья Толстая// Lib.ru/Классика [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/e/esenin_s_a/text_1925_esenin_i_tolstaya.shtml (дата обращения: 03.05.2017).

¹³⁰ ЦГАИПД. Ф. К-156. Оп. 1а. Д. 18. Л. 5.

¹³¹ Упадочное настроение среди молодежи. Есенинщина. М., 1927. С. 135.

¹³² McVay G. Yesenin's Posthumous Fame//The Modern Language Review. 1972. Vol. 67, No. 3. С. 590.

рассуждал, что трагизм – обязательный атрибут настоящего творчества. Поэтому он писал, что Есенин – единственная трагическая фигура эпохи, его искусство – скорее, отклонение от жизненной нормы, чем положительное иллюстрирование действительности и именно это свидетельствует об истинности его таланта: «Вот почему все мы с ним, с Есениным, а не стальными соловьями, бездушно имитирующими голоса эпохи, волнение творчества заменившими формальным и бездушным порядком».¹³³ Такая точка зрения подразумевала невозможность подлинно советского искусства, потому что советское общество должно было быть счастливым. Федор Жиц представлял истинного художника как «*оппозиционера*», творчество которого трагично по своей сути.

Есенин был популярен и в комсомоле, однако идеалы организации слабо связывались с подобной лирикой. Союз молодёжи, как и все советские организации, должен был проводить трудовую мобилизацию, поэтому отвлекающие от работы чувства должны были быть преданы забвению. Пришвин писал: «Андрюша сказал, что множеству комсомольцев чувство любви, описываемое в романе, совсем непонятно, они считают это «воображением» и живут, как велит природа и ее случай».¹³⁴

Лишь небольшая часть творчества поэта воспринималась как подходящая для чтения рабочей молодёжью: «безусловно в Есенине, в есенинщине [...] много красивого, в его лиризме есть много ценного, и это ценное нам, молодежи, надо забрать». Когда поэт писал, что ему «хочется, задрать штаны, бежать за комсомолом», только тогда комсомолец мог ответно признавать Есенина и был «рад за себя, за своё, за наше (мы!)».¹³⁵ Миссия организации, как писал А. И. Безыменский, советский поэт-рапповец, заключалась именно в очищении имени поэта и в предостережении от

¹³³ Жиц Ф. Почему мы любим Есенина?//Красная новь. 1926. № 5. С. 223.

¹³⁴ Пришвин М. М. Дневники. 1926-1927. М., 2003. С. 312.

¹³⁵ Безыменский А. Прошу слова, как комсомолец!//Против есенинщины. М., 1926. С. 12.

«беспринципного притяжения его творчества».¹³⁶ Нужно было быть рассудительным в отношении подобной поэзии: «Кто делает хулиганские выводы из есенинской поэзии, тот читает Есенина поверхностно».¹³⁷

В статье «Грусть, упадничество, искренность» 1926 г. Л. Бариль, молодой советский журналист, на поставленный риторический вопрос: «Может ли комсомольский поэт писать грустные стихи в эпоху социализма?», в доказательство приводил стихи С.Есенина, которые, благодаря своей *искренности* и художественности, очень нравились многим коммунистам.¹³⁸ Володин Петр, журналист, печатал множество статей о вреде «есенинщины», однако молодые читатели отвечали на это: «Мы за Есенина, мы считаем, что он наш учитель... Вы нас ничем не переубедите».¹³⁹

Михаил Пришвин отметил в дневнике визит комсомольца с прядильной фабрики, увлекавшегося поэтическим творчеством. На вопрос о читаемой литературе молодой человек ответил: «Есенина, но теперь не читаю: это разложение; Казина читал, Жарова, пробовал Пушкина, хорошо бы, но он все господ изображает».¹⁴⁰

Не только индивидуальные практики чтения стихов поэта были возможностью выразить своё почитание. Гораздо больше беспокоило власть устройство различных групп – поклонников творчества Есенина или как-то ассоциируемых с ним – даже этого было достаточно для обвинения в «есенинщине». М. Коряков на вечере памяти поэта в Нью-Йорке в 1950 г. – разумеется, в эмиграции спустя много лет его взгляд опосредован позднейшими событиями вроде коллективизации, репрессий, мировой войны,

¹³⁶ Там же.

¹³⁷ Упадочное настроение среди молодежи. М., 1927. С. 139.

¹³⁸ Бариль Л.//Зинин С. И. Есенин и его окружение. Библиографический справочник. [Электронный ресурс]. URL: <http://zinin-miresenina.narod.ru/b.html> (дата обращения: 03.05.2017).

¹³⁹ Володин Пётр//Зинин С. И. Есенин и его окружение. Библиографический справочник. [Электронный ресурс]. URL: <http://zinin-miresenina.narod.ru/v.html> (дата обращения: 03.05.2017).

¹⁴⁰ Пришвин М. М. Дневники. 1926-1927. М., 2003. С. 535.

– называл есенинщину «частью жизни» тех, кто жил в то время и чувствовал постепенное наступление сталинизма. В Канске, родном городе автора, в конце двадцатых годов существовала группа «анаховцев», по фамилии преподавателя литературы, который у себя на квартире собирал любителей поэзии, в основном, школьников. На этих собраниях читали произведения С. Есенина, некоторые писали стихи «под Есенина» – члены этой группы часто исключались из школы, «однажды сразу исключили 47 человек», многих восстанавливали на обучение, но в аттестате появлялась соответствующая пометка.¹⁴¹ Сам Анахов, как пишет известный есениновед С. Зинин, был арестован и сослан. Это единственное попавшееся нам упоминание государственного преследования за устройство подобных кружков. Коряков вспоминает, что в аттестате после окончания школы в 1929 г. и у него была пометка «Идеологически невыдержан - насаждал есенинщину» в разделе «Общественно-политическая работа». По его словам это отметка помешала ему поступить в университет – его не допустили к экзаменам. В 1933 г. из-за неё возникли проблемы при получении паспорта, однако это списали на детскую глупость.

В 1929 г. в Томской газете появилась статья о молодежной организации «Chat noir»,¹⁴² большинство которой составляли студенты Сибирского технологического института, в том числе комсомольцы и члены партии «рабочего происхождения». Находясь «вне общественной работы», они устраивали вечера «смычки», под которыми подразумевали налаживание отношений между «ребятами и девушками», потому что студентам «нужна нормальная половая жизнь и здоровая атмосфера».¹⁴³ На их собраниях звучали доклады вроде «Любовь в пространстве», «Любовь, брак, семья и частная собственность», однако неясно, действительно ли они устраивались,

¹⁴¹ Анахов Иван//Зинин С. И. Есенин и его окружение. Биобиблиографический справочник. [Электронный ресурс]. URL: <http://zinin-miresenina.narod.ru/a.html> (дата обращения: 03.05.2017).

¹⁴² Черный кот (франц.)

¹⁴³ Ник-кий Л. Сигнал к проверке. «Черный кот» и «Таверна смерти»// Красное знамя. Ежедневная газета Томского ОК ВКП (б), Окрисполкома и Окпрофбюро. 1929. 9 июня. С. 3.

или только фигурировали в какой-то отчетности. Подобные формулировки говорят об использовании комсомольской, партийной лексики. Эти доклады оставались в том же проблематическом поле, в котором работали официальные власти, разве только допускали определенный акцент на слове «любовь». Один из двух филиалов клуба симптоматично назывался «Таверна смерти», также планировался выпуск журнала «Психологический вестник».¹⁴⁴ Интерес молодых людей явно был сосредоточен на эмоциональной, психической стороне жизни. Осуждение подобных действий в прессе было, как подобало в таких случаях, ревностным. Один из участников «экстренной сходки студенчества» призывал вогнать «осиновый кол в старые, вонючие традиции «золотой молодежи» – царского белоподкладочного студенчества, осиновый кол в спину «Черным котам»».¹⁴⁵ Присутствие сочувствующих на собрании было заметным настолько, что автор даже упомянул это в своём тексте. В ходе последующего за этим общественного суда над членами союза рассматривались фотоснимки «есенинского и хулиганского пошиба». В результате молодые люди были в целях перевоспитания отправлены на производство с возможностью после этого продолжить обучение.¹⁴⁶

В Иркутске в том же 1929 г. раскрыли подпольный литературный журнал, издаваемый одной из городских школ и называющийся «Черные крылья» и якобы издаваемым подпольным есенинским кружком¹⁴⁷. Эпиграфом для журнала были строки: "На крыльях черных, облитых кровью, мы взметнемся, улетим..." Псевдонимы авторов были не менее «упадочническими»: Надежда Смерти, Вера Холодная, Яшка Безучастный, Висилица Жизни, Былое Слово, Сашка Отживший, Надежда Напрасная.

¹⁴⁴ Там же.

¹⁴⁵ Осиновый кол в традициях белоподкладочников: Резолюция экстренной сходки студенчества 10 июня 1929 года // Красное знамя. 1929. 13 июня. С. 4.

¹⁴⁶ Кремнев. В плену мелкобуржуазной стихии: общественный суд по делу группы студентов «Черный кот» // Красное знамя. 1929. 21 нояб. С. 3.

¹⁴⁷ А. Ю. Рожков писал, что часто антисоветские группы были сфабрикованы партийно-комсомольскими структурами в политических целях. Рожков А. Ю. В кругу сверстников. С. 92-93.

Автор заметки утверждал, что большинство стихотворений в журнале «говорят о личных переживаниях» и посвящены Есенину, например: «Довольно жить, не нужно жизни//Есенин нас к себе зовет//Его призывы сердцу слышны...». Местный автор утверждал по этому поводу: «Увлекаться только ими, обвинять в мещанстве тех, кто увлекается Есениным, обвинять в обывательщине, в малодушии тех, кому его тон не по духу, — узко и глупо. Военный коммунизм давно прошел. И, в конце концов, в каждом из нас есть кусочек Есенина».¹⁴⁸ В следующем номере газеты «Власть труда» рассказывалось уже о подпольном кружке с тем же названием, руководителем которого якобы был Владимир Александрович Черемных, школьный учитель географии, «один из страстных поклонников Есенина». Именно он, «обладавая чрезвычайно живой увлекательной речью, был первым пропагандистом есенинского слова», приносил в школу книги Есенина и «подействовал на неокрепшее сознание девушек связью Есенина с известной балериной Айседорой Дункан». Впоследствии отмечалось, что «в результате обследования 20-й школы и смотра других школ интерес учащихся к творчеству Есенина возрос» и «для направления этого интереса в должное русло необходимо провести разъяснительную работу в отношении его творчества». Как проницательно замечает автор статьи В. Скращук, «после такого мероприятия даже те, кто никогда не слышал про Есенина, должны были уяснить: этот поэт — главная фигура альтернативной культуры». Потом был обнаружен ещё один подпольный кружок, издававший журнал «Жизнь Есенина». После мероприятий по установлению порядка в профтехшколах региона в окружной комитет ВЛКСМ пришла анонимка: «Смотр выявил у нас в школе такой недостаток. Пытались делать диспуты, говорили на классных собраниях о неправильности этого подпольного кружка, о Есенине, его плохие стороны и вообще упадочничество. Все это очень мало подействовало на членов кружка “Черные крылья”. Они понимают Есенина

¹⁴⁸ Цит. по: Скращук В. Школьный журнал «Черные крылья». Частный случай борьбы идеологий в период сворачивания НЭПа//Сибирские огни. 2015. №7. [Электронный ресурс]. URL: <http://xn--90aefkbaqm4aisie.xn--p1ai/content/shkolnyu-zhurnal-chernye-krylya> (дата обращения: 03.05.2017).

совсем *по-другому*, как думают все».¹⁴⁹ Привлекательность Есенина, таким образом, лежала, во-первых, в лиризме его стихов, во-вторых, в протестности этой практики, в-третьих, в возможности самостоятельно трактовать его тексты, в-четвертых, в коммуникативной функции этого чтения. Современный теоретик культуры К.Г. Фрумкин писал, что литературное произведение увеличивает сплоченность социальной группы, в которой оно пользуется популярностью.¹⁵⁰

В завершение иркутского дела о есенинском кружке, как пишет автор, учителя литературы были призваны бороться с культом поэта и стали заниматься общественным воспитанием. В отчёте пленума по этому вопросу указывалось, что общественность ещё не научилась критиковать и требуется проявить больше *чуткости*.¹⁵¹

В Туле, как сообщала «Комсомольская правда» тоже наблюдалось «чрезмерное увлечение» рабочей и учащейся молодежи упадочнической поэзией Есенина. Специальные есенинские кружки существовали на железной дороге в клубе «Металлист» и в ряде других. Губернский комитет ВЛКСМ разработал в ответ на это ряд мероприятий по борьбе с упадочными настроениями у молодежи: проведение по клубам специальных вечеров, посвященных борьбе с упадочническими настроениями и есенинщиной.¹⁵² Так, одной из практик по борьбе с «есенинщиной» было устройство тематических вечеров с обсуждением. Рассмотрим одно из подобных мероприятий.

В докладной записке с завода «Красный путиловец» рассказывалось «о халтурном гастролерстве литгруппы ЛСГПС ... с монтажом о Есенине и

¹⁴⁹ Там же.

¹⁵⁰ Цит. по: Твердюкова Е. Д. Источники по Новейшей истории России//Труды исторического факультета. С. 21.

¹⁵¹Скрашук В. Школьный журнал «Черные крылья». Частный случай борьбы идеологий в период сворачивания НЭПа//Сибирские огни. 2015. №7. [Электронный ресурс]. URL: <http://xn--90aefkbacm4aisie.xn--p1ai/content/shkolnyu-zhurnal-chernye-krylya> (дата обращения: 03.05.2017).

¹⁵² Борьба с есенинщиной//Комсомольская правда. 1926. №249. 28 октября. С. 4.

есенинщине».¹⁵³ Необходимо отметить, что инициатива по организации исходила снизу, и руководство завода пошло навстречу молодёжи. Из лекторского бюро Ленинградского городского совета профсоюзов был приглашен докладчик и так называемая «группа Лузанова, исполняющая лито-монтаж из произведений Есенина». Нужно учесть, что документ был направлен в областной комитет ВЛКСМ, поэтому недовольство проведенным вечером могло быть и преувеличено. Бюро завода возмутила вступительная лекция, которая, по словам местного агитпропа комсомола, представляла собой «пересказ нескольких скандальных историй» из жизни поэта, тогда как есенинщине не была дана оценка как «общественно-отрицательному явлению» и не были раскрыты её «социальные корни», что не соответствовало целям «организовать отпор» упадочным настроениям среди молодежи. После лекции было подано около 20 письменных вопросов (автор отчёта мог и преувеличить рвение слушателей), тогда как Лузанов, торопясь на второй запланированный вечер, не пожелал отвечать на вопросы аудитории и участвовать в прениях. Далее, не спросив организатора вечера и «не дав аудитории опомниться», артисты начали исполнение лито-монтажа, а именно чтение стихов Есенина, где опять же отсутствовал важный для автора отчёта компонент – не было организации общественного мнения, а название «против есенинщины» было «притянута в целях спекуляции». Вспомним, что в январе 1926 г. в «Красной газете» осуждались вечера памяти со спекулятивными целями. «Есенинщина» стала своего рода трендом, лёгким способом привлечь внимание. Однако, не очень понятно, какие дивиденды могла получить эта профсоюзная группа кроме внимания, которое, видимо, считалось ценным или, допустим, похвалу начальства за проведение множества мероприятий, или выполнение какого-то плана. Интерес рабочей молодежи к «изучению вопроса упаднических и пессимистических настроений» характеризуется как «большой и вполне естественный», т. е. острота проблемы не оспаривалась и внимание молодежи не осуждалось и не

¹⁵³ ЦГАИПД. Ф. К-599. Оп. 1. Д. 556. Л. 1.

вызывало удивления. После лито-монтажа из-за позднего часа прения не были открыты, и автор отчёта заключил, что вечер дал «совершенно отрицательный результат», потому что, во-первых, «распропагандировали поэзию Есенина, не вызвав к его творчеству необходимого критического отношения», во-вторых, «не был организован отпор всем *нехорошим упадническим* и пессимистическим настроениям, связанным с творчеством Есенина», в-третьих, «под флагом якобы коммунистической критики, с обилием революционных слов» авторы вечера спекулировали на части «мещански-настроенной аудитории, пришедших послушать несколько скандальных анекдотов из жизни Есенина и его кабацкие стихи» (то есть у сознательной молодёжи интерес к общественной проблематике, а у несознательных – к мещанской), в-четвертых, «щекотливый и серьезный вопрос о есенинщине был поставлен с кондачка и в крайней степени халтурно». Отсюда следует конкретный и жесткий вывод, что этой группе необходимо запретить выступать *с таким серьезным материалом* перед широкой аудиторией, «прекратить спекуляции на больных бытовых вопросах и на имени Есенина». Лекторскому бюро ЛГСПС нужно постараться найти настоящих марксистки-подготовленных критиков, на что автор в скобках замечает «а они есть», потому что, считает он, лучше не говорить о есенинщине, чем говорить таким образом. «Поэтому, учитывая громадный интерес и необходимость борьбы с упадочничеством и пессимизмом и со всякими другими мелкобуржуазными влияниями в комсомоле нужно очень тщательно подходить к организации таких вечеров с тем, чтобы на этих вечерах был бы обеспечен дружный пролетарский отпор всем нездоровым влияниям среди рабочей молодёжи». ¹⁵⁴ В этом документе выражена острая необходимость молодёжи разобраться с Есениным и его творчеством, которая не удовлетворялась на должном уровне. Беседы о поэте должны были вестись определенным образом, с упором на общественную тематику, хотя в ту пору

¹⁵⁴ ЦГАИПД. Ф. К-599. Оп. 1. Д. 556. Л. 5.

вышло множество текстов, сначала живописующих хулиганскую биографию Есенина, и лишь потом «развенчивающих упадочничество».

«Есенинский след» было принято находить в самоубийствах двадцатых-тридцатых годов. К. Пинноу приводит примеры двух самоубийств в РККА. Некто Лёхин закончил своё предсмертное письмо, как обозначили в рапорте, «есенинской фразой»: «Ну и что, моя любовь, ну и что». Краснофлотец был охарактеризован как необщительный, угрюмый, незаинтересованный, поэтому очевидцы посчитали чтение Есенина фактором, усугубившим его апатичное состояние. Политинструктор в Тифлисе Н. Лавров совершил самоубийство в мае 1926 г. Обстановка в его комнате, как гласил рапорт, соответствовала его состоянию: над кроватью висело черное полотнище с портретами Есенина и умершей в 1926 г. в тридцатилетнем возрасте Ларисы Рейснер, рядом с ними располагался портрет Троцкого, указывающего рукой на остальных. Очевидцы говорили, что своё подавленное настроение Лавров начал увязывать с таким же у Есенина, лирикой которого он зачитывался.¹⁵⁵

В 1936 г. в сибирской деревне, об этом случае писал В. Исаев, было совершено коллективное самоубийство двух школьников-комсомольцев и двух школьниц-пионерок. Они состояли в половой связи друг с другом, о чём стало известно в школе и в селе – началась травля. Девушки к тому моменту уже были беременны, поэтому молодые люди не нашли иного выхода кроме как совершить самоубийство. В коллективной записке они просили похоронить их вместе в одной могиле. В лесу 1 мая, что символично, один из них застрелил своих товарищей и потом себя. К делу были подшиты записки погибших, которые свидетельствовали о действительно сильных чувствах друг к другу. Также приобщены были альбомы с рисунками и стихами на любовные темы, и, конечно, книга стихов Есенина, что позволило обвинить детей в «буржуазном перерождении». На крайкоме обсуждали этот эпизод в

¹⁵⁵ Pinnow K. Lost to the collective. Ithaca; London, 2010. PP. 224-225.

духе осуждения упадочничества и мещанских склонностей к поэзии Есенина и любовной лирике вообще.¹⁵⁶

Нельзя сказать, что кампания по борьбе с есенинщиной была действительно такой масштабной, его книги продолжали печататься.¹⁵⁷ Если учесть, что в сообщениях о самоубийцах упоминалось, что они читают Есенина, это не считалось правонарушением – чтение поэта не было запрещено, но считалось недостойным коммуниста и комсомольца. Заведующий Госиздатом, Халатов А. Б. и ЦК партии, как писала в дневнике вдова поэта Софья Андреевна после встречи с М. Калининым, сообщили последнему, что Есенин не запрещён.¹⁵⁸ При этом приходилось хлопотать ради изданий, например, из-за того, что публикация Есенина была вычеркнута из плана издательства «Федерация» летом 1929 г.¹⁵⁹ Вдове пришлось пойти на аудиенцию к Максиму Горькому из-за бедственного положения семьи поэта и требования читателей. Характерно, что читатели ещё могли требовать. Горький говорил, что ЦК ничего не запрещает, и списал все беды на начальника Главлита П. И. Лебедева, который препятствовал публикации и ряда других книг. Коллегия наркомата просвещения, по его мнению, была не в силах что-то исправить. Виновниками посмертной травли Есенина он назвал его «друзей» – Анатолия Мариенгофа¹⁶⁰ и Алексея

¹⁵⁶ Исаев В. И. Молодёжь Сибири в трансформирующемся обществе. Новосибирск, 2003. С. 74-75.

¹⁵⁷ Есенин С.А. Черёмуха. Стихи. М., 1926; Есенин С.А. Избранные стихи. М., 1926; Есенин С.А. Песнь о великом походе. Новый вольный сказ про жизнь у нас. М., 1926; Есенин С.А. Собрание стихотворений. Т.1–4. М.–Л.: Гос. издат.; Есенин С.А. Избранный Есенин. Стихи и поэмы. М., 1927; Сергей Есенин. Фотоальбом. Издано Екатериной Есениной. М., 1928; Есенин С.А. Стихи и поэмы. М., 1931; Есенин С.А. Стихотворения. М., 1933; Есенин С.А. Стихотворения. М., 1934; Есенин С.А. и др. Земля. Стихи о природе. М., 1936.

¹⁵⁸ «Горько видеть жизни край...». Сергей Есенин и Софья Толстая// Lib.ru/Классика [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/e/esenin_s_a/text_1925_esenin_i_tolstaya.shtml (дата обращения: 03.05.2017).

¹⁵⁹ С 1933 г. – «Советская литература», в 1934 влило в издательство «Советский писатель». (Л. Н. Чертков «Федерация» // Краткая литературная энциклопедия. Т. 7. М., 1975. С. 908-909.) В конце 1929 г. книга всё-таки вышла в издательстве, однако по указанию Главлита был вырезан портрет Есенина. (Гуляров Е. Н. Есенин в жизни. М., 2004. С. 748.)

¹⁶⁰ «Роман без вранья» (1927) А. Мариенгофа был воспринят как клевета на С. А. Есенина.

Крученых¹⁶¹. Горький также высказался по поводу публикации избранных стихов, выбор которых нельзя доверять издательству, потому что «это будет квинтэссенция» и «они сделают такой выбор, что по всем городам молодежь будет валяться на улицах, разложенная Есениным».¹⁶²

Интересно, что вдова поэта могла высказывать своё недовольство по вопросу выбора редактора для того или иного издания.¹⁶³ Она отмечала, что ЦК запретило публиковать полное собрание сочинений поэта в 1933, но при этом обещало разрешить в следующем году. В 1934 г. мать Есенина даже получила освобождение от налогов. Об этом странно читать после того, какознакомишься с разгромными газетными материалами. В. Козуров, томский педагог рассказывал о появлении в своём городе Н. Клюева, который считался «духовным отцом» Есенина: «Половина, если не большая часть студентов была равнодушна к Есенину. Несмотря на полуофициальный запрет, потихоньку читали его стихи, спорили о нем». Он писал (осенью 1935 г.) также о том, что в прошлом «за чтение Есенина исключали из комсомола, за хранение томика его стихов отбирали партийный билет, снимали с работы...»¹⁶⁴, однако подтверждений этим фактам мы не обнаружили.

В конце 1932 г. вдова Есенина записала в дневнике, что к ней в музей приходил «взволнованный и смущенный мальчик» и сказал: «Я знаю, что Вы жена Есенина, что Есенин запрещен, я страшно его люблю, он для меня – все. Я прошу, чтобы Вы разрешили мне читать его и делать выписки. Нас много товарищей. Я с преподавателем очень спорил». Публичность этого спора показывает, что творчество поэта не было запрещено официально. Софья

¹⁶¹ А. Крученых, левовец, выпустил сразу после самоубийства поэта ряд антиесенинских брошюр, где обвинял имажинистов и, в особенности Есенина, в разложении молодёжи. Все изданы в 1926 г.: Есенин и Москва кабацкая; Гибель Есенина; Чёрная тайна Есенина; Хулиган Есенин; Лики Есенина. От херувима до хулигана; Прodelки есенистов; Псевдо-крестьянская поэзия.

¹⁶² «Горько видеть жизни край...». Сергей Есенин и Софья Толстая// Lib.ru/Классика [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/e/esenin_s_a/text_1925_esenin_i_tolstaya.shtml (дата обращения: 03.05.2017).

¹⁶³ Там же.

¹⁶⁴ Пичурин Л. Последние дни Николая Клюева. Томск, 1995. 95 с. //Николай Клюев. . [Электронный ресурс]. URL: http://www.booksite.ru/klyuev/3_19.html (дата обращения: 03.05.2017).

Андреевна отметила, что он «с такой отчаянной мольбой и страхом смотрел на меня, что я назначила ему придти в Музей».¹⁶⁵ Характерно, что многие писали, что Есенин был запрещен, чего не было на самом деле, хотя идеология формировала именно такое представление.

В тридцатые годы, как отмечает В. Исаев, продолжался рост самоубийств, и как мы уже отмечали, их по-прежнему связывали с губительным влиянием есенинской лирики. «Есенинщина» беспокоила советское руководство по многим причинам. С самого начала стихийность памятных мероприятий после смерти поэта вызвала подозрение. Практики чтения, устройство различных кружков способствовали усилению беспокойства. Запрет на чтение Есенина был негласным, тексты поэта продолжали публиковаться, и многие по-прежнему относились к нему с особым пиететом. Советские люди обращались к творчеству Есенина, потому что его стихи, как бы это банально ни звучало, были по-настоящему лиричными, а именно этого не хватало в тяжелой повседневной жизни. К тому же, идеологи рекомендовали перебороть любой «душевный разлад», которому может способствовать чтение Есенина, и заниматься социалистическим строительством в быту.

§ 3. Классовая теория и борьба с оппозицией в дискуссиях об упадочничестве

В дискуссиях об упадочничестве проявляло себя дискурсивное представление о классовости эмоций. Считалось, что психика собственника вся в прошлом и не может подчиниться «новым понятиям».¹⁶⁶ Интеллигенты подразумевались более чувствительными и склонными к грусти, чем пролетарии. А. А. Сольц, партийный деятель, говорил, что упадочные настроения хуже хулиганства и простительны только для дворянских детей,

¹⁶⁵ «Горько видеть жизни край...». Сергей Есенин и Софья Толстая// Lib.ru/Классика [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/e/esenin_s_a/text_1925_esenin_i_tolstaya.shtml (дата обращения: 03.05.2017).

¹⁶⁶ Огнев Н. Костя Рябцев в вузе. Рига, 1929.С. 65.

нэпманов, но никак не для рабочей молодежи.¹⁶⁷ Полонский, ратовавший за всеобщую любовь при коммунизме, тоже считал (скорее, делал вид, что считает) рабочий класс в меньшей степени подверженным упадочничеству, потому что он совершил революцию в свою пользу – поэтому у рабочих упадочность может быть только временной, а у мелкобуржуазных слоев, видимо, хронической.¹⁶⁸ Бергман писал, что упадочность соответствует классовой судьбе буржуазии и противоречит пролетарской же судьбе.¹⁶⁹ Один из ораторов в Коммунистической академии заявлял, что «Есенин и есенинщина возглавляют совершенно другие социальные прослойки, чем есть у нас в среде рабочей и учащейся молодежи». Благодаря этому представлению всякий раз в газетных репортажах авторы удивлялись, что «есенинщиной» увлекались среди прочих комсомольцы, члены партии или просто рабочие. В общем, можно привести множество цитат, подтверждающих наш тезис о классовости эмоций в советском дискурсе. Психиатр В. Гиляровский вслед идеологам утверждал, что все личностные проблемы теперь могут быть рассмотрены и в связи с «патологиями» отдельных классов и социальных групп.¹⁷⁰

Классовый подход использовался, к тому же, и той и другой стороной. Публицист Н. В. Валентинов, родившийся в дворянской семье, например, характеризовал в своих мемуарах пролетарские эмоции как «примитивные».¹⁷¹ В его трактовке уровень эмоциональности зависел от образования и уровня жизни.

Такой взгляд на проблему упадочничества требовал оговорок при взгляде на статистику или, хотя бы, на рубрику «Происшествия» в местных

¹⁶⁷ Сольц А. А. Не ныть, а строить//Комсомольский быт. М., Л., 1927. С. 110.

¹⁶⁸ Упадочное настроение среди молодежи. М., 1927. С. 126.

¹⁶⁹ Бергман Г. За здоровую жизнь//Комсомольский быт. М., 1927. С. 251.

¹⁷⁰ Гиляровский В. К психопатологии детских самоубийств//Психопатология и психопрофилактика детского возраста. М., 1929. С. 70.

¹⁷¹ Валентинов Н. В. НЭП и кризис партии. Нью-Йорк, 1991. С. 176.

газетах, где перечислялись случаи самоубийств среди различных слоёв населения. Трудно найти номер ленинградской «Красной газеты», по крайней мере, за 1926 г., в котором эта рубрика не содержала бы ни одного упоминания самоубийства. Когда Преображенский писал в 1923 г., что «менее всего присущи они [самоубийства] именно пролетарской среде», ему приходилось добавлять, что на почве алкоголизма в этот переходный период и «у некоторой части пролетариата», особенно среди молодежи встречаются случаи самоубийства.¹⁷² Другой теоретик, А. Каган признавал, что пьянство только в капиталистическом обществе может быть пассивным сопротивлением существующему режиму, в коммунистическом – это следствие неумения жить, отдыхать и развиваться культурно.¹⁷³ Так он снимал подозрения с рабочих, пьянство которых могли рассмотреть как протест против государства.

Если склонность к хулиганству и пьянству относили к проявлениям пролетарских эмоций (стоит признать, что в этой статистике крестьяне и рабочие составляли большинство), то «упадочничество», которое в некоторых трактовках включало в себя и эти явления, считалось свойственным интеллигентской, студенческой среде. Последние самими теоретиками нового пролетарского государства считались более рефлексивными, нежели рабочие хотя бы силу своей образованности и благодаря знакомству с памятниками искусства, воздействующими на чувства. Скорее всего, эта рефлексивность даже не расценивалась как нужное советскому человеку качество. К тому же, если рассмотреть такое явление как «культурологическая подсказка», то обстоятельства смерти Есенина были известны каждому независимо от класса. Популярность таких текстов, как «Собачий переулок» Л. Гумилевского (1927), «Луна с правой стороны» С. Малашкина (1926), «Без черемухи» П. Романова (1927) и т. д. была обусловлена, на наш взгляд, именно их актуальностью для молодёжи любого

¹⁷² Преображенский Е. А. О морали и классовых нормах. М., Пг., 1923. С. 71.

¹⁷³ Каган А. Молодежь после гудка. М., Л., 1930. С. 49.

происхождения. Они рисовали сложные отношения героев, болезненно воспринимающих свою не вытравленную социализмом чувствительность. Это свидетельствует, на наш взгляд, о понимании читателями этих книг подобных душевных терзаний. Даже в условиях примитивизации, бульваризации эмоциональной азбуки, она была знакома всем людям. Тем более интеллигенция уже не имела тогда прерогативы в виде исключительного доступа к искусству, поэтому сам факт классовости и образованности не мог быть бесспорным. Хотя нужно отметить, что большая образованность интеллигенции давала её представителям возможность более аргументировано и от того более утрашающе выражать своё упадочническое настроение.

Нужно отметить, однако, что М. Гернет, в статистике по самоубийствам отмечал, что душевные и нервные расстройства играют большую роль у лиц свободных профессий.¹⁷⁴ Таким образом, трудовая, а не умственная деятельность говорила о более крепкой психике. В рамках советского дискурса облагораживающий труд виделся приемлемым даже для реабилитации душевнобольных с помощью «трудовой терапии», о чём существовало специальное положение Наркомздрава.¹⁷⁵

Подобные взгляды во время дискуссий тоже выражались. Эткин, один из ораторов на диспуте в Коммунистической академии, напротив, утверждал, что «нельзя говорить, что есенинщина находится только среди студенчества, она есть и среди рабочих».¹⁷⁶ При этом, как он утверждал, рабочие вдохновлялись, прежде всего, хулиганским посылом есенинской поэзии: «много девочек щупал», пошел туда–то и туда–то».¹⁷⁷ Ермилов, тоже выступавший, призывал выделить различные «прослойки молодежи», чтобы дифференцировать уровень упадочничества в них, и, конечно, в вузовской и

¹⁷⁴ Гернет М. Преступность и самоубийства. М., 1927. С. 226.

¹⁷⁵ Ильберг Г. Опыт активной трудовой терапии//Журнал невропатологии и психиатрии. 1928. №3. С. 297.

¹⁷⁶ Упадочное настроение среди молодежи. М., 1927. С. 145.

¹⁷⁷ Там же.

интеллигентской среде он был, по его мнению, значительно выше. В ответ на эту реплику стенографист отметил два как будто одновременных комментария из зала «Неправильно» и «Правильно». Поэтому трудно говорить о едином взгляде на эту проблему.

В общем, существовала два классово ориентированных взгляда на упадочничество. Во-первых, упадочники – всегда интеллигенты, во-вторых, у рабочей молодёжи тоже есть упадочничество, но выраженное в особенной форме, и лучше его даже не называть упадочничеством. Первый вариант был более распространенным.

Наиболее близким к истине нам кажется высказывание Богданова, который отметил, что «Есениным увлекается наиболее передовая часть молодежи, потому, что те, которые не увлекаются, те не читают этой поэзии». Поэтому он предлагает научить передовую часть молодёжи критически воспринимать Есенина, а они научат всю остальную часть. Он избегает классового разделения, которое пропагандировалось, и использует слово, лишённое негативного значения. Те, кого он имел в виду под передовой молодёжью, могли относиться к разным классам, тем более понятие класса было явно сконструированным.¹⁷⁸

Классовая теория анализа была использована советскими идеологами для формирования нужного представления о невинности рабочего класса и для дискриминации интеллигенции и студенчества, которые образовывали категорию мелкой буржуазии. Шейла Фицпатрик называет классовую систему советского государства фактическим возвращением к сословным отношениям, которые закрепляли только за рабочим классом определенные привилегии.¹⁷⁹ С другой стороны, главным компонентом всех этих дискуссий было стремление отличить сознательного упадника от просто запутавшегося человека. В этом должна была помочь классовая теория.

¹⁷⁸ См. подробнее. Ш. Фицпатрик. Повседневный сталинизм. М., 2008; Она же. Срывайте маски! Идентичность и самозванство в России. М., 2011.

¹⁷⁹ Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. М., 2008. С. 19-20.

В этом классовом подходе идеологию поджидала ловушка, связанная с влиянием классов друг на друга. Так, например, пролетарский поэт отрывался от своего класса, уходил в литературное творчество и привыкал к «богемному» образу жизни. Это и рождало упадочное творчество некоторых писателей-комсомольцев, как считали идеологи. Е. А. Добренко, историк культуры, в книге о формовке советских писателей отмечал, что власти были обеспокоены этим процессом. Они осознавали опасность превращения новой пролетарской интеллигенции в «нищую богему, оторвавшуюся от своей среды».¹⁸⁰ Спустя три года после основания литературной группы «Молодая гвардия» три человека из них совершили самоубийство. На эту тему в «Комсомольскую правду» пришло письмо, в котором комсомолец писал, что «художник и партиец во мне несговорчивы», потому что партия требует исполнения распоряжений, а литература – кропотливого труда над каждой строкой.¹⁸¹ Добренко пишет, что связь неустроенного «литературного быта» и «упадочничества» молодых писателей была осознана критиками.¹⁸² Г. Лелевич заметил разрыв между мышлением, которое уже проникнуто классовыми чертами пролетариата, и подсознанием, чувством, которые хранят отпечаток какого-то другого класса (мещанства, люмпен-пролетариата).¹⁸³ Поэтому молодой писатель должен был свои чувства согласовывать с марксистскими убеждениями, его «стоцентная идеологическая выдержанность должна выражаться в неиссякаемой восторженности и способности воспевать каждое событие, отмеченное в газетных столбцах».¹⁸⁴ Здесь поднимался также вопрос искренности. Почему бы не писать упадочные стихи, если только они искренни? Но тогда поэт чувствует неправильно, значит, чувствования ему нужно перековать на

¹⁸⁰ Добренко Е. А. Формовка советского писателя. СПб., 1999. С. 268.

¹⁸¹ Там же. С. 271.

¹⁸² Там же. С. 273.

¹⁸³ Там же. С. 280

¹⁸⁴ Там же. С. 283.

пролетарский лад.¹⁸⁵ Перековка предполагалась только на производстве для того, чтобы подольше сохранить «пролетарскость», связь с массой, окрепнуть и меньше поддавать искушениям богемы. «Упадочные» поэты представлялись именно потерявшими пролетарскую спайку. Евгений Добренко понимает проблему «упадочничества» как актуальную для творческой среды, но, на наш взгляд, его рассуждения можно применить вообще к советской общественной политике, когда пролетариев хотели выковать из всех граждан. В этом заключается определенный парадокс, когда антагонизм классов предполагал определенную статичность в их определении, потому что человек должен был принадлежать конкретной группе. Как пишет Ш. Фицпатрик, вся советская статистическая индустрия, возникшая в 1920-е гг., занималась идентификацией классов и прослоек.¹⁸⁶ При этом существовал относительный динамизм в переходе между классами, во-первых, пролетарский класс должен был ликвидировать буржуазность остальных, во-вторых, буржуазия и интеллигенция могли внушить свои ценности пролетариям.

В связи с классовыми представлениями рядом нужно обратить внимание и на категорию мещанства. Оно было таким же расплывчатым, как и упадочничество и нередко они были синонимами. Упрек в мещанстве связан с подозрением в интеллигентности, которая часто представлялась антикоммунистической по духу в соответствии с крайним пониманием большевистской идеологии. «Половой анархизм влечёт за собою и разъедающую *интеллигентскую рефлексию* и понижение в человеке тонуса общественной жизни».¹⁸⁷ Так, социально правильному человеку в результате отступления от неких правил грозит интеллигентность, которая также плоха

¹⁸⁵ Там же. С. 284.

¹⁸⁶ Фицпатрик Ш. Срывайте маски! Идентичность и самозванство в России XX в. М., 2011. С. 45.

¹⁸⁷ Предисловие к пятому изданию//Малашкин С. И. Луна с правой стороны или необыкновенная любовь. М., 1928. С. 15.

как «утрата общественного темперамента». В. Измозик отмечал, что в ОГПУ были особенно подозрительны по отношению к интеллигенции.¹⁸⁸

Ещё одним аспектом классовой проблемы было обсуждение крестьянского происхождения Есенина. С конца двадцатых годов, в особенности с началом коллективизации в 1928 г. творчество поэта ассоциировалось с кулацкой литературой в смысле неприятия города и ностальгии по старой Руси.¹⁸⁹ Интересно, что Луначарский, которого обвиняли в конструировании понятия «есенинщина» в общем поддерживал позитивное представление о Есенине как поэте – называл его «чувствительным манометром», человеком с очень нежной душой, однако отмечал его полукулацкое происхождение. Проблема Есенина была в его «крестьянскости», и это стало поводом для политического обвинения: его называли идеологом зажиточного, патриархального, враждебного революции классового сознания, идущего под дворянско-буржуазной гегемонией и впоследствии попавшего в «болото деклассированной богемы».¹⁹⁰ Г. Покровский находил в его творчестве сектантство, потому что религию Есенин трактовал далеко не по писанию. Почему это было обвинением? Потому что сектантство, по словам Покровского, не имеет прочной социальной базы, у него ещё более реакционное значение, чем у православия, потому что оно «не обнажало классовую сущность религии».¹⁹¹ В условиях борьбы советских властей с сектами за влияние, такое обвинение тоже было политическим.

Конфликт крестьян и рабочих проявлялся на многих уровнях. В конце 1925 г. «новая оппозиция» предложила создать делегатские собрания середняцкой молодёжи с постоянным составом, что могло стать

¹⁸⁸ Измозик В. С. Глаза и уши режима. СПб., 1995. С. 130-131.

¹⁸⁹ McVay G. Yesenin's Posthumous Fame// The Modern Language Review. 1972. Vol. 67, No. 3. С. 594-5.

¹⁹⁰ Покровский Г. А. Есенин-есенинщина-религия. М., 1930. С. 40.

¹⁹¹ Там же. С. 18.

параллельной и конкурирующей организацией по отношению к комсомолу.¹⁹² Угроза комсомольской и пролетарской монополии была очевидна. Кроме того, комсомольцы крестьянского происхождения были недовольны ориентацией организации только на пролетарское большинство.¹⁹³ Кампания против Есенина отчасти была одним из элементов классовой политики советского государства. «Обследование самоубийств в вузах, показало, что самоубийцами-есенинцами являлись по преимуществу выходцы из деревни и из городской мелкой буржуазии — элементы, социально родственные Есенину, являвшемуся знаменем их упадочных настроений».¹⁹⁴

Другим политическим аспектом этой темы была её дискуссионность и возможность вообще спорить с партийным курсом. Упадочничество стало явлением, против которого должны были восстать истинные коммунисты. Отношением к упадочничеству можно было мерить приверженность к правильной идеологии «строительства». Бухарин говорил, что особенное внимание нужно обращать на упадочные тенденции тогда, когда они имеют резко выраженный политический характер. Он пояснил, что имеет в виду: различные маленькие группировки, кружочки, двойки, тройки с анархическими настроениями и платформой.¹⁹⁵ «Кружковщина» в противовес товариществу осуждалась, потому что туда идет «упадочная часть» молодёжи — молодые люди из интеллигентов, и там «процветает пустое резонёрство и звонкая фраза ‘под Троцкого’».¹⁹⁶

Сам Троцкий ориентировался на молодежь и студенчество в борьбе с бюрократизацией партии, и его популярность среди них была достаточно велика. Критика партийного курса и героико-утопический взгляд на

¹⁹² В двадцатые годы происходила «насильственная монополизация» комсомолом молодежного движения. (Соколов В. И. Молодежное движение в России. Ч. 1. Рязань, 1992. С. 37.)

¹⁹³ Kenez P. The birth of the propaganda state. Cambridge, 2003. P. 170.

¹⁹⁴ Бобрышев И. Т. Мелкобуржуазные влияния среди молодёжи. М., Л., 1928. С. 94-95.

¹⁹⁵ Известия. №2. 1926. 3 января. С. 3.

¹⁹⁶ Канин Н. О дружбе и товариществе в комсомоле. Л., 1927. С. 30.

революцию были привлекательны для молодых людей, которые идентифицировали себя с новым режимом, писал Питер Кенез.¹⁹⁷ Соколов, исследователь молодёжи, отмечал, что по неполным данным позиции Троцкого получили в этот период поддержку 50% комсомольцев страны.¹⁹⁸ Троцкий имел значительный вес и в литературе. Е. Добренко отмечает, что даже организация новой литературной группы «Молодая гвардия» (1922) задумывалась как антитеза отвергаемой Троцким пролетарской литературе.¹⁹⁹ Он также ратовал за снисхождение к попутчикам и положительно воспринимал поэзию Есенина, призывал, чтобы в чествовании поэта не было ничего «упадочного и расслабляющего».²⁰⁰ Вопросы оппозиции решались и на литературном поле, и Есенин постепенно стал ассоциироваться с троцкизмом.²⁰¹

А. И. Мильчаков, партийный деятель, писал в своих мемуарах, что «теоретики троцкизма – Радек, Преображенский, Сосновский – потихоньку подогревали упадочные, антиреволюционные настроения», «в статьях, в публичных выступлениях, на диспутах они отравляли неустойчивые слои молодёжи ядом неверия в социализм, в его победы, натравливали молодёжь на партию»²⁰². Особенно активно начали осуждать троцкизм после самоубийства в ноябре 1927 г. А. А. Иоффе, сторонника «левой оппозиции». Он оставил письмо, в котором представил себя как «борца, который доведен до такого состояния, что никак и ничем иначе на такой позор [осуждение оппозиции и Л. Троцкого] реагировать не может» и предсказал начало

¹⁹⁷ Kenez P. The birth of the propaganda state. Cambridge., 2003. P. 176.

¹⁹⁸ Соколов В. И. Молодежное движение в России. Рязань, 1992. С. 46.

¹⁹⁹ Добренко Е. А. Формовка советского писателя. СПб., 1999. С. 241.

²⁰⁰ О'Коннор Т.Э. Анатолий Луначарский и советская политика в области культуры. М., 1992. С. 103; Красная газета. 19 января. №18. С. 4.

²⁰¹ McVay G. Yesenin's Posthumous Fame// The Modern Language Review. 1972. Vol. 67, No. 3. С. 596.

²⁰² Мильчаков А. И. Первое десятилетие: записки старого комсомольца. М., 1959. С. 184.

«термидорианского» периода борьбы за власть.²⁰³ Троцкий во время его похорон произнес речь, где отметил, что Иоффе ушёл в тот час, когда не мог отдать ничего больше, чем смерть²⁰⁴. Е. Ярославский на XV съезде ВКП(б) называл письмо Иоффе «документом величайшего упадочничества, есенинщиной, гнилью, карамазовщиной в нашей партии» и этой фразой, судя по стенограмме, заслужил аплодисменты.²⁰⁵ Считалось, что коварные оппозиционеры способствовали кризису в СССР, чтобы доказать свою правоту и ошибочность партийного курса. Ярославский даже опубликовал статью «Философия упадочничества» в журнале «Большевик», потому что после этого самоубийства оппозиционеры в подпольных листках представляли смерть Иоффе как акт героизма во имя истинно ленинского коммунизма. Емельян Михайлович, напротив, подчеркивал антиленинский и антипролетарский характер этой «похоронной философии», которая противоречит жизнерадостности победившего класса.²⁰⁶ «Троцкистский неоменьшевизм – продукт упадочнических настроений – не выдержит проверки в больших надвигающихся боях».²⁰⁷

На диспуте об упадочничестве отмечали, что в партийной и комсомольской среде становится обычным навешивание ярлыков «оппозиционер», «троцкист», что являлось «убийственной кличкой», видимо, во всех смыслах.²⁰⁸ Действительно, судя по комсомольским документам, оппозиционером могли называть человека, который распускает «ложные слухи».²⁰⁹ Товарищ Новоселец считал, что «нужно нашей молодежи дать

²⁰³ Предсмертное письмо Иоффе и сообщение секретариата ЦК ВКП (б)//Лев Троцкий. Портреты революционеров. М., 1991. С.340.

²⁰⁴ Речь на могиле Иоффе//Там же. С. 333.

²⁰⁵ XV Съезд Всесоюзной Коммунистической Партии (б): Стеногр. отчет. М., Л., 1928. С. 356.

²⁰⁶ Ярославский Е. М. Философия упадничества//Большевик. 1927. №23-24. С. 135-144.

²⁰⁷ XV Съезд Всесоюзной Коммунистической Партии (б) : Стеногр. отчет. М., Л., 1928. С. 690.

²⁰⁸ Упадочное настроение среди молодежи. М., 1927. С. 141.

²⁰⁹ ЦГАИПД. Ф. К-156. Оп. 1а. Д. 15. Л. 34.

работу критической мысли, дать свободу критики нашей молодежи. Хотя, может быть, меня зачислят в оппозиционеры, но я стою на точке зрения тов. Радека, когда он говорит, что среди молодежи недостаточно работает критическая мысль».²¹⁰ Возможность критически мыслить и самостоятельно подходить к творчеству Есенина стихийно обрела политическое значение. «Но у нас, если высказывается здоровая мысль, обязательно пришьют либо «оппозиционера», либо «социал–демократа». Я вам скажу, что в провинции это особенно заметно».²¹¹ Позволим себе предположить, что в двадцатые годы формировался советский «авторитарный дискурс», который требовал использования слов в узком, конкретном и объективном значении. В. В. Ермилов, идеолог РАПП, характеризовал эту необходимость «сопротивлением мещанской фразе»: «Всякий, выступающий в наше сложное время в печати, должен до конца продумывать объективное значение каждого своего слова, каждой своей фразы», так как мещанство использует многозначность слов в своих интересах. Он писал, что не надо воспитывать любознательного либерала «в духе западноевропейского оппортунизма терпимости».²¹² Характерно, что в 1970-е гг., во времена позднего социализма, некоторые коммунисты и комсомольцы наоборот стремились к критической рефлексии по поводу коммунизма и его идеологов, позволяя себе при этом обращаться и к буржуазной литературе, чтобы найти истину.²¹³

Считалось, что оппозиционерами часто становились по недоразумению, когда не понимали вопроса²¹⁴ – видимо, запутавшись в мещанской речи. Комсомолец должен был сам проработать вопрос, прежде чем судить об оппозиции – но проработать и прийти к пониманию

²¹⁰ Упадочное настроение среди молодежи. М., 1927. С. 141.

²¹¹ Там же. С. 142.

²¹² Ермилов В. В. Против мещанства и упадочничества. М., Л., 1927. С. 38, 45.

²¹³ Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. М., 2014. С. 438-439.

²¹⁴ ЦГАИПД. Ф. К-764. Оп 1. Д. 11. Л. 2.

правильности партийного курса²¹⁵. Человеку хотели внушить, что он рассуждает самостоятельно. Кроме того, в источниках упоминалась проблема, что оппозиционер больше склонен к чтению как к досугу, чем «наша комсомольская масса».²¹⁶ Однако самостоятельное чтение и самостоятельный выбор литературы казались властям вызывающими подозрение практиками.

Мы должны добавить, что, например, один член комсомола вспоминал об этом периоде, что аресты и официальные осуждения контрреволюционеров заставили его и его друзей прекратить свободные и жаркие дискуссии по политическим предметам и партийном лидерстве, что никто из них не понимал значения слова троцкизм, но поняли, что нужно прекратить свободные беседы.²¹⁷ «Комсомольская правда» напрямую писала, что платформа оппозиции отражает упадочнические настроения и потакает им.²¹⁸ В пример приводился комсомолец Макаревич, который говорил, что своими действиями партия только отдаляет социализм, на каждый маленький плюс приходится большой минус, в пример он привёл бедственное положение с беспризорниками.²¹⁹ Такое положение дел заставило его выйти из союза «с комсомольским и товарищеским» приветом. Карл Радек называл упадочничество «термометром», показывающим лихорадочное состояние общественного организма.²²⁰ Троцкий похожим образом говорил, что «молодежь – вернейший барометр партии».²²¹ Характерно, что «барометром общественного настроения» молодёжь называли и во время эпидемии

²¹⁵ ЦГАИПД. Ф. К-156. Оп. 1а. Д. 10. Л. 22.

²¹⁶ ЦГАИПД. Ф. К-156. Оп. 1а. Д.14. Л. 189.

²¹⁷ Цит. по: Gorsuch A. Youth in Revolutionary Russia: Enthusiasts, Bohemians, Delinquents. Bloomington, Indianapolis, 2000.С. 178.

²¹⁸ Ханин П. Большевистское воспитание молодёжи и оппозиция//Комсомольская правда. 1926. №219. 23 сентября. С. 3.

²¹⁹ Там же.

²²⁰ Радек К. Не термометр виноват//Против упадничества, против есенинщины. М., Л., 1927. С. 36-40.

²²¹ Цит. по: РКП(б). Внутрипартийная борьба в двадцатые годы. М., 2004. С. 310.

самоубийств 1906-1914 гг. Однако М. Стейнберг на это заметил, что все поколения и сословия переживали одну и ту же «роковую атмосферу тоски и уныния».²²²

М. М. Пришвин в дневнике от 1 сентября 1927 года писал, что ему тяжело думать о жизни Троцкого и прочих оппозиционеров, которые окончательно разочаровались в революции. Он видел для них два выхода: или верить «как хочет верить честный Бухарин», или покончить с собой.²²³ Самоубийство многим представлялось как протест против закосневающей системы. Н. Эрдман высмеял подобное видение в пьесе «Самоубийца», в которой провозгласил важность человеческой жизни независимо от участия человека в строительстве и его политической позиции.²²⁴ Участие в советской политике способствовало ощущению собственной немощности и желанию выразить протест с помощью самоубийства. Это случилось с оппозиционерами Ю. Лутовиновым, А. Иоффе и другими. В условиях такого противопоставления упадочничество, и особенно самоубийство как его составная часть, часто понимались как политическое действие не только властями, но и рядовыми гражданами. Поэтому спор с оппозицией тоже нашёл место в дискуссиях об упадочничестве.

Таким образом, процесс превращения слова «упадочничество» в политическое клеймо начался уже в середине десятилетия, и с завершением публичных обсуждений подобных проблем в тридцатые годы только усилился. В «Кратком курсе истории ВКП(б)» (1938) упадочничеством были названы как настроения неверия после революции 1905 г., так и сопротивление введению нэпа со стороны «неустойчивых элементов партии».²²⁵

²²² Steinberg M. Proletarian imagination. Ithaca; London, 2002. С. 214.

²²³ Пришвин М. М. Дневники. 1926-1927. М., 2003. С. 437.

²²⁴ Эрдман Н. Р. Самоубийца: пьесы. СПб.: Азбука, 2011. 317 с.

²²⁵ История Всесоюзной коммунистической партии (большевиков): Краткий курс. М., 1938. С. 92-99, 247.

Мы выяснили, что советскую эмоциональность должна была формировать среда, однако эта среда с материальной точки зрения была неудовлетворительна для большинства населения. Реформирование чувствительности было связано с научными теориями, в особенности с рефлексологией И. Павлова. Считалось, что внешнее воздействие на тело может изменить душу. Упадочничество стало симптомом кризиса этого проекта по переделке человеческой психики, поэтому во время дискуссии о самом лиричном поэте Есенине начали активно говорить о необходимости дать советским людям, а в особенности молодёжи, что-нибудь «для чувства». В культе Есенина выразилось стремление людей к лиричности, к переживанию особого эмоционального опыта. Это выражалось и в чтении стихов, и в сочинении своих «под Есенина», и в создании кружков. Такая популярность начала настораживать власть уже в первые месяцы после смерти поэта и далее беспокойство только увеличивалось. Политизация была ярко выразилась в дискуссии об упадочничестве. В рамках этого обсуждения появлялись и обвинения оппозиционеров в насаждении упадочничества, и жалобы на то, что слово «оппозиционер» становится просто ярлыком, который навешивают на всех неугодных. Классовый подход, примененный в дискуссиях, послужил созданию определенной иерархии «упадников», когда студенты, интеллигенты назывались радикальными упадочниками, а рабочие часто были оправданы.

Глава 2. Упадочничество в Комсомоле

В данной главе мы попытаемся рассмотреть феномен упадочничества в контексте комсомольской повседневности, т. к. наиболее подверженная упадочничеству часть общества – молодежь – была всегда в той или иной степени связана с этой организацией. Комсомол выступал как «передовой отряд» молодёжи, который во многом формировал её образ и обладал мобилизационными возможностями. Представляется важным обратить внимание на внутренние проблемы ВЛКСМ, поэтому в первом параграфе мы рассмотрим дисциплинарные практики, сложившиеся внутри союза молодежи; во втором параграфе обратим внимание на «болезненные настроения», через которые выражалось недовольство комсомольцев теми или иными аспектами его деятельности, что нередко именовалось упадочничеством; третий параграф посвятим разбору идеи товарищества, недостаток которого виделся теоретикам одной из основных причин пессимистических настроений. Это позволит нам определить какой «эмоциональный режим» господствовал в комсомоле и как он был связан с упадочничеством.

Мы рассматриваем документы всех уровней комсомольской организации, и А. А. Слезин, современный историк комсомола, отмечал, что «в условиях, когда ЦК искал недостатки на уровне губернских (областных) комитетов, губкомы (обкомы) - на уровне уездных (окружных) комитетов, уездные (окружные) комитеты на уровне первичных организаций, то при выстраивании извлеченного из докладов “негатив” по хронологическому и территориальному принципам, то создается картина всеобщности того или иного явления общественной жизни и раскрывается необычайно широкая распространенность инакомыслия и открытого сопротивления власти на рубеже 1920-1930-х годов».²²⁶ Мы бы не стали использовать формулировку «сопротивление власти», однако недовольство само по себе в те годы

²²⁶ Слезин А. А. Источниковая база истории раннего комсомола //Genesis: исторические исследования. 2012. №2. С. 108-148. [Электронный ресурс]. URL: http://e-notabene.ru/hr/article_271.html (дата обращения: 03.05.2017).

проявлялось относительно открыто и было свидетельством определенного кризиса взаимопонимания в отношениях рядовых комсомольцев и руководства.

§1. Комсомольская повседневность: дисциплинарный дискурс

В этом параграфе мы рассмотрим внутреннюю жизнь комсомола. Для начала нужно определить место союза молодежи в советском государстве. Резолюция о молодежи впервые была принята на II съезде РСДРП в 1903 г., партия выражала своё приветствие революционной самодеятельности молодёжи, рекомендовала всем партийным организациям им содействовать в выработке «последовательного социалистического мирозерцания», а также способствовать их связи с социал-демократическими организациями при переходе к практической деятельности.²²⁷ Летом 1917 г. в резолюции о союзах молодёжи говорилось, что партия не должна опекать молодёжные организации, так как самостоятельность способствует их эффективности²²⁸. В октябре 1918 г. на Всероссийском съезде рабочей и крестьянской молодёжи был создан Российский коммунистический союз молодёжи, который по-прежнему провозглашался самостоятельным, хотя обязанным распространять идеи коммунизма²²⁹ – в нём тогда состояло примерно 2,5 тыс. членов.²³⁰ Уже на VIII съезде РКП (б) в 1919 г. речь зашла о подконтрольном положении Союза молодёжи, это произошло отчасти потому, что всем членам партии до 20 лет необходимо было вступить в РКСМ для помощи в мобилизации во время Гражданской войны. Самостоятельность тогда по-прежнему

²²⁷ КПСС о Комсомоле и молодёжи. М., 1962. С. 383.

²²⁸ О союзах молодёжи. Резолюция VI съезда РСДРП(б), июль-август 1917 г.//КПСС о комсомоле и молодёжи. С. 3.

²²⁹ Об организации коммунистического союза молодежи. Циркулярное письмо ЦК РКП (б), ноябрь 1918 г.// КПСС о комсомоле и молодежи. С. 4-5.

²³⁰ Лебина Н.Б. Рабочая молодежь Ленинграда. Л., 1982. С. 12.

декларировалась.²³¹ Постепенно контроль увеличивался в связи с падением дисциплины, который отмечался уже на Третьем Всероссийском съезде 1920 г.,²³² отношения комсомола и партии описывались в терминах сотрудничества и «тесной связи». Ради этого устраивались специальные «Недели сближения РКП и РКСМ». В 1924 г. после смерти В. И. Ленина комсомолу присвоено наименование «ленинский», а в 1926 г. – Всесоюзный. Процесс развития союза в двадцатые годы А. А. Слезин описывает как «огосударствление», подразумевавшее постепенно усиливающуюся зависимость комсомола от партии.²³³

Недовольство комсомольцев не должно было учитываться в реальной политической борьбе.²³⁴ Дискуссии о праве голоса комсомольцев в политике выражались в споре о возрасте вступления в союз, который для желающих видеть ВЛКСМ политической организацией начинался с 16, а не с 14 лет, как это было на самом деле.²³⁵ Своеобразная «инфантилизация» комсомола автоматически ставила его значительно ниже партии, что особенно проявилось во время борьбы с оппозицией 1925 года. В протоколах комсомольских собраний после XIV съезда ВКП (б) декларировалось полное согласие с партийными постановлениями: «Пускай партия ошибается, пускай ЦК ошибается, но мы будем единодушно исправлять вместе с ним его ошибки и идти по заветам Ильича, по его стопам».²³⁶ И. В. Сталин напрямую говорил на партийном совещании 1924 г., что комсомол – «инструмент

²³¹ О взаимоотношениях российского коммунистического союза молодежи и российской коммунистической партии (большевиков). Совместное указание ЦК РКП (б) и ЦК РКСМ, август 1919//КПСС о Комсомоле и молодежи. М., 1962. С. 7-8.

²³² КПСС о Комсомоле и молодежи. М., 1962. С. 15.

²³³ См. подробнее: Слезин А. А. Огосударствление комсомола: неоднозначность последствий // Юридический мир. 2006. С. 75-80.; Криворученко В.К. В тисках сталинщины. М., 1991.

²³⁴ Kenez P. The birth of the propaganda state. Cambridge., 2003. p. 168-176.

²³⁵ Вопрос изменения возраста вступления поднимался на I, III, IV, VI съездах Комсомола (Криворученко В. К. Суховаерхова З. И. Развитие устава ВЛКСМ. М., 1988.)

²³⁶ ЦГАИПД. К-156. Оп. 1. Д. 10. Л. 18.

партии», её «подсобное орудие».²³⁷ Действительно, идеологическое влияние партии было велико и, несмотря на поддержку оппозиции многими комсомольцами в двадцатые годы, в результате победил партийный курс. В. К. Криворученко, специалист по истории комсомола, значительную роль в этом процессе отводит фигуре Сталина, который в двадцатые годы нередко высказывался о подсобной функции ВЛКСМ и закрепил своё видение на X съезде ВЛКСМ в 1936 г.²³⁸ Однако, на наш взгляд, значительная роль Сталина в этом процессе преувеличена, потому что процесс бюрократизации союза происходил независимо от личных указаний генерального секретаря.

Комсомол имел территориально-производственную иерархию – ячейки создавались по месту работы в городах, и по месту жительства в деревнях, они объявлялись основной союзной организации, связывающей союз с массами.²³⁹ ВЛКСМ представлял собой массовую организацию, куда могли приниматься все молодые люди, но где должно было сохраняться «пролетарское руководство»²⁴⁰. Массовость союза определялась его задачами и целями уже при создании – требование участия в строительстве социализма совпадало с целями большинства советских людей.²⁴¹ Рабочую молодежь предполагалось вовлекать в союз на 100%, тогда как в отношении остальных групп молодёжи этого не требовалось.²⁴² Чтобы сохранить пролетарское большинство в ВЛКСМ, был введен кандидатский стаж для интеллигенции, желающей вступить в союз (сначала 6 месяцев, потом 1,5 года). Впоследствии помимо этого появилось требование получать рекомендации от

²³⁷ Стецура Ю. А. Молодежь в постреволюционном преобразовании России. М., 1998. С. 14.

²³⁸ Криворученко В.К. В тисках сталинщины. М., 1991.

²³⁹ Криворученко В. К. Суховерхова З. И. Развитие устава ВЛКСМ. М., 1988. С. 8.

²⁴⁰ Там же. С. 14.

²⁴¹ Криворученко В.К. В тисках сталинщины. М., 1991. С. 123.

²⁴² Криворученко В. К. Суховерхова З. И. Развитие устава ВЛКСМ. М., 1988. С. 13-15.

членов союза.²⁴³ За 1922-1930 гг. охват рабочих в ВЛКСМ увеличился с 28,2% до 48,2%.²⁴⁴

В начале нэпа (1921) в союзе состояло примерно 400 тыс. человек, и это число постепенно увеличивалось после падения 1922-1923 гг. (всего 260-280 тыс. чел. в эти годы). Рост численности произошел в 1924 г. – с «ленинским призывом» число комсомольцев увеличилось на 600 тыс. чел. – больше чем в два раза.²⁴⁵ В 1925 г. – 1020 тыс. чел, в 1926 – 1650 тыс., в 1927 – 2000 тыс. чел.²⁴⁶ С 1928 по 1931 – с 2 до 5,4 млн человек.²⁴⁷ Однако в условиях быстрого роста, существовала проблема значительной текучести союза, особенно в кризисные периоды. Так, например, во время чистки союза в 1924-начало 1925 гг. после борьбы с троцкизмом – выбыло 150 тыс. человек.²⁴⁸

Одним из факторов «огосударствления» ВЛКСМ было реформирование товарищеских судов в конфликтные комиссии. Относительно первых отмечалось, что с ними «создана возможность более тщательного изучения нездоровых явлений, происходящих среди членов организации».²⁴⁹ Недостатком в их работе была неэффективность в деле борьбы с этими нездоровыми явлениями. В 1926 г. после VII съезда комсомола, когда товарищеские суды были реформированы в конфликтные комиссии,²⁵⁰ о целях последних говорилось: «мало карать за совершенный поступок,

²⁴³ Там же. С. 9.

²⁴⁴ Там же. С. 15.

²⁴⁵ Там же. С. 12.

²⁴⁶ Kenez P. The birth of the propaganda state. Cambridge., 2003. P. 168.

²⁴⁷ Криворученко В.К. В тисках сталинщины. М., 1991. С. 126.

²⁴⁸ Gorsuch A. Youth in Revolutionary Russia: Enthusiasts, Bohemians, Delinquents. Bloomington, Indianapolis, 2000. P. 42.

²⁴⁹ ЦГАИПД. К-601. Оп. 1. Д. 619 С. 29.

²⁵⁰ После VII съезда ВЛКСМ (март 1926 г.) апелляционные комиссии и товарищеские суды были переименованы в конфликтные комиссии. Положение о конфликтных комиссиях Ленинградской организации ВЛКСМ было утверждено губкомом ВЛКСМ 26 мая 1926 г.

необходимо его предупредить».²⁵¹ В резолюции «Комсомол и рабочая молодёжь» упоминалась необходимость «упорядочить работу конфликтных комиссий при комитетах, организовав вокруг их работы и борьбы с отрицательными явлениями вообще *широкое общественное мнение*, вскрывая болезненные явления в рядах ВЛКСМ, освещая их в печати и намечая *пути изживания*». В состав конфликтных комиссий должны были входить активные работники союза, партийно-выдержанные и достаточно *авторитетные* в организации. Центральный комитет должен был повысить работу конфликтных комиссий при ЦК, поставив во главе одного из секретарей ЦК. И, разумеется, работу конфликтных комиссий необходимо было увязать с деятельностью высшего партийного органа, ответственного за дисциплину – Контрольной комиссией ВКП(б) в целях изучения происходящих в комсомольских организациях процессов и установления *правильной линии* в работе конфликтных комиссий по борьбе с болезненными явлениями.²⁵² Таким образом, конфликтные комиссии при комсомольских комитетах, отслеживающие дисциплину в комсомоле, должны были осуществлять передачу своих материалов в высшие инстанции. Это во многом подразумевало подавление инициатив, которые могли противоречить распоряжениям и установлениям сверху и считаться оппозиционными или «болезненными». Однако даже они были неэффективны – в 1929 г. в специальном партийном постановлении о конфликтных комиссиях ВЛКСМ отмечалось, что они лишь ограничивались разбором конфликтных дел и *слабо сигнализировали* комсомолу и партии о болезненных явлениях, об их причинах и «не выдвигали необходимые мероприятия». КК должны были предпочитать «глубокое» исследование жизни и работы молодёжи на производстве, в школе и в общезжитии, в колхозах, совхозах, в отдельных ячейках, клубах и юнсекциях и влияние на неё литературы, театра, кино. Они

²⁵¹ ЦГАИПД. К-601. Оп. Д. 869. Л. 5.

²⁵² О связи КК и РКИ с организациями молодежи. Письмо ЦКК ВКП б от 24 мая 1926 г//КПСС о Комсомоле и молодежи. М., 1962. С. 110.

также должны были способствовать твердой дисциплине, на суд общественности нужно было выносить отдельных нарушителей. Соблюдение классового подхода было обязательным и предполагало более строгие требования к «непролетарским элементам».²⁵³

Комсомольская молодёжь представлялась авангардом строительства нового мира, так как её предполагаемая классовая чистота²⁵⁴ и опыт Гражданской войны должны были способствовать воспитанию настоящих последовательных коммунистов, которые «борьбе с буржуазией» должны подчинить «всякий шаг в своем учении, образовании, воспитании».²⁵⁵ В связи с перечисленными целями конфликтных комиссий напрашивается вывод, что проблема дисциплины остро стояла в комсомольской повестке дня и волновала партийное руководство. «Строжайшая дисциплина является первой обязанностью всех членов ВЛКСМ и всех союзных организаций», – гласил устав ВЛКСМ. Поэтому рассмотрим внутрикомсомольскую дисциплинарную практику, чтобы обратить внимание на низовое представление о ней. Мы сосредоточимся на том, как предполагалось сохранять дисциплину, и где была граница для вмешательства этих практик.

В условиях требования 100% охвата рабочей молодёжи нужно было прилагать все усилия, чтобы вовлечь беспартийную²⁵⁶ молодёжь в организацию. В письмах в ЦК и вопросах на местных комсомольских конференциях выражались сомнения по поводу выполнения 100% лозунга, на что руководство отвечало, что это дело времени и стимул к дальнейшей

²⁵³ О задачах конфликтных комиссий ВЛКСМ. Постановление ЦК и ЦКК ВКП(б) от 9 сентября 1929 г.// КПСС о комсомоле и молодёжи. М., 1962. С. 171-175.

²⁵⁴ Комсомольское руководство и партия постоянно стремились увеличить число рабочих в организации в противовес «мелкобуржуазным» крестьянам: «Выявить индустриальную молодёжь и ей в первую очередь помогать», «особое внимание на втягивание бедняцкой и батрацкой молодёжи». (ЦГАИПД. Ф. К-598. Оп. 1. Д. 4888. Л. 3.)

²⁵⁵ Преображенский Е. А. О морали и классовых нормах. М., Пг., 1923. С. 15.

²⁵⁶ Не все члены ВЛКСМ вступали в партию, однако в документах чаще всего противопоставляются комсомольцы и беспартийные. Партийность комсомольца в любом случае подразумевалась, даже если он не имел соответствующих документов о вступлении в партию.

работе.²⁵⁷ Это представляло большую трудность на местах, к тому же из тех примерно 50% рабочей молодежи, охваченной комсомолом в период 1925 - 1929 гг., не все обладали должной «сознательностью»/«дисциплинарностью». Так, например, некто Баргунов не хотел вступать в комсомольскую организацию Ижорского завода, но его «втащили насильно», поэтому он позволял себе недисциплинированность: «ругается крепко, на собраниях бюро смеется и разговаривает».²⁵⁸ Нужно сказать, что с ростом организации – а он был постоянным в рассматриваемый период – дисциплина только падала, так как приходило всё больше необразованных, безграмотных, безработных, рассчитывающих на ВЛКСМ как на социальный лифт. Противоречия между требованием партии и повседневной реальностью рождали различные стратегии поведения по отношению к членам ВЛКСМ, которые не всегда были готовы соблюдать союзную дисциплину. В основном противоречия заключались в выборе между «воспитательными» и «репрессивными» мерами в деле укрепления дисциплины. Её необходимость считалась бесспорной, неопределенными были только пути её достижения. Рассмотрим одно из радикальных предложений по усовершенствованию комсомольской дисциплины.

Энтузиаст, студент экономического факультета Люблин, высказывался следующим образом в заявлении, адресованном в Бюро ячейки Экономического факультета 14 декабря 1926 г.: «Уши прожужжал лозунг “минимум принуждения и максимум убеждения”²⁵⁹». Своё недовольство лозунгом он оправдывал тем, что тот не совсем «подходит нам в данный момент» и «громадное большинство» комсомольцев признает классовую необходимость дисциплины, но не хочет её выполнять. Эти строки подчеркнуты красными чернилами и сбоку приписано «а что мы сделали для

²⁵⁷ VII съезд ВЛКСМ. 11-22 марта 1926 г. Стенографический отчёт. М., Л., 1926. С. 46-47.

²⁵⁸ ЦГАИПД. Ф. К-764. Оп. 1. Д. 12. Л. 66.

²⁵⁹ Этот бухаринский лозунг предполагал, прежде всего, воспитательные меры по отношению к комсомольцам. (Цванкин Н. Что есть распушенность//Комсомольский быт. М., Л., 1927. С. 335.)

того, чтобы заинтересовать?», – тезисы комсомольца вызывают сомнения у вышеставленного читателя, который недоволен радикализмом автора и отмечает промахи за самой организацией, которая ничего не дала рядовым членам. Люблин рекомендовал также *поговорить* с теми, кто по своему желанию хотел уйти из союза и оставить только сознательных людей. Это, по его мнению, позволит «отбросить всякие рассуждения о том, какое слово внести в резолюцию о поднятии дисциплины», и слово это должно быть «плановым» и «жестоким». Несмотря на то, что с «несознательными» он призывал просто поговорить, к оставшимся «сознательным» он предлагал применять жесткую дисциплину, однако «при максимальной демократии», т. е. при их полном согласии на дисциплинарные ограничения. Это предполагало «отсеивание» тех, кто своим поведением срывает работу, и тех, кого он называл «новичками», «не закаленными в комсомольской работе эпохи гражданской войны», «не болеющими душой за неудачи комсомола», «не испытывающими *истую* радость от успехов». В этом тексте была определена субъективная норма того, каким должен быть комсомолец, а именно – искренним, опытным, закаленным.

Также Люблин призывал не бояться голосов протеста «против жесточайших мер», которые должны быть потому, что «большая часть товарищей будет чувствовать что это касается их». Необходимость жесткой дисциплины оправдывалась им тем, что перед комсомолом «*стоят большие задачи*». При этом, только внедрив дисциплину, можно применять воспитательные меры: «Роскошью будет являться усиление воспитательной работы без введения дисциплины». Эта роскошь казалась ему непозволительной «при нынешнем состоянии работы ячейки».²⁶⁰

Он требовал скорее поставить этот вопрос на бюро ячейки, коллектива, и узнать настроение всей массы комсомола, потому что нужно «мобилизовать максимум *общественного мнения*». «Сталкиваясь в повседневной работе со многими товарищами, чувствуешь хорошо нечеткость работы

²⁶⁰ ЦГАИПД. Ф. К-598. Оп. 1. Д. 4885. Л. 47.

комсомольского механизма», поэтому нужно «*вместе* работать над вправлением вывихов и отсечением *сгнившего*».²⁶¹ Люблин предполагает здесь, что общественное мнение будет формироваться только его единомышленниками, сторонниками жесткой дисциплины, однако сам отмечает, что его заявление кто-то может характеризовать как «паникерское» – т. е. демонстрирующее мнение, не разделяемое большинством.

Люблин представил весьма распространенный взгляд на комсомол, который в идеале должен был состоять из «сознательных» и «закаленных». Такое видение предполагало скорый конец ВЛКСМ с уходом «ветеранов» из организации по достижении ими 23 лет. Он видел «нормального» комсомольца именно таким, но это был его субъективный взгляд, однако находящийся в поле властного дискурса. Предполагалось, что для «нормального» человека дорога в комсомол всегда открыта, однако понятие нормы было слишком сложносочиненным. «Комсомол не богадельня. Если [имя комсомолки] псих, то наша организация не пострадает в случае её исключения. Если же она нормальна, то всегда имея желание, сумеет вступить в ВЛКСМ»²⁶². Основным мерилom «нормальности» было соблюдение дисциплины, хотя и здесь был риск получить обвинение в карьеризме. Казалось бы, безусловным показателем может стать «истая радость» от успехов комсомола. Однако под заявлением Люблина красными чернилами написано, что «человек <неразб., но определенно гл. в пр. вр.> поэтому у него нет другого выхода как <неразб.> железным кулаком ударить, максимум демократии», и далее «а что говорила последняя оппозиция». Следовательно, этот искренний и продуманный призыв к жесткой дисциплине в ячейке Экономического факультета рассматривался как возможно оппозиционный акт. Подозрение вызвали как упоминания демократии, так и железной дисциплины – эти предложения подчеркнуты красным – именно в таком виде документ был отправлен на рассмотрение в

²⁶¹ ЦГАИПД. Ф. К-598. Оп. 1. Д. 4885. Л. 47.

²⁶² ЦГАИПД. Ф. К-1418. Оп. 1. Д. 11.

губернский комитет. Комсомол был подвергнут жесткой критике, хотя все рекомендации Люблина укладывались в идеологические клише власти, которая требовала примерно того же самого, но в отличие от него не давала указаний к конкретным действиям.

В других отчётах похожим образом с аналогичным осуждением отмечалось, что молодые активисты работают определенное количество часов без необходимого «самопожертвования», которому могут научить только те самые закаленные на фронтах Гражданской войны «старые товарищи».²⁶³ Во все районные комитеты ВЛКСМ в 1928 г. были разосланы рекомендации на основе решений XV съезда партии, о том, что следует добиться того, «чтобы не было ни одного комсомольца, ни одного молодого рабочего и крестьянина, не ведущего активной, действительно полезной работы на отдельных участках социалистического строительства».²⁶⁴ Каждый мог в заданных руководством пределах интерпретировать идеологию по-своему, поэтому и дисциплинарный порядок в разных коллективах отличался – где-то по-прежнему делали упор на воспитательные меры, где-то делали ставку на контроль. Различные представления о рациональных методах налаживания дисциплины могли, как в случае Люблина, встречаться одновременно в одних и тех же коллективах, что вызывало определенные сложности. Трудно было определить конкретную сущность партийного курса, соблюдать который требовалось всем членам ВЛКСМ.

Одним из значимых контрольных механизмов в союзе молодежи было формирование общественного мнения – оно упоминалось и в резолюции о КК. Так как комсомольцы часто проводили или должны были проводить время вместе, осуждение большинством функционировало как регулирующий дисциплину инструмент. Постоянные собрания, совещания с обсуждением вопросов о расходовании заработной платы, разного рода нарушениях, с рассказами «как я живу» и т.д. Все эти мероприятия должны

²⁶³ ЦГАИПД. Ф. К-598. Оп. 1. Д. 4079. Л. 6.

²⁶⁴ ЦГАИПД. Ф. К-598. Оп. 1. Д. 4083. Л. 3.

были создать именно «массовую общественную критику вокруг болезненных явлений».²⁶⁵ Даже обеденный перерыв рекомендовалось тратить на беседы с молодежью, которая должна была узнавать о «повседневных случаях на предприятии» вроде конфликтов, прогулов, несчастных случаев и формировать своё правильное мнение по этому поводу.²⁶⁶ В планах работы напрямую говорилось, что важным аспектом политики ячейки должно стать ознакомление с «личной (этической) жизнью» комсомольцев. Это отвечало не только идеологическим целям, но и интересам рядового состава, потому что обсуждение *чужой* личной жизни вызывало «большой интерес у ребят».²⁶⁷ Проникновение дисциплинарного дискурса в частную сферу индивида было весьма велико, не было областей жизни, которые могли быть сокрыты от глаз коллектива.

Для провинившихся существовали практики черных досок, товарищеских судов, политсудов, публичных осуждений на собрании и т. д., само их наличие и боязнь наказания должны были предупредить нарушение. В 1926 году в Ленинградском политехническом институте в качестве одной из форм культурно-бытовой работы был проведен показательный «суд над проституткой», которые в отчете значился в графе «связь с производством и формы связи».²⁶⁸ На фабрике Желябова подошли ещё более ответственно: специально выявили «четыре отрицательных типа комсомольцев, тормозящих работу», к которым относились «*упадочники*, шкурники, шатай-валяй и часть замужних девчат» и всех «обвиняемых» (кавычки автора отчета) убедили участвовать в суде, где они должны были продемонстрировать упорство в отстаивании своей невиновности. В итоге «суд прошёл так натурально, что некоторые обвиняемые тут же покаялись в своей вине».²⁶⁹

²⁶⁵ ЦГАИПД. Ф. К-598. Оп. 1. Д. 4085. Л. 69.

²⁶⁶ ЦГАИПД. Ф. К-1791. Оп. 1. Д. 8. Л. 10. А также Ф. К-164. Оп. 1. Д. 14. Л. 75

²⁶⁷ ЦГАИПД. Ф. К-1791. Оп. 1. Д. 8. Л. 89; Там же. Ф. К-156. Оп. 1а. Д. 14. Л. 173.

²⁶⁸ ЦГАИПД. Ф. К-601. Оп. 1. Д. 784. Л. 65.

²⁶⁹ ЦГАИПД. Ф. К-598. Оп. 1. Д. 4085. Л. 9.

Во-первых, предполагаемое упорство необходимо было для уверения зрителей в натуральности происходящего и в последующем оправданном триумфе победившей стороны, олицетворяющей собой советские нормы поведения. Во-вторых, фиктивные подсудимые прониклись «натуральностью» суда и реально покаялись в своей вине, которую не могли ощущать на самом деле. Такая государственническая форма социального контроля как суд, имеющий в первую очередь функцию правосудия, в комсомольском быту предстает как элемент *культурной, просветительской* работы, которая ориентирована, прежде всего, на демонстрацию дисциплинарного механизма. Публичная «казнь», увиденная даже в театральной форме, имела функцию устрашения – воспоминание о ней должно было предостеречь от совершения преступления.²⁷⁰

Дисциплину могли нарушать такие на первый взгляд невинные вещи как замужество, которое считалось большой помехой для работы комсомола, потому что погружало члена коллектива в более значимую для него общность. Так как семья, по мнению актива²⁷¹, делала человека зависимым, его нужно было больше нагрузить работой.²⁷² А. Ю. Рожков писал о негативном отношении к семье в двадцатые годы: семья тогда представлялась реакционной, связанной с прошлым, поэтому «молодняк» нужно было отвлечь от семейственности.²⁷³ Отрыв из-за замужества наряду с хулиганством и пьянством относился к отрицательным «мелкобуржуазным» явлениям.²⁷⁴ При этом в некоторых коллективах призывали к понимающему отношению к замужним комсомолкам.²⁷⁵

²⁷⁰ Фуко М. Надзирать и наказывать. М., 2015. С. 128.

²⁷¹ Актив – бюро ячеек, секретари, вообще наиболее передовая, политически закаленная и деятельная часть членов партийной или другой общественной организации. (Толковый словарь русского языка/Ред. Д. Ушаков. Т. 1. М., 1935. С 1083.).

²⁷² ЦГАИПД. Ф. К-156. Оп. 1а. Д. 15 Л. 19.

²⁷³ Рожков А. Ю. В кругу сверстников. М., 2014. С. 40.

²⁷⁴ ЦГАИПД. Ф. К-156. Оп. 1а. Д. 14. Л.22.

²⁷⁵ ЦГАИПД. Ф. К-1791. Оп. 1. Д. 8. Л. 89.

Обсуждались на апелляционных и конфликтных комиссиях наравне с хулиганством, воровством и нередко заслуживали публичного осуждения или выговора такие действия, как отъезд из города без оповещения своей ячейки,²⁷⁶ рассказывание анекдотов на производстве²⁷⁷, неуведомление коллектива о болезни.²⁷⁸ Присваивание всякого рода «прозвищ», разыгрывание друг друга бюро ячеек тоже могло оценить как «антикомсомольское», «деморализующее» поведение.²⁷⁹ В рамках «борьбы с поцелуями» устраивались специальные «культурные походы», т. е. устройство вечеров самодеятельности и игр без этих самых поцелуев.²⁸⁰ Встречались заявления о неоповещении об аборте или, например, о том, что кто-то распускает сплетни²⁸¹. Не только администрация была задействована в дисциплинарном механизме, но и рядовой состав информировал бюро о тех или иных нарушениях, т. е. обратная связь существовала в виде заявлений, доносов.

Н. Чаплин, секретарь ЦК комсомола (1924-1928), впоследствии репрессированный, на VII съезде ВЛКСМ говорил, что «в расхождении между запросами молодежи и содержанием, формами и методами работы нашего союза – в этом соль нашего положения в настоящий период».²⁸² Поэтому после съезда активно продвигалась идея учёта настроений и запросов молодёжи (и комсомольской и беспартийной) через анкетные

²⁷⁶ ЦГАИПД. Ф. К1418. Оп. 1. Д. 1. Л. 149.

²⁷⁷ ЦГАИПД. Ф. К598. Оп. 1. Д. 4085. Л. 21.

²⁷⁸ ЦГАИПД. Ф. К-601. Оп. 1. Д. 742. Л. 6.

²⁷⁹ ЦГАИПД. Ф. К-202. Оп. 2. Д. 26. Л. 72.

²⁸⁰ ЦГАИПД. Ф. К-161. Оп. 1. Д. 15. Л. 3.

²⁸¹ ЦГАИПД. Ф. К-1861. Оп. 1. Д. 1. Л. 31.

²⁸² VII съезд ВЛКСМ. 11-22 марта 1926 г. Стенографический отчёт. М., Л., 1926. С. 30.

опросы, работу звеновых организаторов²⁸³ и специальные комиссии для вовлечения комсомольцев в активную деятельность.²⁸⁴ Несмотря на кажущуюся благотворность этого замысла, подобные меры тоже подвергались критике – их недостатком считалось излишнее насаждение комиссий и опросов. Они назывались нежизненными, надуманными и не дающими никакой достоверной информации. В ответ на откровенно полицейские вопросы вроде «пользуетесь ли вы проституцией?» или «как вы смотрите на оппозицию?» комсомольцы либо «остроумничали», либо отмечали ненужность этих анкет и уходили от ответа.²⁸⁵ В Володарском районе всем звеновикам рекомендовали завести специальный дневник для учёта настроений рабочей молодёжи, что должно было формально напоминать оперативную сводку.

Этот учёт должен был осуществляться по определенной схеме и находить то, что уже известно – т. е. некое болезненное настроение. При этом было не очень понятно, в каких терминах следует вести учёт такой невещественной и изменчивой категории. Настроение должно было наверняка рассматриваться в соответствии с идеологией, интерпретация которой опять же зависела напрямую от исполнителей – звеновиков, секретарей цехячеек и других уполномоченных искать и фиксировать. И опросы, и анкеты созданы были для того, чтобы улавливать настроение, однако, скорее всего, они его и создавали или, по крайней мере, отдельные проявления превращали в конкретный и устрашающий факт неудобного для власти настроения. Таким образом, настроение является вторичным по отношению к желанию его обнаружить. Многие заметные дела двадцатых годов превращались в общественные феномены, дающие имя целому классу

²⁸³ Звенорг, звеновик – руководитель звена. Звено – наименьшая организационная группа на предприятии. Нужно отметить, что звенорг считался «помощником бюро цехячейки в повседневной практической работе и проводником решения бюро» и должен был заниматься учётом настроений и запросов молодежи и о всех ненормальностях ставить в известность. (ЦГАИПД. Ф.К-156. Оп. 1. Д. 9. Л. 54.)

²⁸⁴ ЦГАИПД. Ф. К.-601. Оп. 1. Д. 861. Л74.

²⁸⁵ ЦГАИПД. Ф. К.-601. Оп. 1. Д. 861. Л. 123.

правонарушений – «кореньковщина», «давыдовщина», «есенинщина» и др.²⁸⁶ Так, например, советский служащий Иван Шитц отмечал относительно нашумевшего самоубийства комсомолки Исламовой, что «“печать” создала определенное “настроение”», обнаружила какой-то «*богемский дух*», *мещанский дух*, которые необходимо было изжить²⁸⁷. «Мещанский дух» шёл впереди самоубийства, которое только вписывалось в заданные рамки и не противоречило устоявшемуся в обществе представлению о чрезмерном вреде мещанства. Власть преодолевала неизвестность и непредсказуемость отдельных событий, погружая их в знакомое поле.

Однако нужно отметить, что практики контроля функционировали не только для того, чтобы дисциплинировать, но и для того, чтобы понять «запросы молодёжи», изменить повестку дня в соответствии с её интересами. Несмотря на общий жесткий и ограничивающий характер существования в рамках комсомола, организация старалась быть адекватной для молодёжи, открытой для беспартийных. Попытка уйти от репрессивных мер к воспитательным выражалась, например, в поощрении различных форм самостоятельности или в стремлении учитывать настроение молодёжи не через упомянутые «казенные» анкеты, а через повседневное общение актива с массой комсомольцев.²⁸⁸ Но это повседневное общение, как мы упоминали выше, было связано с вторжением в личную жизнь. Таким образом, контроль осуществлялся в том числе и с благими целями, но он всегда был угрозой для конкретного человека, который всегда был объектом познания. Индивидуальность события или человека экономично приводилась к общему знаменателю: соответственно, к включению в большой феномен и к включению в коллектив.

²⁸⁶ Селищев отмечал, что суффикс с отрицательным или ироничным значением –щина соответствует французскому –erie, ставшему популярным в годы французской революции. (Селищев А. М. Язык революционной эпохи. 2-е изд. М., 2003. С. 22.)

²⁸⁷ Шитц И. И. Дневник «Великого перелома» (март 1928 - август 1931). 1928. 1 апреля//Прожито. [Электронный ресурс]. URL: <http://prozhitto.org/notes?diaries=%5B76%5D> (дата обращения: 03.05.2017).

²⁸⁸ ЦГАИПД. Ф. К601. Оп. 1. Д. 861. Л. 74, 104, 122, 123.

Дисциплинирующие практики комсомола также позволяли некоторым субъектам, которые не желали быть решительными и самостоятельно нести ответственность за свою жизнь, чувствовать себя удобно в рамках этой системы. Пришвин в своих набросках к будущему роману «Кашеева цепь» писал, что «хорошо вот теперь для юности есть комсомол, где формы даны, и в них, как в берегах, можно плыть по течению, даже просто из-за житейской выгоды можно быть комсомольцем».²⁸⁹ Это, на первый взгляд, совершенно противоречит идее комсомола, который предполагал активную личность, активную для коллектива.²⁹⁰ При этом комсомол предоставлял или, по крайней мере, декларировал определенные льготы для своих членов – например, ускоренное получение квалификации, общежития, командировки в вузы и т.д. Союзное руководство имело необходимость следовать партийной линии, что выливалось в бюрократическую озабоченность разного рода отчётностью, воспроизведением идеологических текстов. Возможно, именно это затмевало все прочие практические необходимости, которые могли бы здесь и сейчас упростить жизнь молодых рабочих, студентов и т. д. А. А. Слезин писал, что пропаганда массовой работы подразумевала под собой не завоевание авторитета среди населения, а возможность пропагандировать и проводить в жизнь политику коммунистической партии.²⁹¹ Последние цели, на наш взгляд, затмевали даже необходимость заботы за членами союза.

Таким образом, дисциплина, несмотря на её кажущуюся всепроникаемость всё же не была тотальной, однако желание познать личную жизнь комсомольцев определяло многое в политике коллективов. Член союза всегда был под заботливым наблюдением своих коллег и руководителей. Все члены союза должны были обладать соответствующей «психологией», поэтому нужно было выяснить, достоин ли человек звания комсомольца,

²⁸⁹ Пришвин М. М. Дневники. 1926-1927. М., 2003. С. 22.

²⁹⁰ Программа и устав Всесоюзного ленинского коммунистического союза молодежи. М., 1927. С. 49.

²⁹¹ Слезин А. А. Огосударствление комсомола. //Юридический мир. 2006. № 9. С. 75.

обладает ли должной сознательностью.²⁹² Комсомолец должен был быть способным соблюдать «эмоциональный режим», который складывался в комсомоле и не предполагал особой чувствительности, за исключением товарищеской чуткости (см. §3 о товариществе). Многие были готовы идти на подобные ограничения ради дела социализма. В рассматриваемый период существовало постоянное противоречие и метания между воспитательными и жесткими мерами по налаживанию дисциплины. Последний подход в особенности вызывал перегибы, однако и в первом случае одержимость контролем была велика. Воспитательные меры предполагали относительно понимающее и терпимое отношение к чувствам другого, тогда как во втором случае этим, разумеется, жертвовали. На местах считали, что «не надо дорожить комсомольским пассивом», что противоречило директивам ЦК о 100% охвате рабочей молодёжи. Здесь возникало расхождение с уставом союза, вызванное реальной повседневной работой с членами организации,²⁹³ которые не всегда были готовы дисциплинировать себя и свои чувства.

§2. «Болезненные настроения»

Чувство недовольство считалось отживающим чувством, потому что общество социализма гарантировало всем счастливое безбедное будущее. Однако в неустроенные двадцатые годы это чувство было обычным и повседневным. В данном параграфе мы сосредоточимся на том, что вызывало недовольство комсомольцев, что их волновало и почему это беспокоило власть.

Одним из радикальных вариантов проявления недовольства по поводу комсомольской жизни был выход из союза. Причины были разные – начиная от желания избежать лишней нагрузки до недовольства выбранным курсом на безусловную поддержку партии. Существовал пассивный способ выхода из комсомола – из-за непосещения общего собрания более трех раз и за

²⁹² ЦГАИПД. Ф. К-471. Оп. 1а. Д. 5. Л. 57.

²⁹³ ЦГАИПД. Ф. К-471. Оп. 1а. Д. 5. Л. 125.

неуплату членских взносов в течение 3 месяцев исключали из союза без официального разбирательства уже по Уставу 1920 г.²⁹⁴ Такие случаи в статистике проходили как «механически выбывшие».

Приведем статистические данные для наглядности. В 1926 г. в ВЛКСМ было принято 564 тыс. человека, а выбыло 264,5 тыс., по личному желанию – 11,5 тыс., механически – 179 тыс., исключенные – 73,5 тыс. человека, т. е. всего 50% выбывших по отношению к прибывшим. Процент по отношению к числу членов на начало года был, конечно, всегда меньше – максимум 30% (1925 год) в рассматриваемый период. Нужно учесть, что «механически выбывшие» – это и есть исключенные по личному желанию, но не написавшие специального заявления в ячейку или комитет. В 1927 г. – выбыло 283 тыс., из них по личному желанию и механически 203 тыс., а исключены – 80 тыс. В 1928 цифры выхода по личным и механически увеличились до 239 тыс., а исключенные уменьшились до 65 тыс..²⁹⁵ Всегда количество исключенных было в два-три раза меньше, чем число выбывших по желанию. В 1929 г. отмечали, что в организации наблюдается до 15,7% выходов из комсомола по отношению к числу на начало года.²⁹⁶ Выходы мотивировались в основном тем, что «в союзе нечего делать» и лучше искать «настоящего» образования или вернуться в деревню и заняться настоящим «делом».²⁹⁷

Из категории исключенных большинство составляли рабочие – 24,6% и крестьяне 51,6%, а самая распространенная причина – хулиганство, пьянство, картежная игра. 15% - за отрыв, чуждый элемент.²⁹⁸ Интересно, что

²⁹⁴ Криворученко В. К. Суховерхова З. И. Развитие устава ВЛКСМ. М., 1988. С. 6-7., 15. В 1936 г. пункт «механически выбывшие» ликвидируется, после соответствующих нарушений судьбу комсомольца решает его ячейка.

²⁹⁵ Комсомол и его актив. Статистический сборник о численном и качественном составе ВЛКСМ и актива. Вып. 19. М., Л., 1929. С. 16.

²⁹⁶ Там же.

²⁹⁷ О работе комсомола. Резолюция XIV съезда ВКП(б), декабрь 1925//КПСС о Комсомоле и молодёжи. М., 1962. С. 99.

²⁹⁸ Комсомол и его актив. М., Л., 1929. С. 16.

победивший класс был более ненадежным в вопросе соблюдения комсомольской дисциплины. Самостоятельно выбывшие – почти такие же проценты за 1925-1926 гг.: 20-26% рабочих и 50-52% крестьян. При этом снижался процент исключенных служащих и прочих – от 26 до 13%, их основные проступки – растраты и преступления по должности.²⁹⁹ Считалось, что «меры воспитательного характера к комсомольцам, совершившим проступки, применяются недостаточно».³⁰⁰ Интересно, что на VII съезде о текучести говорили как о нормальном явлении³⁰¹, однако на VIII съезде уже звучал призыв к «ликвидации ненормальной текучести в союзе».

Даже добровольно вышедшие из союза не избегали его внимания к своей персоне – таких товарищей предполагалось привлекать к работе союза, «а по возможности и к возвращению в ряды комсомола». ВЛКСМ также был обязан практиковать регулярные собрания и конференции беспартийной рабочей молодёжи, «шире вовлекать её в производственную и другую работу», т. е. в работу как самого предприятия, так и цеховых комсомольских ячеек.³⁰²

Почему люди вообще вступали в комсомол? Ради того, чтобы стать частью целого, включиться в молодежную субкультуру, обрести новую идентичность и новые возможности, участвовать в строительстве нового государства, поэтому они сами готовы были идти на лишения и пожертвовать своей личной жизнью.³⁰³

В итоговой статистике трудно проследить конкретные причины выхода, однако в архивных материалах можно найти любопытные материалы. Так,

²⁹⁹ Балашов А.В. ВЛКСМ за 10 лет в цифрах. М., Л., 1928. С. 13-14.

³⁰⁰ Там же. С. 14.

³⁰¹ «В нашей организации текучесть всегда будет больше, чем в партии, ибо наша организация воспитательная». VII съезд ВЛКСМ. 11-22 марта 1926 г. Стенографический отчёт. М., Л., 1926. С. 28.

³⁰² Вербовка новых членов, проверка и улучшение состава комсомольских организаций, особенно в деревне. Постановление ЦК ВКП б от 3 октября 1927 г./КПСС о Комсомоле и молодежи. М., 1962. С. 124.

³⁰³ Gorsuch A. Youth in Revolutionary Russia: Enthusiasts, Bohemians, Delinquents. Bloomington, Indianapolis, 2000. P. 44.

например, в 1927 году из комсомола Володарского района добровольно вышло 44 человека. Подавляющее большинство из них совершены по семейно-бытовым причинам и из-за неудовлетворенности работой комсомола, остальные – по религиозным причинам и из-за травли со стороны комсомольцев. Встречается даже формулировка о выходе из-за «влияния проявления нэпа» (2,2%), и трудно представить, что именно под этим подразумевалось.³⁰⁴ Считалось, что «наименее устойчивая часть молодёжи плохо переносит испытание нэпом, которое гораздо труднее, чем испытание огнём войны». Нэп представлялся всего лишь переходным периодом, «временным отступлением», необходимость которого была обусловлена ординарной идеей восстановления, а не обещанным стремительным наращиванием мощности и значимости советского государства на его пути к коммунизму. Несмотря на то, что уровень жизни поднялся по сравнению с революционным периодом, нэп представлялся людям, которые тесно связали идеалы своей жизни с борьбой за коммунизм, только отдалением рая. М. Стейнберг обнаруживает рост пессимистических настроений в творчестве пролетарских писателей именно в первые годы нэпа. Он считает, что это могло быть связано именно с улучшением материального положения. Тогда множество «радикалов», среди которых было много пролетарских писателей чувствовали себя в смятении и говорит, что темные образы и нотки отчаяния проявились больше, чем когда-либо. Поэты «Кузницы» говорили о необходимости «идеалистической души восстать против грубой реальности нэпа», и как считает Стейнберг, это свидетельствовало не только о разочаровании в нэпе, но вообще об осознании своей судьбы и тяжелой человеческой доли.³⁰⁵

Рост ВЛКСМ сопровождался большой текучестью вследствие неудовлетворения комсомольцев некоторыми внутриорганизационными проблемами. В документах постоянно подчеркивалась обеспокоенность

³⁰⁴ ЦГАИПД. Ф. К-601. Оп. 1. Д. 869. Л. 3-4.

³⁰⁵ Steinberg M. Proletarian imagination. Ithaca; London, 2002. P. 140.

негативными настроениями, которые выглядели угрожающе не только для той или иной комсомольской инстанции, но и для государства вообще. При этом совершенно разные события часто объединялись в единые комплексы нарушений, обозначенные в общем как «болезненные» или «упадочнические» настроения, т. е. соотнесенные с эмоциональной сферой жизни вопреки их социально-экономической природе. Далее мы рассмотрим подробнее как проявления недовольства комсомольцев, которое само по себе считалось подозрительным, так и конкретные проступки, которые соотносились с этой группой настроений – рассматривались на конфликтных комиссиях, упоминались в отчетах и сводках.

Относительная демократичность позволяла рядовым членам организации публично выражать своё недовольство по вопросам личного характера. Критика государства расценивалась как проявление оппозиционных настроений. В основном претензии касались неудовлетворительной политики бюро в отношении перевода на квалифицированную работу: по мнению комсомольцев, бюро дает квалификацию только тем, кто нужен в качестве шпионов, а «о всех же остальных, кто копается в грязи – бюро мало думает и беспокоится».³⁰⁶ Стремление молодёжи к квалификации тогда расценивалось как «огромное»: «если пойти на любой завод, то первый вопрос, с которыми товарищи обращаются, вопрос о квалификации».³⁰⁷ Другой актуальной проблемой, которая тоже обсуждалась на съездах, был отрыв актива от рядового состава союза, когда активисты не знали, чем «дышат остальные ребята»,³⁰⁸ например, когда «актив собирает экскурсию, а сам не является».³⁰⁹ Проблема была актуальной, на VII съезде её обсуждали и отмечали, что у актива «свои

³⁰⁶ ЦГАИПД. Ф. К-601. Оп. 1. Д. 861. Л. 66.

³⁰⁷ Соболев С. Ленинградский комсомол в полосе социалистического строительства. Л., 1928. С. 19.

³⁰⁸ ЦГАИПД. Ф. К-156. Оп. 1а. Д. 14. Л. 126.

³⁰⁹ ЦГАИПД. Ф. К-598. Оп. 1. Д. 4085. Л. 2.

секреты» и склонность к бюрократическим методам.³¹⁰ Другим поводом для беспокойства, в том числе на партийном уровне, была безработица. «Безработная молодёжь, молодёжь, находящаяся в отчаянном материальном положении, давит и на здоровую часть рабочей молодёжи, и на союз, приносит упадочные настроения, настроения безверия, настроения утери перспективы, настроения против партии».³¹¹ Негативные настроения на этой почве появлялись, судя по информационной сводке за лето 1927 г., главным образом у приезжих комсомольцев, которые угрожали уйти из союза.³¹² В том же источнике сообщается, что «отрицательные настроения среди некоторой части молодежи в последнее время проявляются довольно ярко»,³¹³ хотя обычно в сводках и отчётах даже сопоставимый массив случаев недовольства комсомолом нередко заканчивался уверением, что эти настроения исключительны и не доминируют среди молодёжи.

Встречались случаи недовольства материальной необеспеченностью, когда рабочая молодежь устраивала демонстрации и шла к районному комитету с требованием повысить зарплату³¹⁴. Вопрос повышения квалификации, от которого зависел уровень заработной платы, тоже относился к этой области. Тяжелые бытовые условия были настолько очевидны, что многие закономерно видели основной причиной упадочнических настроений именно материальное неблагополучие: на голодный желудок «о хорошем, о прекрасном не подумаешь»³¹⁵. Необеспеченность студентов жильем, питанием, гигиеническими средствами в 1920-е гг. исчерпывающе описал А. Ю. Рожков: у многих

³¹⁰ VII съезд ВЛКСМ. 11-22 марта 1926 г. Стенографический отчет. М., Л., 1926. С. 98.

³¹¹ Там же. С. 29.

³¹² ЦГАИПД. Ф. К. 601. Оп. 1. Д 861. Л. 136.

³¹³ ЦГАИПД. Ф. К- 601. Оп. 1. Д 861. Л. 136.

³¹⁴ ЦГАИПД. Ф. К-156. Оп. 1а. Д. 14. Л. 137.

³¹⁵ Упадочное настроение среди молодежи: Есенинщина. М., 1927. С. 141.

молодых людей не было не то что собственного жилья, а даже места в общежитии, а один обед мог покупаться на четверых.³¹⁶

Комсомольцы Ижорского завода, располагающегося в Колпине, отмечали среди прочих проблем в отчете об итогах обследования коллектива ВЛКСМ тот факт, что среди учащихся ФЗУ имеются факты увлечения «есенинщиной», в особенности среди одиноких, живущих в общежитии молодых людей. Общежитие было местом, в котором молодёжь была во многом самостоятельна. Сообщество живущих там молодых людей было слабо связано с комсомолом и беспомощно в материальном смысле. В числе тревожных признаков, которые замечены в этом общежитии были упомянуты: читают Есенина, «Мощи» И. Ф. Калининкова, «слабо» интересуются «новой литературой». В протоколе от 9 июля 1927 года по тому же вопросу говорится, что в общежитии ФЗУ жилплощадь не удовлетворительна, требуется ремонт и, кроме того, что самое важное для комсомола как идеологического органа, не ведется никакой культурной работы, *вследствие чего* молодёжь общежития увлекается Есениным и «картежной игрой».³¹⁷ Характерно, что неудовлетворение своим материальным положением в глазах администрации почти неуловимо вело к чтению Есенина. При этом настроение среди учащихся весьма показательно описано: «Если не помогаете, то и не приходите».³¹⁸ Для исправления ситуации ячейка должна была дать литературу о *разумном проведении свободного времени*, то есть нужно было изменить только представления об использовании времени, для того, чтобы комсомольцы почувствовали себя лучше в рамках этого по-прежнему неустроенного пространства общежития. В 1928 г. проблема продолжает сохраняться, и, несмотря на присутствие в повестке дня, вопрос не был решён – туда посылались комиссии, уполномоченные, однако результатом стал только «лист исписанной бумаги».

³¹⁶ Рожков А. Ю. В кругу сверстников. М., 2014. С.312-341.

³¹⁷ ЦГАИПД. Ф. К-764. Оп. 1. Д. 10. Л. 16.

³¹⁸ ЦГАИПД Ф. К-764. Оп. 1. Д. 11. Л. 29.

Это «озлобляло» ребят и порождало «упадочничество», они насмешливо относились к профсоюзу и к организации комсомола. Решением проблемы виделись расширение помещения, возможность питаться горячей пищей и повышение комсомольского влияния в общежитии.³¹⁹ В данном случае проблема «есенинщины» лежала исключительно в области бытовых неурядиц и «упадочничество» как таковое, то есть первично заданное, скорее всего, и не существовало.

Находились комсомольцы не то чтобы недовольные деятельностью Комсомола, но совершенно не заинтересованные в ней. Некоторые говорили: "скучно так, нечего делать, ходишь, послоняешься как сонная муха, ну и выпьешь", "выпиваю редко и не систематически, пью потому, что бывает необходимость от той обстановки которая бывает подчас тяжелая".³²⁰ Постоянно подчеркивалась или скука и равнодушие, или «тяжелая обстановка», под которой могли подразумеваться высокая нагрузка, занятость, усталость, тяжелое материальное положение и т. д.

Там же упоминалась необходимость обновления бюро на 40%, потому что «некоторые товарищи ввиду того, что чувствуют себя немного слабыми нач. [начинают] нить».³²¹ «Темные настроения» молодежи предполагалось исправлять с помощью практической работы, т. к. «недостатки есть, и особенно по культурной линии». Бывшие активные комсомольцы уходили, «поддаваясь мещанству», «остаткам капитализма», из-за чего их исключали из союза, чтобы они не разлагали остальных.³²² Администраторы часто действовали в соответствии с поговоркой «дурной пример заразителен», поэтому даже намёк на неуставное поведение обсуждался на собраниях, где желали спасти не личность, а уберечь мифически единый коллектив от этой личности, потому что авторитет комсомольской организации должен быть

³¹⁹ ЦГАИПД. Ф. К-764. Оп. 1. Д. 19. Л. 34.

³²⁰ ЦГАИПД. К-601. Оп. 1. Д. 869. Л. 2.

³²¹ ЦГАИПД К-156. Оп. 1а. Д. 15. Л. 8.

³²² ЦГАИПД. К-156. Оп 1а. Д. 14. Л.18.

дороже, чем пребывание конкретного человека в союзе.³²³ Причиной «плохих» настроений часто называлась слабая работа ячейки, которая не смогла обеспечить монолитность своего коллектива в борьбе с «болезненными настроениями».

У всех были разные приоритеты, и членство в комсомоле резко сокращало свободное время для других занятий и увлечений: «Лучше уйти из комсомола, чем нести нагрузку».³²⁴ Ситуация в вузах расценивалась как особенно тяжелая, потому что студенчество считалось наиболее нервным и подверженным упадочническим идеям. Кроме того, среди них было много интеллигентов, которые по своей классовой природе были больше склонны к пессимизму. Озабоченность академической успеваемостью, недостаточность общественной работы и «упадочные настроения среди наименее устойчивой части студенчества» беспокоили ВЛКСМ в 1926 г. Причины упадочничества весьма привычно видели в тяжелом материальном положении, в плохой постановке культурно-массовой работы и в неурегулированности бытовых вопросов. Борьба с этими проблемами предполагалась активная и благотворная: ликвидировать поверхностную проработку материала; освободить отстающих от «излишней общественной работы»; устранить многопредметность и неопределенность программ в вузах (ВХУТЕМАС); заострить внимание на борьбе с троцкизмом; обсуждать вопросы быта (есенинщину и все сопутствующее); использовать опыт создания коммунально-общественных учреждений; ввести льготные обеды; улучшить положение студенток-матерей; широко развернуть физкультуру; укреплять связь с производственными ячейками; принять меры к соблюдению гигиенических условий в общежитиях, в личной жизни студенчества и др.³²⁵ Все эти меры соответствовали общему направлению советской политики и говорили о стремлении унифицировать образование, привязать его к производству,

³²³ ЦГАИПД. Ф. К-1418. Оп. 1. Д. 22. Л. 6.

³²⁴ ЦГАИПД. Ф. К-601. Оп. 1. Д. 861. Л. 137.

³²⁵ ЦГАИПД. Ф. К-598. Оп. 1. Д. 4885. Л. 1-6.

разгрузить комсомольцев и комсомолок, улучшить быт и материальное обеспечение. Эти вполне разумные меры в двадцатые годы, несмотря на активную проработку, не оказались эффективно применены, во-первых, из-за нехватки ресурсов, во-вторых, из-за невозможности их осуществить за такой короткий период, и, в-третьих, бюрократизация тормозила практическую работу на местах. Нужно отметить, что борьба с троцкизмом тоже присутствует в этом ряду, что говорит о взаимозависимости оппозиционных идей и ментального или материального неблагополучия в глазах властного дискурса.

Общественная работа на комсомольских собраниях и мероприятиях действительно отнимала много времени, что было особенно затруднительно для студентов. Комсомолец Чернышев обвинялся на конфликтной комиссии в непосещении, потому что занимался на курсах, и образование было ему важнее, чем союз.³²⁶ Секретарь вузовской ячейки Ситчихин Борис написал заявление в Бюро коллектива ВЛКСМ Пединститута им. Герцена, в котором отмечал, что союз очень мало дает комсомольцу-вузовцу и его методы «убивают инициативу и мешают академической работе студентов».³²⁷

Данные конфликтных комиссий во многом совпадают с материалами областного комитета, так как проблемы высшей школы и её невключенность в советскую систему волновали руководство комсомола с самого его возникновения: во-первых, студенческое коммунистическое движение не сразу включилось в ВЛКСМ,³²⁸ во-вторых, именно вузы виделись рассадником различных уклонов на протяжении всего десятилетия. Как мы видим, сами студенты имели возможность выражать своё недовольство

³²⁶ ЦГАИПД. Ф. К-1418. Оп. 1. Д. 19. 1927 год.

³²⁷ ЦГАИПД. Ф. К-598. Оп. 1. Д. 4885. Л. 17.

³²⁸ Сначала студенческое коммунистическое движение рассматривалось как отдельное молодежное движение, что изменилось после XII съезда РКП (б) в апреле 1923 г., когда функционировавшему до этого Всероссийскому объединению социалистического студенчества пришёл конец и комсомольские ячейки вузов стали подчиняться районным, городским комитетам комсомола (Об организации коммунистического студенчества//Комсомол и высшая школа. М., 1968. С. 7,8; Соколов В. И. Молодежное движение в России. Рязань, 1992. С. 35.)

комсомольской работой, хотя партия была озабочена повышением своего влияния в вузах через ВЛКСМ. Это выражалось в заинтересованности партии в «орбочивании» и в «окрестьянивании» вузов.³²⁹ Директивы ЦК ВКП (б) и ЦК ВЛКСМ об увеличении рабоче-крестьянского ядра за 1925-1930 гг. в вузах признавались выполненными только во время приемной кампании на 1927-1928 гг.³³⁰ В связи с этими директивами в вузах проводились чистки студентов по классовому признаку – всего было четыре волны в 1922, 1924, 1925 и 1929 гг. В результате некоторые «вычищенные» молодые люди кончали жизнь самоубийством.³³¹

Находились и те, кто чувствовал себя слабым по развитию, кто осознавал свое бессилие в обучении.³³² При этом выходили как «несознательные» члены комсомола, так и «сознательные». Молодой человек подал заявление, так как несмотря на трехлетний кандидатский стаж и на просьбы поручить ему работу, таковой не получал и не хотел оставаться комсомольцем только на бумаге. При этом сделал оговорку, что, «оставаясь, конечно, *в душе* комсомольцем», он освободившееся время потратит на обучение. В заявлении он также упоминал свои «комсогрехи», под которыми подразумевались «малоактивность» и большее внимание к академической учёбе³³³. Посчитав, что подобное положение вещей совестно для любого комсомольца и вообще для ВЛКСМ, он подал заявление о выходе. Характерна его забота о репутации организации, хотя это может быть удобным и хитрым аргументом для обоснования своего выхода из неё.

Настоящий комсомолец представлялся почти недостижимым идеалом, так что многие даже и не пытались брать на себя такую ответственность:

³²⁹ Комсомол и высшая школа. М., 1968. С. 29, 32, 33.

³³⁰ Об итогах приема в вузы РСФСР 1927\28 учебного года. Из постановления ЦК ВЛКСМ, 11 февраля 1928 г. //Комсомол и высшая школа. М., 1962. С. 49.

³³¹ Рожков А. Ю. В кругу сверстников. М., 2014. С. 234.

³³² ЦГАИПД. Ф. К-1418. Оп. 1. Д. 27.

³³³ ЦГАИПД. Ф. К-1418. Оп. 1. Д. 30.

«если вступать в комсомол, надо быть действительно комсомольцем – не пить я не могу – поэтому не вступаю», «что вступать – мы малограмотны».³³⁴ Идеология создала образ, который казался молодежи малодоступным, они чувствовали себя недостаточно сильными для того, чтобы соблюдать все многочисленные комсомольские обязанности. Нужно отметить, однако, что при этом они не оспаривали адекватность советских ценностей, а только признавали свою личную несостоятельность.

Имелись и напрямую негативные характеристики комсомола: в сводке о болезненных явлениях упоминается комсомолец с фабрики «Рабочий», который вышел из союза, потому что, вступив в комсомол, он научился пить и курить, тогда как в другой организации — у «чуриковцев» — от этого отучают³³⁵. Секта казалась многим более полезной и эффективной организацией, потому что «комсомол что ни делает, какие группы бытовиков не создает – все проваливается».³³⁶ Были случаи, когда комсомолец «в среде беспартийных» (особенное недовольство вызывало формирование негативного образа партии и союза молодежи у тех, кто ещё не был с ними связан) называл партию «лавочкой». Другой член союза говорил с осуждением, что руководят ими не рабочие, а интеллигенция. Активист Губздравотдела критиковал кандидатуры в профком, потому что голосование, по его мнению, происходило недемократично.³³⁷ При этом в отчёте, перечислившем все эти мнения, отмечалось, что эти настроения на самом деле встречались редко и отыскивались «днём с огнём», и «ни в какой степени не могут отражать истинное лицо морального состояния ленинградской организации комсомола». Другой подобной оговоркой было: «При отрыве от комсомола нет настроения *политического* недовольства –

³³⁴ ЦГАИПД. Ф. К-764. Оп. 1. Д. 10. Л. 6.

³³⁵ ЦГАИПД. Ф. К601. Оп. 1. Д. 869. Л. 4.

³³⁶ ЦГАИПД. Ф. К-598. Оп. 1. Д. 4085. Л. 1.

³³⁷ ЦГАИПД. Ф. К-601. Оп. 1. Д. 861. Л. 138.

причины *чисто технического* порядка и плохо налаженной работы».³³⁸ Такие оговорки встречаются в документах всех уровней комсомольской организации не только в информационных сводках, но и в простых протоколах собраний. Налицо была необходимость убедить власть в том, что описанные проблемы имели локальный характер и не обладают политическим значением, даже если документы не направлялись в какие-то вышестоящие инстанции.

Среди нерабочей молодёжи, согласно отчётам, настроения были «хуже» – в коллективе Академических театров не хотели служить в армии «за получку в три рубля», потому что «легче застрелиться, чем идти на войну».³³⁹ В 1927 г. описывалась «спячка» в Осоавиахиме, при которой отмечалось «нехорошее настроение» тех служивших ребят, которые говорили, что «когда надо, то мы пойдем, но сейчас – нет».³⁴⁰ Даже красноармейцы выходили из союза в большом количестве из-за боязни войны – в Троцкой организации были зарегистрированы 25 случаев выхода.³⁴¹ Можно предположить, что боязнь войны была удобным поводом для оправдания своего выхода из комсомола в условиях начавшегося с 1927г. процесса военизации молодёжи, который предполагал ещё большую занятость и активность: «В работе ячеек и клубов повести систематическую пропаганду военных знаний, приучая молодёжь владеть оружием, организуя стрелковые кружки, создавая военно-научные кружки, военно-морские уголки, участвуя в работе Авиахима и поощряя все начинания комсомольцев и беспартийной молодёжи в этой области и устанавливая необходимую связь с военно-научным обществом армии и флота».³⁴² При этом Троцкая организация характеризовалась как здоровая, а «имеющиеся случаи упадочничества и паникерства единичны и

³³⁸ ЦГАИПД. Ф. К-164. Оп. 1. Д. 11. Л. 18.

³³⁹ ЦГАИПД. Ф. К-601. Оп. 1. Д. 861. Л. 148.

³⁴⁰ ЦГАИПД. Ф. К-156. Оп. 1а. Д. 15. Л.5

³⁴¹ ЦГАИПД. Ф. К-601. Оп. 1. Д. 861. Л. 149.

³⁴² VII съезд ВЛКСМ. 11-22 марта 1926 г. Стенографический отчёт. М., Л.,1926. С. 27.

не отражаются на состоянии работы ячеек».³⁴³ В заключении сводки присутствует традиционная оговорка, что, несмотря на указанные неполадки, система исправно функционирует. Дискурсивно создается ощущение порядка, которое, несмотря на описанные в них дисциплинарные нарушения, должно было прочитываться в документах.

Мы уже упоминали комсомольский курс на удовлетворение запросов молодёжи, который обнаружил другую проблему: нередко молодёжь не имела никаких общественных, производственных запросов. В одном из дел с отчётами губернской организации комсомола находятся любопытные бумаги, чьё конкретное происхождение трудно определить, т. к. они написаны карандашом в виде заметок на неразлинованной бумаге нестандартного и неодинакового формата без каких-либо реквизитов – по содержанию это похоже на черновик отчёта о неудачно проведенном собрании. «Старые ребята хотят смыться с работы, объясняемое желанием учиться, отдохнуть, заняться культуркой». Их интерес заключался, по мнению автора, в том, чтобы «уступить место другим и отойти на мелкую работу». Необходимость уменьшить комсомольскую нагрузку объясняется желанием заняться сторонними, но вполне полезными вещами – культурой, учебой, просто отдохнуть. Такой досуг тоже заслуживал осуждения, так как вступал в противоречие с необходимостью постоянно трудиться в комсомоле. Далее сообщается о неких настроениях «упадочного свойства», в скобках перечислено: «надоело [слово зачеркнуто], неверие ‘в свои силы’ [приписано сверху через галочку] и надоедание». Три секретаря цехячейки из шести «хотят смыться сейчас», на собрании было три самоотвода, потому что «надоело», а работоспособность была «не особенно хорошая». Этот документ воссоздает тупиковую ситуацию, когда ни рядовой состав союза, ни руководители цехячеек не заинтересованы в собраниях. Документ далее гласит: «цехячейки партядро не привлечено к работе, у большой [сначала написано «некоторой», потом зачеркнуто и исправлено] части их

³⁴³ ЦГАИПД. Ф. К-601. Оп. 1. Д. 861. Л. 149.

упадочничество и оторванность от общественной работы». Настроения характеризуются как неважные, и причины видятся автору отчёта в том, что «перегнули палку в демократии» и ребята ради своей выгоды пользуются курсом на удовлетворение запросов молодежи и отказываются от нагрузок, потому что это их не интересует, не соответствует этим самым запросам. Это позволяет им уклоняться от работы. Как мы видим дальше по документу, комсомольцы одновременно жалуются, что нет ничего нового, в то время как сами не проявляют никакой инициативы.³⁴⁴ Таким образом, автор отчёта винит в недисциплинированности именно демократию и курс на удовлетворение запросов молодёжи, который сама молодёжь максимально использовала в своих интересах. Вопреки идеологическим представлениям, её интересы заключались в том, чтобы отказаться от работы. Это не могло не удивлять администрацию, приложившую много усилий для того, чтобы «понять» молодёжь. Также подтверждается наш тезис, что молодёжь часто имела прагматические интересы для вступления в комсомол – в данном случае это скорее развлекательные цели (сетования на то, что «нет ничего нового»). Организация при этом не всегда была удачным местом для карьерного роста, для полезного проведения досуга, в некоторых случаях комсомольская работа вызывала исключительно усталость. Это неудивительно, если учесть, что эта нагрузка должна была совмещаться с работой на производстве, с учебой, с семейными и бытовыми делами. Молодые люди, очевидно, опасались роста ответственности и поэтому бежали из комсомола: «рабочие ребята боятся больших требований, предъявляемых к ним со стороны комсомольцев и потому смываются с ответственной коллективной работы», «рабочие ребята стушевываются перед служащими и уступают им места».³⁴⁵ Даже те, на кого в классовом отношении больше всего ставила партия, не всегда жаждали вступать организацию.

³⁴⁴ ЦГАИПД. Ф. К-601. Оп. 1. Д. 861. Л. 188-193.

³⁴⁵ ЦГАИПД. Ф. К-601. Оп. 1. Д. 861. Л. 197.

Таким образом, недовольство и пессимизм в основном вызывали бюрократизм, чрезмерная нагрузка и неактуальность мероприятий, хотя нужно сделать скидку на то, что многие изучаемые документы были направлены именно на фиксацию негативных аспектов в работе комсомола. Сами авторы отчётов, однако, отмечали, что все достижения преувеличиваются и надо говорить о недостатках.³⁴⁶

«Болезненность» и «упадочность» использовались как синонимы, поэтому все перечисленные примеры можно назвать проявлением упадочничества в комсомоле и поле его применения было очень широко. Нежелание служить могло называться «упадочничеством-пессимизмом» по отношению к обороне СССР³⁴⁷, подписка на журнал «Смена» тоже могла характеризоваться как «упадочная».³⁴⁸ Понятие упадочничества было весьма гибким в руках идеологов и, в особенности, практиков.

Именно самоубийство стало тем действием, которое позволило говорить об упадочничестве как большой проблеме. Оно единственное расценивалось исключительно как упадочнический акт, поэтому рассмотрим его подробнее. Отношение к нему на протяжении изучаемого периода не было однозначным. В протоколах товарищеских судов за 1925 г. значится обвинение в покушении на самоубийство состоящей в комсомоле крестьянки, что было вызвано тяжелым материальным положением и смертью отца. Товарищеский суд даже не поддержал обвинения, так как причины, по их мнению, были адекватны решению девушки³⁴⁹. Если в 1925 г. еще было допустимо высказываться о самоубийстве без осуждения, то впоследствии восприятие самоубийства изменилось – ему стали приписывать политический смысл. Идеолог РАПП, литературовед В. В. Ермилов писал в

³⁴⁶ ЦГАИПД. Ф. К-156. Оп. 1а. Д. 14. Л. 185.

³⁴⁷ ЦГАИПД. Ф. К-202. Оп. 2. Д. 26. Л. 4.

³⁴⁸ Там же. Л. 5.

³⁴⁹ ЦГАИПД. Ф. К1418. Оп. 1. Д. 1. Л. 35

1927 г., что права умирать у человека не существует, так как личность принадлежит классу, а у самоубийства — капитулянтская сущность³⁵⁰.

Нередко можно было, по крайней мере, предположить вину комсомольской организации в желании распрощаться с жизнью. Имели своё значение рассмотренные выше «настроения». Например, комсомолец Фиалков был *обвинен* в попытке к самоубийству, которую он сам объяснил отказом коллектива дать ему рекомендации для перевода в партию. Об этом Фиалков узнал во время возвращения из Шлиссельбурга на пароходе и, «поддавшись пессимистическому настроению, бросился в воду»³⁵¹. Несмотря на то, что нет никакой информации, которая позволила бы сказать, что рекомендации ему не были даны в соответствии с определенными основаниями, нет причин и утверждать обратное.

Также обвинявшийся в попытке к самоубийству комсомолец Золин писал в записке, которая должна была стать предсмертной: «скушала меня, как горячий пирожок, администрация». Она, по его мнению, была ответственна за указанные в записке некие «порядочные беспорядки». Золин в ней напрямую обвинял комсомольское руководство в своем подавленном настроении. Однако во время официального разбора дела ему задали вопрос, объяснял ли он свое поведение «придирчивым отношением со стороны отдельных членов бюро и администрации», на что он, конечно, ответил, или, скорее, был вынужден ответить отрицательно. Нужно отметить, что Золин ещё до попытки самоубийства был на плохом счету: его обвиняли в систематическом пьянстве, дебоширстве, приглашению проституток в общежитие, и уже это было значительным поводом для исключения из комсомола. Ещё одним его проступком было то, что во время открытого партийного собрания он высмеивал одного из кандидатов в преподаватели. В адрес администрации он говорил, что её «принцип» заключается в том,

³⁵⁰ Ермилов В. В. Против мещанства и упадничества. М., Л., 1927. С. 8.

³⁵¹ ЦГАИПД. Ф. К1418. Оп. 1. Д. 1. Л. 139.

чтобы «приглашать не преподавателей, а всевозможных отбросов»³⁵². В последнем случае он предстает человеком, которому небезразлично образование, который переживает за своё развитие и не желает учиться у некомпетентных преподавателей, хотя выражено всё это в достаточно грубой форме. Последующая попытка к самоубийству вызывает на собрании по разбору дела сочувствие лишь одного «товарища» — он обращал внимание на его болезненное состояние и на жесткость решения. Все остальные осудили Золина за «разлагающее значение антипартийного поступка» и характеризовали его жизнь как «законченный путь [...] мелкобуржуазного разложения».³⁵³ При этом снова было упомянуто, что созданный им образ жертвы администрации, должен вызвать «решительный отпор», который подразумевал обсуждение на новых собраниях коллектива.³⁵⁴ Подобное обсуждение предполагало только дальнейшее развитие бюрократических методов воспитания и рост всевозможной отчётности. Письменная фиксация в отчёте отсутствия обвинений говорит об определенной тревоге, которую могли испытывать руководители Высших Практических Кооперативных Курсов Центросовета по поводу отношения комсомольцев к внутрипартийным проблемам и тем впечатлениям, которые молодые люди могли вынести из подобных инцидентов. Мало того, что, по-видимому, внутренние склоки непосредственно привели Фиалкова и Золина к самоубийству, их попытки, к счастью, не увенчались успехом, но, тем не менее, послужили причиной не только публичного обвинения коллектива, но и исключения из него. Попытка самоубийства автоматически ставила человека в ряд морально неустойчивых «упадников», не заслуживающих доверия в деле строительства коммунизма. Однако осуждение, вынесенное в резолюции, не всегда соответствовало действительной реакции молодых людей, которые имели возможность выказывать сочувствие, что, однако же,

³⁵² ЦГАИПД. Ф. К-598. Оп. 1. Д. 4885. Л. 7.

³⁵³ ЦГАИПД. Ф. К-598. Оп. 1. Д. 4885. Л. 9.

³⁵⁴ ЦГАИПД. Ф. К-598. Оп. 1. Д. 4885. Л. 9.

не поощрялось. И. Бобрышев, редактор журнала «Смена», с осуждением писал, что на посвященном самоубийству комсомольца собрании некоторые молодые люди пытались оправдать его ««серостью » и «буднями» нашего времени»³⁵⁵.

Есть похожие свидетельства о причинах суицида агитпропа коллектива Ленинградтекстиля Шульгина, у которого «основных мотивов к самоубийству» не было, но «в последних письмах имеются указания, что к сему убийству (кроме других причин) послужила казенщина в комсомольском коллективе и казенное отношение секретаря коллектива, а также отсутствие спайки внутри коллектива». По словам его подруги, вызванной на конфликтную комиссию по разбору самоубийства, Шульгин также заявлял, что «эконом-работа его не удовлетворяет».³⁵⁶ Там же было выяснено, что незадолго до самоубийства у него умерла мать.³⁵⁷ Учитывая значимость пережитой им личной трагедии, можно предположить, по крайней мере, совмещение двух этих факторов как поводов к суициду.

Власть считала основной причиной упадочничества именно экономические трудности, однако видно, что это не было единственной проблемой комсомольской повседневности. Но, не имея ресурсов для того, чтобы ликвидировать материальную необеспеченность молодежи, предлагалось бороться не с ней, а с её следствиями – т. е. с «извращениями в быту». Руководству следовало создавать общественное мнение на собраниях, в газетах, в особенно характерных случаях вызывать в конфликтную комиссию, практиковать доклады о быте, а также проводить обследования быта комсомольцев, обращая главное внимание на умение *распределять время и использовать материальные средства*.³⁵⁸ Упадочничество было

³⁵⁵ Бобрышев И. Т. Мелкобуржуазные влияния. М., Л., 1928. С. 93.

³⁵⁶ ЦГАИПД. Ф. К-1418. Оп. 1. Д. 1. (1927) Л. 163.

³⁵⁷ ЦГАИПД. Ф. К-1418. Оп. 1. Д. 1. (1927) Л. 163.

³⁵⁸ ЦГАИПД. Ф. К-141. Оп. 1. Д. 1а. Л. 7.

свидетельством немощности самой системы прийти к человеку и дать ему то, что он хочет, и результатом проецирования этой вины на других.

§3. Недостаток товарищеской «чуткости»

Молодежные организации, как отмечает историк Соколов, строились прежде всего на потребности молодых людей к общению и сопереживанию.³⁵⁹ Комсомол, вопреки этому, в двадцатые годы стал партийным «ведомством по делам молодежи»,³⁶⁰ и требуемое товарищество и спайка были трудно осуществляемыми в этих условиях. «Внутрисоюзная жизнь направлялась не на развитие самостоятельности, инициативы комсомольцев, а на мобилизацию молодых людей на выполнение партийных директив».³⁶¹ Так, комсомол был одним из важнейших институтов советской социализации и при этом самой молодежью он должен был восприниматься как заместитель семьи: «Завод – отец. Ячейка – дом.//Семьища – книги, труд, ребята».³⁶² Еще К. Маркс утверждал, что индивидуальная человеческая чувственность должна взаимодействовать с коллективной и тем самым достигать своей полноты.³⁶³ Товарищество и дружба в советском государстве представлялись как основа эмоциональной связи. Этот вид межличностных отношений власть старалась контролировать и использовать в своих идеологических целях, а именно для преодоления разрыва между индивидом и коллективом. Товарищество представлялось такой групповой дружбой, которая не противостоит спайке всего коллектива.³⁶⁴ «В основе должна лежать массовая работа, а не компанейство».³⁶⁵ При этом считалось, что чем

³⁵⁹ Соколов В. И. Молодежное движение в России. Рязань, 1992. С. 6.

³⁶⁰ См. подробнее: Криворученко В.К. В тисках сталинщины. М., 1991.

³⁶¹ Там же. С. 128.

³⁶² Молодогвардеец. Трехлетие группы писателей «Молодая гвардия». 1922-1925. М., 1926. С. 18.

³⁶³ Преображенский Г.М. Маркс и линия среднего// Вестник Томского государственного университета. 2007. № 302. С. 51.

³⁶⁴ Канин Н. О дружбе и товариществе в комсомоле. Л., 1927. С. 11.

³⁶⁵ ЦГАИПД. Ф. К-601. Оп. 1. Д. 571. Л. 13.

больше *кружковое товарищество*, тем меньше спайка всего коллектива. Товарищество, любая самодеятельность в рамках группы должны были быть, во-первых, полезными (в отличие от деятельности множества хулиганских объединений³⁶⁶), во-вторых, распространяться вовне, а не замыкаться на каких-то специфических «упаднических» интересах, уподобляясь, с осуждением пишет автор брошюры, русским литературным объединениям начала XX века. Товарищество должно было также способствовать установлению дисциплины, потому что хорошие отношения в группе гарантируют в ней порядок. Тем сложнее и важнее их сохранить с увеличением организации.³⁶⁷

Сама иерархическая организация союза молодежи с самой меньшей формой объединения в виде ячеек подразумевала конспиративность в соответствии с русской революционной традицией. Ячейки нередко замыкались на себя, тогда как по рекомендациям ЦК Комсомола должны были выносить свою работу в массы.³⁶⁸

Уже упомянутый Золин видел причиной своих «антипартийных и антиобщественных поступков» то, что он «совершенно не жил личной жизнью», так как «с ранних лет втянулся в общественную работу, которая *заполнила всё*», и желание наверстать это, по его мнению, привело к «гибели».³⁶⁹ Во-первых, характерно его восприятие исключения из партии как умирания. Здесь стоит вспомнить об отношении к вступлению в партию, комсомол как к «путевке в жизнь»: не плативший взносы из-за командировок краснофлотец в письме в свою организацию писал, что «был прямо-таки

³⁶⁶ См. напр.: Нападение группы хулиганов на шествие комсомольцев с криками «Бей комсомольцев!» Комсомольская правда. 1926. №209. 11 сентября. С. 2. А. Ю. Рожков несмотря на перечисление им некоторых хулиганских организаций («Шайка хулиганов», «Топтательный комитет») отмечает, что многие подобные хулиганские кружки были сфабрикованными партийно-комсомольскими структурами в политических целях. Например, вменяли хулиганство тем, кто каким-либо образом противоречил политике на местах и не поддерживал курс. Рожков А. Ю. В кругу сверстников. С. 92-93.

³⁶⁷ Сольц А. А. Коммунистическая этика//Комсомольский быт. М., Л., 1927. С. 57-59.

³⁶⁸ О работе среди учащихся высших учебных заведений и рабфаков. Постановление ЦК РЛКСМ, 12 января 1926 г./Комсомол и Высшая школа. М., 1968. С. 35.

³⁶⁹ ЦГАИПД. Ф. К-598. Оп. 1. Д. 4885. Л. 7.

перепуган создавшимся положением, едва ли не ставящим меня вне рядов комсомола»,³⁷⁰ — его ощущение страха весьма симптоматично. Во-вторых, полное отсутствие какой-либо личной жизни сам Золин характеризовал как недостаток своего человеческого развития. Иначе говоря, неопытность в построении нормальных эмоциональных привязанностей и нехватка повседневного общения с другими людьми представлялась ему причиной его стремления проводить время в маргинальных группах пьяниц, проституток и т. д.

Необходимость дружбы признавалась только в рамках коллективности: «На производстве среди девчат нет товарищеской спайки, а есть подруги», и эти подруги виновны в том, что «вместе дружат и вместе отрываются от организации»³⁷¹, то есть дружат не «для» организации, а «от» организации. При этом дальше подвергаются критике и отношения «мужчина-женщина», так как в том, что девушки увлекаются кинематографом, виноваты «избаловавшие» их парни: «водите в кино, в театры, отвлекая этим от *общественных развлечений*, пора кончить, ребята, эти мешанские ухаживания за девушкой».³⁷²

Личные отношения даже больше, чем формальные, интересовали властные институты — они представлялись более крепкими и значимыми, именно на их основе предполагалось формировать подлинную коллективность. Так как все люди должны были стать друг другу товарищами, это предполагало в большей степени дружеское отношение, нежели официальное, деловое, означенное каким-то регламентом. В этом и заключалось определенное противоречие, потому что дружбу и любовь в двадцатые годы рекомендовали строить по регламенту, что противоречило сущности этих отношений: «Нужно посещать комсомольские собрания,

³⁷⁰ ЦГАИПД. Ф. К-1418. Оп. 1. Д. 11. Л. 13. (1927 г.)

³⁷¹ ЦГАИПД. Ф. К-598. Оп. 1. Д. 4085. Л. 4.

³⁷² ЦГАИПД. Ф. К-598. Оп. 1. Д. 4085. Л. 4.

вечера, экскурсии, ибо только это делает нас хорошими товарищами».³⁷³ Однако неэффективность этих организационных форм проявляется в том, что на каждом собрании по поводу недостаточного единства коллектива предлагали одни и те же виды совместной занятости. К тому же, в ряде случаев и активность бюро в организации мероприятий была незначительной, и энтузиазм рядовых комсомольцев тоже оставлял желать лучшего – явка часто была невысока.³⁷⁴ Можно предположить, что необходимость проводить свободное время с теми же людьми, с которыми они были заняты в производстве и в общественной работе, не всем комсомольцам представлялась привлекательной. Даже время досуга предполагалось использовать на повышение уровня своей сознательности, «советскости».

Одной из основных форм культурной работы были клубы, которые активно пытались популяризировать: «Клуб должен стать очагом комсомольского затейничества»³⁷⁵. Энн Горзач замечает, что ситуация с клубами усугубилась в середине 1920-х гг. в результате резкого увеличения числа комсомольцев в организации с разными интересами, разным опытом, разными представлениями о нормальном досуге.³⁷⁶ Нередко новички были безграмотными,³⁷⁷ что ставило под вопрос актуальность типичного комсомольского досуга. Во второй половине двадцатых годов клубы редко имели развлекательную функцию, заседания и доклады были слишком скучными – новые ритуалы имели слишком строгую и одинаковую форму.³⁷⁸

³⁷³ ЦГАИПД. Ф. К-164. Оп. 1. Д. 15. Л. 44-45.

³⁷⁴ ЦГАИПД. Ф. К-164. Оп. 1. Д. 24. Л. 111.

³⁷⁵ Александров Я. Почему мы пьем? Л.: Прибой, 1929. С. 66.

³⁷⁶ Gorsuch A. Youth in Revolutionary Russia: Enthusiasts, Bohemians, Delinquents. Bloomington, Indianapolis, 2000. P. 62.

³⁷⁷ На VIII съезде эта проблема еще стояла и каждый грамотный комсомолец должен был выучить одного безграмотного. См. подробнее: Резолюции и постановления VIII съезда ВЛКСМ 5-16 мая 1928 г. М., 1928.

³⁷⁸ Gorsuch A. Youth in Revolutionary Russia: Enthusiasts, Bohemians, Delinquents. Bloomington, Indianapolis, 2000. P.62.

Комсомольцев они не всегда привлекали: «клубные вечера не настолько интересны, чтобы не заложить как следует перед тем»³⁷⁹. Решить эту проблему должен был коллектив, коллективная забота, общественная деятельность. Теоретики понимали при этом важность активиста, на котором, как правило, держится, сообщество. Этот своего рода низовой культ личности позволял делегировать ответственность проверенному, не вызывающему идеологических нареканий «затейнику». В его задачи входило не нести «с вечеринок чуждые песни, которые ведут молодежь к упадочничеству и пьянству», как делают это «несознательные комсомольцы», а проводить идеологию государства, т. е. способствовать включению индивида в советский коллектив. «Если со стороны старших товарищей будет внимание к указанным явлениям в среде молодежи, то будет самая хорошая жизнь».³⁸⁰ Считалось, что для активиста основными должны быть два принципа: первый – необходимость *быть чутким* и проявлять инициативу, и только второй – суметь организовать свою учёбу.³⁸¹ При этом они сами не избегали жесткого контроля. Активист должен был обладать цельным характером и в коллективе, и дома, и в общественных местах, и на производстве. Это должно было контролироваться общественным мнением, кроме того, квартиры и комнаты активистов посещала специальная комиссия для «получения характеристики домашнего быта и условий жизни».³⁸² Контроль над ними мог быть достаточно высок, потому что они несли ответственность за коллектив.

Комсомол многим наиболее критически настроенным молодым людям казался не благотворным пространством формирования нового советского гражданина, а лишенной человечности бюрократической машиной. Это противоречило создаваемому в идеологии образу. Проблема бюрократизма

³⁷⁹ ЦГАИПД. Ф. К-598. Оп. 1. Д. 4085. Л.31

³⁸⁰ Упадочное настроение среди молодежи: Есенинщина. М., 1927. С. 142.

³⁸¹ ЦГАИПД. Ф. К-156. Оп. 1а. Д. 14. Л. 183.

³⁸² ЦГАИПД. Ф. К-1791. Оп. 1. Д. 12. Л. 2.

стояла и в официальной повестке партии. В специальном письме «Комсомол в борьбе с бюрократизмом» от организации требовали «быстро рассматривать все жалобы комсомольцев и беспартийной трудящейся молодёжи на замеченные ими недостатки и безобразия, широко оповещая молодёжь о принятых РКИ (Рабоче-крестьянской инспекцией) практических шагах к устранению этих недостатков».³⁸³ В 1926 г. по инициативе комсомольцев были созданы так называемые группы «легкой кавалерии», которые создавались низовыми организациями ВЛКСМ и путем «налётов», «рейдов» на учреждения и предприятия осуществляли контроль. Их работу направляли ЦКК ВКП(б) и РКИ СССР.³⁸⁴ В решении частных проблем такой метод контроля вероятно имел свою важность, но он был направлен вовне, а в самом комсомоле ситуация в корне не менялась. Молодой коммунист Григорий Абрамович вспоминал свой ранний революционный опыт общения в рамках небольшого военного отряда как образец товарищества в противовес ситуации в комсомоле, где было много бюрократов и карьеристов, что отнимало у него силы «продолжать жить».³⁸⁵ Студент Новоселец на диспуте в Комсомольской Академии в свою очередь приводил примеры о попавшей под сокращение комсомолке и о юноше, не получившем командировку на обучение из-за бюрократических проволочек, что рождало в обоих разочарование и уныние.³⁸⁶ На заводе «Красный треугольник» самими комсомольцами отмечалось, что в цехах часто нет «товарищеского *чуткого* отношения молодежи»,³⁸⁷ хотя совместный труд предполагался как спланивающий. Слово «чуткость», как мы выяснили, является основным для описания той возможной грани чувствительности и эмоциональной

³⁸³ Комсомол в борьбе с бюрократизмом. Письмо ЦКК ВКП(б) и ЦК ВЛКСМ от 4 октября 1927 г.//КПСС о Комсомоле и молодежи. М., 1962. С. 126, 130.

³⁸⁴ О группах «легкой кавалерии». Декабрь 1928. //КПСС о Комсомоле и молодежи. С. 154-155.

³⁸⁵ Цит. по: Gorsuch A. Youth in Revolutionary Russia: Enthusiasts, Bohemians, Delinquents. Bloomington, Indianapolis, 2000. P. 178.

³⁸⁶ Упадочное настроение среди молодежи: Есенинщина. М., 1927. С. 140.

³⁸⁷ ЦГАИПД. Ф. К-156. Оп 1а. Д. 15. Л.11.

привязанности в 1920-е гг., которая предполагала то отношение к человеку, которое не позволяло ему выйти из коллектива, но и не ассоциировалось с отжившими романтическими идеалами, «слезливыми сантиментами»³⁸⁸.

Коллектив должен был оберегать своих членов от возможной заразы, однако, не всегда это удавалось, даже редко удавалось. Н. Канин писал, что настроения человека являются результатом массы влияний, нередко «чисто личных неудач», от которых рождается чувство неудовлетворенности и упадочные настроения. «Очень часто» это выливалось в «проступки против союзной дисциплины, в отходе от коллектива», который подходит к ««оступившемуся» без достаточной чуткости»: по коллективу начинают ползти слухи об упадочничестве, «упадника» избегают и стараются от него изолироваться, а его пессимистические настроения «чудовищно вырастают». Бюрократы и формалисты, с осуждением писал автор, смотрят на человека как «на параграф на двух ногах» и начинают травлю «споткнувшегося». И если не противостоят этому «чутким отношением», то «дело может кончиться плохо». Отравившуюся комсомолку можно было спасти, считало руководство, втянув её в комсомольскую работу и «заинтриговать её», так как она попала не в ту компанию.³⁸⁹ Судя по текстам теоретиков, всех вышеописанных самоубийств можно было бы избежать, если пресловутое товарищество действительно имело бы место. При этом сами комсомольцы признавали невозможность «залезть³⁹⁰ в душу человека», когда не смогли уберечь члена своей ячейки Миллер(-а) «от такого конца», видимо, самоубийства, хотя знали об определенном его(её) негативном настроении и «делали все возможное для устранения его».³⁹¹ Интересно, что подруга упомянутого в предыдущем параграфе самоубийцы Шульгина была вызвана на комиссию не в качестве свидетеля, а в качестве обвиняемой, так как не

³⁸⁸ Канин Н. О дружбе и товариществе в комсомоле. Л., 1927. С. 26.

³⁸⁹ ЦГАИПД. Ф. К-156. Оп. 1а. Д. 18. Л. 17., 117.

³⁹⁰ Так в источнике.

³⁹¹ ЦГАИПД. Ф. К-164. Оп. 1. Д. 8. Л. 21.

предприняла мер, будто бы заранее *зная* о намерении Шульгина покончить с собой. Круговая порука были элементом коллективистской политики комсомола, когда личность(-и) (чаще всего активист) становилась ответственна за окружающих. С одной стороны, это позитивная практика сплочения группы, с другой – компрометирование дружбы, которая приобрела утилитарное значение и грозила неприятностями, если друг совершал какой-то проступок, напомним, что нарушением дисциплины могли быть совершенно безобидные действия.

Существовали и инициативы по выяснению влияния компании на волю отдельного комсомольца³⁹², то есть это предполагалось схематичной исчисляемой категорией, которая позволит работать с этими математическими данными.

Н. Канин в своей книге о товариществе приводит ряд примеров. Один комсомолец из-за недоразумения повздорил со сторожем, его прогнали из клуба и стали называть хулиганом, пускать слухи и клеветать, из-за чего тот подал заявление о выходе из союза – из комсомола его исключили, и он застрелился. Другой комсомолец Ш. плохо работал, прогуливал, при этом бюро ячейки и коллектив не выражали ему лично своего недовольства, однако экономработник коллектива решил быстро решить проблему и доложил Ш. о его будущем увольнении – сразу после его ухода Ш. нанёс себе ножевую рану в грудь.³⁹³

Автор, конечно, отмечал, что такие случаи единичны и до самоубийств дело доходило редко, и гораздо чаще "споткнувшиеся", не имея поддержки товарищей, «спиваются, попадают в сумасшедший дом или выкинутые с завода увеличивают собой ряды люмпен пролетариата».³⁹⁴ Характерно, что единичность самоубийств по сравнению с частыми сумасшествиями выглядит в глазах автора как позитивный фактор, хотя оба явления приводят

³⁹² ЦГАИПД. Ф. К-1791. Оп. 1. Д. 12. Л. 2.

³⁹³ Канин Н. О дружбе и товариществе в комсомоле. Л., 1927. С. 22-23.

³⁹⁴ Там же. С. 23.

к выпадению человека из социалистического строительства. Скорее всего, это обусловлено темой брошюры, в которой рекомендовалось живописать ужасы именно антитоварищества, а не пьянства или хулиганства, а в заключение, по сложившейся традиции, сделать оговорку, что не всё так плохо.

Другой комсомолец, член партии «неплохо работал», «отличался глубоким, вдумчивым подходом к каждому вопросу», но страдал острой неврастенией, полученной на фронте. Занявшись самообразованием, он «взялся сразу за чрезвычайно серьезные философские труды» – это внесло в его представление о мире «хаос», а ребята стали дразнить, что он «зачитался» и «шибко вумным хочет быть». Подозрительное отношение к нему, вызванное, что симптоматично, невинным желанием человека познать окружающий мир, стало причиной отвода его кандидатуры на выборах в бюро цехячейки. Он оказался отделен от коллектива, в это же время пережил развод. Неврастения и психологический кризис обострились, юноша больше углубился в книги (снова подчеркивается негативная роль самостоятельного чтения), начал выпивать, на что коллектив не обращал внимания. Однако нашлись близкие товарищи, которые до этого не воспринимали его проблему как серьезную и только «изумлялись». Они вовремя осознали беду и начали «совместные прогулки, разговоры «по душам», ночные споры и т. д.», взяли на работу в коллектив, достали место в санатории. Это пример того, как должна была поступить подруга вышеупомянутого комсомольца Шульгина, так как в итоге молодой человек вернулся к общественной работе и к самообразованию, но на этот раз под руководством ответственного работника.³⁹⁵

Встречались и комические случаи, рассказывающие о противоположной ситуации. Забота коллектива о личности тоже имела место. Во время летнего пребывания на даче комсомолец Федотов «иногда вёл себя совсем непристойно», а именно «бежал в парк, а за ним должны были бежать

³⁹⁵ Там же. С. 25-26.

все остальные, боясь, что он застрелится».³⁹⁶ Озабоченность коллектива человеком подвергается здесь сомнению, потому что Федотов как будто пользовался этим для привлечения к себе внимания. При этом нельзя говорить о тотальной безответственности коллективов по отношению к отдельной личности.

Однако непонимание товарищей закономерно считалось одной из причин пессимизма и упадочничества: «когда все надоело парень или девушка готовы на самоубийство, со стороны товарищей следуют не разубеждения, а подзадоривания»³⁹⁷; «очень часто шутки, насмешки доводят ребят почти до сумасшествия»;³⁹⁸ «коллектив личной жизнью комсомольца почти не занимался и опомнился тогда, когда одна из шуток со стороны комсомольца привела к убийству человека».³⁹⁹ С другой стороны, в рамках кампании самокритики называлось «нездоровым подходом», когда критика в большей степени направлена на что-то личное, а не «в сторону помощи и указаний в работе».⁴⁰⁰ Одна комсомолка жаловалась, что её вызывали на собрания Бюро, потому что она не ходила на Пленумы, но когда она появлялась, «от насмешек проходу нет, доводят до слёз и только потому, что я в голодное время торговала мелочью».⁴⁰¹ Комсомольца Студеникина обвиняли за ряд его проступков, среди которых упоминали, что он «связан с одиночками».⁴⁰² Другая комсомолка «вела распущенную жизнь» и бытовая комиссия добилась переселения её «в более здоровую обстановку», тогда как

³⁹⁶ ЦГАИПД. Ф. К-471. Оп. 1а. Д. 5. Л. 89.

³⁹⁷ ЦГАИПД Ф. К-164. Оп. 1. Д. 13. Л.

³⁹⁸ ЦГАИПД. Ф. К-164. Оп. 1. Д. 15. Л. 60.

³⁹⁹ ЦГАИПД. Ф. К-1791. Оп. 1. Д. 10. Л. 3.

⁴⁰⁰ ЦГАИПД. Ф. К-359. Оп. 1. Д. 11. Л. 18.

⁴⁰¹ ЦГАИПД Ф. К-164. Оп. 1. Д. 4085. Л. 46.

⁴⁰² Речь идёт уже о 1931 г., однако комсомол не особо изменился в тридцатые годы и обеспокоенность самоубийствами на местах сохранялась. ЦГАИПД. Ф. К-1791. Оп. 1. Д. 14.

ребята «вспоминая старое, подтрунивают над ней».⁴⁰³ Мало верится, что это было действительно безобидное «подтрунивание» над человеком, который нарушил союзные правила и заслуживал осуждения, достаточно вспомнить постановочные суды над проституткой или над замужними девушками.

Травля – это вполне очевидная проблема молодежной субкультуры, однако в условиях насаждения товарищества и его декларации как важного элемента социальной жизни видится полная несостоятельность этой идеи, учитывая постоянный поиск врагов и желание очистить свои ряды. Партия стремилась создать идеологически правильного комсомольца, постоянно превозносила соответствующие качества: «комсомолец должен чувствовать, что он смена партии», «должен быть грамотным политически», «вести общественную работу», «быть энергичным знающим работником».⁴⁰⁴ Так формировался идеал, к которому многие хотели стремиться. Как пишет историк Игал Халфин относительно периода 1920-1930-х гг.: «бесклассовое общество будет осуществлено только тогда, когда пролетариат будет очищен от злых душ».⁴⁰⁵ Это рождало карьеризм и жестокое обращение с тянущими вниз товарищами, потому что нужно было идти только вперед. В некоторых случаях кончали жизнь самоубийством или имели упадочнические настроения именно те, кто признавал коммунистические идеалы, но не считал себя способным им следовать: «Чтобы быть хорошим ленинцем, нужно очень много знать, а это трудно, – все же не советуем делать то, что мы делаем – стреляться».⁴⁰⁶ Ростовская комсомолка чувствовала «какое-то упадочничество», при этом осознавая, что она член комсомола и «должна бороться с упадочничеством», иначе не сможет выполнить «заветов

⁴⁰³ ЦГАИПД. Ф. К-598. Оп. 1. Д. 4085. Л. 4.

⁴⁰⁴ ЦГАИПД. Ф. К-164. Оп. 1. Д. 15. С. 44-45.

⁴⁰⁵ Цит. по: Липовецкий М. Н. Паралогии. М., 2008. С. XIV.

⁴⁰⁶ Предсмертная записка харьковских комсомольцев, совершивших двойное самоубийство. Красная газета. 1926. 8 янв. №7. С. 5.

Ильича».⁴⁰⁷ Самоубийца Коля Киселев не чувствовал смысла в жизни, тогда как свою предсмертную записку подписал «с комсомольским приветом».⁴⁰⁸

Анатолий Луначарский был одним из тех, кто особенно активно выступал против бюрократизма в партии и при этом не принадлежал оппозиции, хотя был снят с поста наркома просвещения в поворотном 1928 году. Он особенно осуждал поведение, описанное им таким образом: «Пашка с уклоном, теперь пусть держит ухо востро, чуть еще одно замечание, – я ему покажу, какой я партийный!»⁴⁰⁹ Он считал, что необходима «внутренняя спайка, чтобы каждый понял, какая драгоценность молодые люди в СССР и как нужно их оберечь пуще ока». Луначарский призывал, прежде всего, беречь человека, который будет строить общество, а не общество, которое будет формировать человека. Он говорил: «Нужна взаимная *нежность* участвующих в одном и том же строительстве социализма».⁴¹⁰ В докладе 1926 года о быте в ответ на широко распространившееся письмо комсомольца, который называл любовь «телячьей нежностью», нарком просвещения вопрошал, «почему он [комсомолец] думает, что у теленка могут быть нежности, а у комсомолёнка не могут?»⁴¹¹ Нередко и в первичных организациях призывали к тому же: «Надо научиться к каждому товарищу подходить чутко и по-человечески, надо оставить привычку командования»⁴¹².

Таким образом, власть старалась использовать повседневное дружеское взаимодействие советских людей в качестве способа формирования коллективистской модели государства и стремилась способствовать развитию

⁴⁰⁷ Цит. по: Рожков А. Ю. В кругу сверстников. М., 2014. С. 147.

⁴⁰⁸ Цит. по: Gorsuch A. Youth in Revolutionary Russia: Enthusiasts, Bohemians, Delinquents. Bloomington, Indianapolis, 2000. P. 179.

⁴⁰⁹ Ермилов В. В. Против мещанства и упадничества. М., Л., 1927. С. 43.

⁴¹⁰ Там же.

⁴¹¹ Луначарский. А. В. О быте. М., Л., 1927// Наследие А. В. Луначарского. [Электронный ресурс]. URL: <http://lunacharsky.newgod.su/lib/o-byte> (дата обращения: 03.05.2017).

⁴¹² ЦГАИПД. Ф. К-1791. Оп. 1. Д. 10 Л. 8.

связей между людьми посредством различных мероприятий, качество которых не удовлетворяло комсомольскую молодёжь. Власть пыталась сформировать «эмоциональный режим», который был бы удобен и тем, и другим, позволяя дружить, мотивируя дружить, но помнить о коллективном идеале. В этом выразилась определенная идеализация своих граждан как последовательных коммунистов. Ситуация на местах была гораздо более сложной. Повседневные связи молодых людей не могли укладываться в обозначенные рамки, тогда как всегда находились коммунистически принципиальные «судьи». Они имели дисциплинарные рычаги, даже если не занимали административной должности, влиять на ход событий – писать жалобы, доносы и т. д. Это подрывало идею товарищества, которое не уберегало, как предполагалось, от упадочничества, а наоборот, способствовало ему, потому что «правильный» коллектив слишком часто ополчался против «неправильной» личности. Даже такие сугубо индивидуальные эмоциональные практики, выраженные в формировании круга друзей, контролировались администрацией и теми самими товарищами. «Все более развертывающееся хозяйственное строительство, в котором рабочая молодёжь принимает немалое участие, предъявляет к молодёжи ряд новых требований, все более и более строгих, все более и более усложняющихся. В конечном итоге все они сводятся к одному: рабочая молодёжь должна достигнуть всестороннего – умственного и физического, политического и профессионального – совершенства»⁴¹³. В списке достижений комсомольца, конечно, не предполагалось чувствительного развития, оно не соответствовало советскому «эмоциональному режиму», который создавался для того, чтобы, ограничиваясь лишь чуткостью к товарищам, построить новое общество.

Идеология в советском государстве была важнее личности, уж тем более чувствующей личности. «Отваживание» от действительных друзей, от проявлений дружбы в виде совместного проведения досуга или навязывание

⁴¹³ Каган А. Г. Как молодежь расходует и как надо расходовать получку. Л., 1928. С. 64.

специфических форм дружбы приводило к большей сухости в работе комсомола и преобладанию там не товарищеских, а формальных отношений мнимого единства. Чуткость только предполагалась и требовалась, но требовалась она значительно в меньшей степени, чем прогрессивное движение вперед, поэтому нередко ей жертвовали. Власть будто бы хотела вернуть в реалии застойного, разочаровывающего нэпа тот энергетический потенциал борьбы, который существовал во время Гражданской войны и не требовал никакой чувствительности.

В тридцатые годы возвращение традиционной семьи в целом отвечало на эту нехватку чувства в двадцатые годы. Проявление всех эмоциональных впечатлений снова вернулось в область семьи, а не товарищества, где им не нашлось места. От коммун перестали требовать обобществления быта и начали говорить о необходимости личной жизни⁴¹⁴. Этот в определенной степени шаг назад, возможно соответствовал представлению о том, что личная жизнь всё-таки должна существовать, но за пределами работы, где должна царить железная дисциплина. Олег Хархордин писал о практике индивидуации в тридцатые годы, когда личность стала значимой, пусть и в негативном для многих смысле.⁴¹⁵ Если в двадцатые годы бытовало представление, что «коллектив есть расширенная личность»,⁴¹⁶ то в тридцатые наоборот идут от личности к коллективу. Упадочничество в ВЛКСМ сохранилось и в новых условиях, так как комсомол, по сути, не был реформирован и все вышеописанные механизмы контроля, внедрения в личную жизнь продолжали функционировать. Однако уже в самом конце десятилетия в отчетах, несмотря на то, что случаи упадочничества не переводились, наблюдается определенная динамика в плане упоминания незначительного, но роста дисциплины и вообще сознательности членов

⁴¹⁴ Смирнова И. Предисловие//Дюран Д. Коммунизм своими руками. Образ аграрных коммун в Советской России. СПб., 2010. С. 62.

⁴¹⁵ См. подробнее: Хархордин О. Обличать и лицемерить. СПб., 2002.

⁴¹⁶ ЦГАИПД. Ф. К-164. Оп. 1. Д. 13. Л. 23.

организации во многом благодаря новому движению ударничества и производственным конкурсам, которые назывались «самыми адекватными формами союзной работы».⁴¹⁷ Эти формы, кроме того, могли привести к достижению так сильно желаемой сознательности и предлагали тот самый путь к квалификации, к достатку, к обеспечению себя всем необходимым.

Вместе с этим, по крайней мере, на дискурсивном уровне, произошла смена эмоциональных режимов, которую прозорливо отметил Ю. Олеша. Он провозгласил Третий комплекс ГТО в своей пьесе и в будущем сценарии одноименного фильма «Строгий юноша» (1934). Этот комплекс подразумевал нормализацию любви и чувства вообще для комсомольца, а, следовательно, и для советского гражданина. Если Олеша описал в «Зависти» чувствительного интеллигента, остающегося за бортом советской истории, то теперь чувствительностью наделяется носитель передовых советских идей – комсомолец. Можно предположить, что в тридцатые годы происходит некоторая реабилитация чувств, которые раньше могли называться буржуазными, упадочническими или болезненными.⁴¹⁸ Эта гипотеза является поводом к дальнейшему изучению политики советского государства в отношении эмоций.

⁴¹⁷ ЦГАИПД. Ф. К-598. Оп. 1. Д. 4085. Л. 8.

⁴¹⁸ Блюмбаум А. Оживающая статуя и воплощенная музыка: контексты "Строгого юноши"//НЛЮ. 2008. № 1. С. 138-189.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Упадочничество стало свидетельством кризиса, к которому пришла радикальная политика первых лет советской власти. Люди, живущие почти в экстремальных условиях, должны были сохранять молчание по поводу своих бытовых неурядиц, так как иначе могли прослыть упадочниками или даже оппозиционерами. Негативные эмоции, лирические настроения вызывали подозрение власти, которая придавала им политическое значение. Советские идеологи, следуя идеям Карла Маркса о материалистически ориентированной коммунистической чувствительности, пытались построить новое государство именно на таких основаниях. Раннесоветская «политика эмоций» допускала в межличностных отношениях только товарищескую чуткость, которая должна была способствовать социалистическому строительству.

В рамках дискуссии об упадочничестве и есенинщине выявилась нехватка пространства для эмоциональных переживаний. Творчество Сергея Есенина было популярно среди всех слоёв населения, хотя идеологи пытались представить ситуацию в более выгодном для себя свете. С помощью классового подхода они настаивали, что рабочие менее подвержены упадочничеству, а его распространителями являются по большей части студенчество и интеллигенция. Однако в действительности и рабочие, и крестьяне, разумеется, не в меньшей степени были склонны к упадочническим настроениям. Лирическая поэзия оказалась более эффективной в смысле влияния на людей, чем сухие, но содержательные идеологические тексты.

Откровенно протестные самоубийства оппозиционеров в эти годы только способствовали политическому восприятию упадочничества. В результате этого слово стало превращаться в клеймо для антипартийных элементов. Уже заранее заданная негативность упадочничества была подкреплена и новым, оппозиционным смыслом.

Что касается комсомольской повседневности, то её во многом определяли дисциплинарные порядки. Член союза молодёжи подвергался

контролю со стороны как руководства, так и коллектива, даже личная жизнь и круг общения становились предметом пристального внимания. В условиях постоянного притока новых членов дисциплину становилось всё труднее наладить, поэтому жесткие меры представлялись гораздо более эффективным, чем воспитательные. Помимо этого недовольство комсомольцев вызывало множество внутренних проблем – невыдача путёвок на обучение, отсутствие условий для получения квалификации, скучная повестка дня, большая загруженность общественной деятельностью, бюрократизация союза. Такие настроения в источниках как «болезненные», «упадочнические».

Наиболее серьезными последствиями обозначенных проблем являлись самоубийства. Высокие требования, которые предъявляли к комсомольцам, приводили к тому, что некоторые молодые люди, которые признавали коммунистические идеалы, но не считали себя способными им следовать, заканчивали жизнь самоубийством. Как партийное, так и комсомольское руководство видело причину этих настроений в несознательности отдельных членов союза, тогда как сама неустроенная комсомольская повседневность провоцировала упадочничество среди молодёжи.

В каком-то смысле советская власть сама провоцировала упадочничество той очень высокой планкой, которой должен был соответствовать советский человек. Господствующий в государстве порядок предполагал минимальную эмоциональность, требовал полной физической отдачи и большой ответственности, при этом материальные условия не были удовлетворительными. Поэтому рождалась необходимость в неких эмоциональных убежищах, ощущение тревоги перед новым и значительным режимом выливалось в создание маргинальных социальных групп, самоубийства или всего лишь в увлечение такими практиками, как чтение Есенина. Власть считала все эти проявления опасными, тогда как субъект хотел получить своё давно знакомое и понятное эмоциональное переживание, которое обеспечивало ощущение стабильности в изменяющемся мире.

Список литературы

Архивные документы:

*Центральный государственный архив историко-политических документов
Санкт-Петербурга*

Ф. К-156. Комсомольская организация завода «Красный треугольник»

Ф. К-164. Комсомольская организация Прядильнониточной фабрики им. Ст. Халтурина

Ф. К-202. Комсомольская организация Кировского завода

Ф. К-471. Комсомольская организация фабрики «Веретено»

Ф. К-598. Ленинградский областной комитет ВЛКСМ

Ф. К-599. Ленинградское областное бюро ЦК ВЛКСМ

Ф. К-601. Ленинградский уездный комитет

Ф. К-601. Ленинградский губернский комитет ВЛКСМ

Ф. К-764. Комсомольская организация «Ижорского завода им. А. А. Жданова»

Ф. К-1418. Конфликтные комиссии Центрально-Городского РК ВЛКСМ

Ф. К-1791. Комсомольская организация завода «Электросила»

Ф. К-1861 Комсомольская организация завода им. Карла Либкнехта

Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга

Ф. 416. Бережков Сергей Георгиевич (1889-1942)

Нормативно-правовые акты:

1. Программа и устав Всесоюзного ленинского коммунистического союза молодежи. М.: Молодая гвардия, 1927. 94 с.
2. Резолюции и постановления VIII съезда ВЛКСМ 5-16 мая 1928 г. М.: Молодая гвардия, 1928. 217 с.

Статистические материалы:

3. Балашов А. В. ВЛКСМ за 10 лет в цифрах. М.; Л.: Молодая гвардия, 1928. 36 с.
4. Комсомол и его актив: Статистический сборник о численном и качественном составе ВЛКСМ и актива за 1927 и 1928 гг. М.; Л.: Молодая гвардия, 1929. 45 с.
5. Самоубийства в СССР в 1925 и 1926 годах. М.: ЦСУ СССР, 1929. 57 с.

Делопроизводственные материалы:

6. VII съезд ВЛКСМ. 11-22 марта 1926 г. Стенографический отчет. М.; Л.: Молодая гвардия, 1926. 516 с.
7. XIV съезд РКП(б). О работе профессиональных союзов. Доклад тов. Томского//Известия. 1926. № 2. 3 января. С. 3.
8. XIV съезд РКП(б). О работе комсомола. Доклад Н. И. Бухарина// Известия. 1926. №1. 1 января. С. 6.
9. XV Съезд Всесоюзной Коммунистической Партии (большевиков): Стенографический отчет. - М.; Л.: Гос. изд-во, 1928. 1416 с.

Труды государственных деятелей:

10. Бухарин Н. И. Злые заметки. М.; Л.: Гос. изд-во, 1927. 19 с.
11. Луначарский. А. В. О быте. М., Л., 1927// Наследие А. В. Луначарского. [Электронный ресурс]. URL: <http://lunacharsky.newgod.su/lib/o-byte> (дата обращения: 03.05.2017).
12. Радек К. Памяти Юрия Лутовинова//Луначарский А., Радек К., Троцкий Л. Силуэты: политические портреты. М.: Издательство политической литературы, 1991. С. 304-306.
13. Троцкий Л.Д. Портреты революционеров / Сост. Ю. Фельштинский. М: Московский рабочий, 1991. 416 с.
14. Троцкий Л. Д. Памяти Сергея Есенина// Есенин. Жизнь, личность, творчество. М.: Работник просвещения, 1926. С. 93-97.

Сборники документов:

15. Комсомол и высшая школа: Документы и материалы съездов, конференций ЦК ВЛКСМ по работе вузовского комсомола (1918-1968 гг.). М.: Молодая гвардия, 1968. 271 с.
16. КПСС о комсомоле и молодежи: Сборник резолюций, решений съездов, конференций партии, постановлений ЦК КПСС и других парт. документов. (1917-1961 гг.). 3-е изд. М.: Мол. гвардия, 1962. 400 с.
17. РКП(б). Внутрипартийная борьба в двадцатые годы: Документы и материалы. 1923 г. / Отв. сост.: В.П. Вилкова. М.: РОССПЭН, 2004. 462 с.

Источники личного происхождения:

18. «Горько видеть жизни край...». Сергей Есенин и Софья Толстая/ Публ. Т. Г. Никифоровой // Lib.ru/Классика [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/e/esenin_s_a/text_1925_esenin_i_tolstaya.shtml (дата обращения: 03.05.2017).
19. Абдрахманов Ю. А. Дневники//Прожито. [Электронный ресурс]. URL : <http://prozhito.org/notes?date=%221928-01-01%22&diaries=%5B250%5D> (дата обращения: 03.05.2017).
20. Бениславская Г. А. Дневник. Воспоминания. Письма к Есенину. СПб.: Содружество, 2001. 285 с.
21. Блок А. А. Дневники//Прожито. [Электронный ресурс]. URL: <http://prozhito.org/notes?diaries=%5B10%5D> (дата обращения: 03.05.2017).
22. Валентинов Н. НЭП и кризис партии: Воспоминания. Нью-Йорк: Телекс, 1991. 257 с.
23. Гинзбург Л. Я. Человек за письменным столом. Л.: Советский писатель, 1989. 605 с.
24. Гуслияров Е. Н. Есенин в жизни: систематизир. свод воспоминаний современников. М.: ОЛМА-Пресс, 2004. 767 с.

25. Мильчаков А. И. Первое десятилетие: записки старого комсомольца. М.: Молодая гвардия, 1959. 254 с.
26. Пришвин М. М. Дневники. Кн. 5. 1926-1927. М.: Русская книга, 2003. 586 с.
27. Ситников В. Н. Пережитое: Дневник саратовского обывателя// Прожито. [Электронный ресурс]. URL: <http://prozhito.org/notes?diaries=%5B101%5D> (дата обращения: 03.05.2017).
28. Чуковский К. И. Дневник. 1901—1969. Т 1. 1901-1929. М.: Олма-Пресс, 2003. 637 с.

Художественная литература:

29. Малашкин С.И. Луна с правой стороны или необыкновенная любовь: Повести и рассказы. 5-е изд. М.: Молодая гвардия, 1928. 236 с.
30. Огнев Н. Костя Рябцев в вузе. Рига: Грамату драугс, 1929. 205 с.
31. Олеша Ю. К. Зависть. Три толстяка. Рассказы. М.: Олимп, 1998. 507 с.
32. Эрдман Н. Р. Самоубийца: пьесы. СПб.: Азбука, 2011. 317 с.
33. Эренбург И.Г., Жизнь и гибель Николая Курбова. Берлин: Геликон, 1923. 260 с.
34. Федорова Н. Иголки//Женский журнал. 1928. №7. С. 9-10.

Публицистика:

35. Александров Я. Почему мы пьем? Л.: Прибой, 1929. 70 с.
36. Безыменский А.//Комсомолия. №6-7. С.71-75.
37. Бобрышев И. Т. Мелкобуржуазные влияния среди молодежи. М.; Л.: Молодая гвардия, 1928. 140 с.
38. Борьба с есенинщиной//Комсомольская правда. 1926. №249. 28 октября. С. 4.
39. Воронский А. Литературные силуэты: Сергей Есенин // Красная новь. 1924. № 1. С. 271-289.

40. Ермилов В. В. Против мещанства и упадничества. М.; Л.: Гос. изд-во, 1927. 76 с.
41. Жаров А. А. Собрание сочинений. В 3 т. Т. 3. Песни, плакаты, литературные записи. М.: Художественная литература, 1981. 303 с.
42. Жиц Ф. Почему мы любим Есенина?//Красная новь. 1926. № 5. С. 216-223.
43. Залкинд А. Б. Работа и быт общественного актива. М.; Л.: Московский рабочий, 1928. 128 с.
44. Каган А. Г. Как молодежь расходует и как надо расходовать получку. Л.: Прибой, 1928. 93 с.
45. Каган А. Молодежь после гудка. М.; Л.: Молодая гвардия, 1930.
46. Канин Н. О дружбе и товариществе в комсомоле. Л.: Красная газета, 1927. 48 с.
47. Коллонтай А. М. Дорогу крылатому Эросу! (Письмо к трудящейся молодежи)//Молодая гвардия. 1923. №3. С.111-124.
48. Комсомольский быт/Сост. И. Разин. М.; Л.: Молодая гвардия, 1927. 357 с.
49. Кремнев. В плену мелкобуржуазной стихии: общественный суд по делу группы студентов «Черный кот» // Красное знамя. 1929. 21 нояб. С. 3.
50. Молодогвардеец: Трехлетие группы писателей «Молодая гвардия». 1922-1925. М.: Молодая гвардия, 1926. 71 с.
51. Ник-кий Л. «Черный кот» и «Таверна смерти» // Красное знамя. Ежедневная газета Томского ОК ВКП (б), Окрисполкома и Окрпрофбюро. 1929. 9 июня, 12 июня, 13 июня, 11 ноября, 21 ноября.
52. Ник-кий Л. Сигнал к проверке. «Черный кот» и «Таверна смерти»// Красное знамя. Ежедневная газета Томского ОК ВКП (б), Окрисполкома и Окрпрофбюро. 1929. 9 июня. С. 3.

- 53.Осиновый кол в традициях белоподкладочников: Резолюция экстренной сходки студенчества 10 июня 1929 года // Красное знамя. 1929. 13 июня. С. 4.
- 54.Покровский Г. А. Есенин-есенинщина-религия. М.: Атеист, 1930. 68 с.
- 55.Преображенский Е.А., О морали и классовых нормах. М.; Пг: Гос. изд-во, 1923. 115 с.
- 56.Против упадочничества. Против "есенинщины". М: Правда и беднота, 1926. 51 с.
- 57.Рафаил М. А. За нового человека. Л.: Прибой, 1928. 64 с.
- 58.Розин В. Кто виноват? (к вопросу о самоубийствах)//Юный коммунист. 1926. №13-14. С. 57-59.
- 59.Роман Р. Новый быт//Комсомольский быт. М., Л., 1927. С. 316-319.
- 60.Соболев С. Ленинградский комсомол в полосе социалистического строительства. Л.: Прибой, 1928. 62 с.
- 61.Упадочное настроение среди молодежи: Есенинщина. М.: изд-во Коммун. акад., 1927. 160 с.
- 62.Ханин П. Большевистское воспитание молодёжи и оппозиция// Комсомольская правда. 1926. №219. 23 сентября. С. 3-4.
- 63.Шор С. Ю. Что такое мещанство? М.; Л.: Молодая гвардия, 1930. 32 с.
- 64.Ярославский Е. М. Философия упадничества//Большевик. 1927. №23-24. С. 135-144.

Периодика:

- 65.Бегемот: Еженед.изд."Красной газеты". Л.: Ленингр.сов.р.к.ик.д., 1926-1927.
- 66.Красная газета. Ежедневн.газ. Пгд.: Красная газета, 1925-1926.

Научная литература:

1. Беньямин В. О понятии истории// Беньямин В. Учение о подобии. Медиаэстетические произведения/Пер. и комм. С. Ромашко. М.: РГГУ, 2012. С. 237—253.
2. Блюмбаум А. Оживающая статуя и воплощенная музыка: контексты "Строгого юноши"//НЛО. 2008. № 1. С. 138-189.
3. Бруханский Н. П. Самоубийцы. Л.: Прибой, 1927. 109 с.
4. Булдаков В. П., Утопия, агрессия, власть: психосоциальная динамика постреволюционного времени. М.: РОССПЭН, 2012. 756 с.
5. Гернет М. Н. Преступность и самоубийство во время войны и после нее. М.: ЦСУ СССР, 1927. 270 с.
6. Гиляровский В. К психопатологии детских самоубийств// Психопатология и психопрофилактика детского возраста. М., 1929. С. 66-82.
7. Добренко Е. А. Формовка советского писателя. СПб.: Акад. проект, 1999. 557 с.
8. Добренко Е.А. Формовка советского читателя: Социальные и эстетические предпосылки рецепции советской литературы. СПб.: Гуманитарное агентство "Акад. проект", 1997. 320 с.
9. Зорин А. Л. Появление героя. Из истории русской эмоциональной культуры конца XVIII-начала XIX века. М.: НЛО, 2016. 563 с.
10. Измозик В. С. Глаза и уши режима. СПб: Изд-во Санкт-Петербург. ун-та экономики и финансов, 1995. 164 с.
11. Ильберг Г. Опыт активной трудовой терапии//Журнал невропатологии и психиатрии. 1928. №3. С. 293-298.
12. Интервью с Игалом Халфином и Йоханом Хелльбеком//Ab imperio. 2002. №3. С. 217-260.
13. Исаев В. И. Молодёжь Сибири в трансформирующемся обществе: условия и механизмы социализации (1920-1930-е гг.) Новосибирск: НГУ, 2003. 241 с.

14. Кон И. С. Клубничка на березке: сексуальная культура в России. 3-е изд. М.: Время, 2010. 606 с.
15. Коткин С. Говорить по-большевистски//Американская Русистика: Вехи Историографии Последних Лет. Советский Период. Самара., 2001. С. 250-328.
16. Криворученко В. К. Суховерхова З. Развитие устава ВЛКСМ. М.: ВКШ, 1988. 74 с.
17. Криворученко В.К. В тисках сталинщины: трагедия комсомола. М.: Ин-т молодежи, 1991. 395 с.
18. Куляпин А. И. Мифы железного века: семиотика советской культуры 1920-1950-х гг. Барнаул: Изд-во Алтайского университета, 2006. 125 с.
19. Лебина Н. Б., Романов П. В., Ярская-Смирнова Е. Р. Забота и контроль: социальная политика в советской действительности, 1917-1930-е годы//Советская социальная политика 1920-х-1930-х годов: идеология и повседневность. М., 2007. С. 21-67.
20. Лебина Н.Б. Рабочая молодежь Ленинграда: Труд и социал. облик, 1921-1925 гг. Л: Наука, 1982. 168 с.
21. Лебина Н. Б. Советская повседневность. Нормы и аномалии. М.: НЛО, 2015. 482 с.
22. Лившин А. Я. Настроения и политические эмоции в Советской России. 1917-1932 гг. М.: РОССПЭН, 2010. 341 с.
23. Липовецкий М. Н. Паралогии: трансформации (пост)модернистского дискурса в русской культуре 1920-2000-х годов. М.: Новое литературное обозрение, 2008. 840 с.
24. Максимова О.Д. Обсуждение и принятие кодекса РСФСР о браке, семье и опеке 1926 года во Всероссийском центральном исполнительном комитете// Право и политика. 2014. №7. С. 1051-1062. DOI: 10.7256/1811-9018.2014.7.12437

25. Маликова М. Э. НЭП как опыт социально-биологической гибридизации// Отечественные записки» 2006. № 28 (1). С. 175—192.
26. Марголит Е. Я. Живые и мертвое. СПб.: Сеанс, 2012. 557 с.
27. Марков А. Р. Что значит быть студентом? М.: НЛО, 2005. 255 с.
28. О'Коннор Т.Э. Анатолий Луначарский и советская политика в области культуры. М.: Прогресс, 1992. 222 с.
29. Осокина Е.А. За фасадом «сталинского изобилия»: Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927-1941. М.: РОССПЭН, 1999. 271 с.
30. Петрова А. Е. Случай убийства в период полового созревания// Журнал невропатологии и психиатрии. 1928. №5-6. С. 701-717.
31. Пичурин Л. Последние дни Николая Клюева. Томск, 1995. 95 с. // Николай Клюев. [Электронный ресурс]. URL: http://www.booksite.ru/klyuev/3_19.html (дата обращения: 03.05.2017).
32. Преображенский Г.М. Маркс и линия среднего// Вестник Томского государственного университета. 2007. № 302. С.48-52.
33. Пушкарев А. М. К историографии «Истории повседневности» и «Нового быта» 1920-х гг. (проблема «Новой половой морали» в работах А. М. Коллонтай)//Женщина в российском обществе. 2005. №1-2. С. 55-75.
34. Рожков А. Ю. В кругу сверстников: жизненный мир молодого человека в Советской России 1920-х годов. М.: НЛО, 2014. 630 с.
35. Российская империя чувств: Подходы к культурной истории эмоций/ Франко-рос. центр гуманит. и обществ. наук, Герм. ист. ин-т; под ред. Яна Плампера. М.: НЛО, 2010. 511 с.
36. Селищев А. М. Язык революционной эпохи: Из наблюдений над русским языком. (1917-1926). 2-е изд. М: Едиториал УРСС, 2003. 248 с.

- 37.Скращук В. Школьный журнал «Черные крылья». Частный случай борьбы идеологий в период сворачивания НЭПа//Сибирские огни. 2015. №7. [Электронный ресурс]. URL: <http://xn--90aefkbasn4aisie.xn--p1ai/content/shkolnyy-zhurnal-chernye-krulya> (дата обращения: 03.05.2017).
- 38.Слезин А. А. Источниковая база истории раннего комсомола // Genesis: исторические исследования. 2012. №2. С. 108-148. [Электронный ресурс]. URL: http://e-notabene.ru/hr/article_271.html (дата обращения: 03.05.2017).
- 39.Смирнова И. Предисловие//Дюран Д. Коммунизм своими руками. Образ аграрных коммун в Советской России. СПб., 2010. С. 7-76.
- 40.Соколов В. И. Молодежное движение в России. Ч. 1. Рязань: РИПКПО Рязан. обком РСМ, 1992. 51 с.
- 41.СССР: Территория любви/ ред.-сост.: Наталия Борисова и др. М.: Новое издательство, 2009. 269 с.
- 42.Стецура Ю. А. Молодежь в постреволюционном преобразовании России в 20-30-е годы. М.: Социум, 1998. 179 с.
- 43.Твердюкова Е. Д. Источники по Новейшей истории России//Труды исторического факультета. 2013. №14. С. 18-32.
- 44.Тяжелникова В.С. Самоубийства коммунистов в 1920-е гг.// Отечественная история. 1998. № 6. С. 158–173.
- 45.Уиддис Э. Социалистические чувства: Кино и создание советской субъективности//НЛО. 2014. №5 (129) С. 50-79.
- 46.Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм: социальная история Советской России в 30-е годы: город. 2-е изд. М.: РОССПЭН, 2008. 333 с.
- 47.Фицпатрик Ш. Срывайте маски! Идентичность и самозванство в России XX века. М.: РОССПЭН, 2011. 373 с.
- 48.Фридман К. Д. Status aggressivus reactivus//Журнал невропатологии и психиатрии. 1928. № 2. С. 121-126.

49. Фуко М. Надзирать и наказывать. М.: Ад маргинем пресс, 2015. 416 с.
50. Хархордин О. Обличать и лицемерить: Генеалогия рос. личности. СПб.; М.: Европейский университет, 2002. 507 с.
51. Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось: последнее советское поколение. М.: НЛЮ, 2014. 661 с.
52. Gorsuch A. Youth in Revolutionary Russia: Enthusiasts, Bohemians, Delinquents. Bloomington, Indianapolis: Indiana univ. press, cop. 2000. 274 с.
53. Kenez P. The birth of the propaganda state: Soviet methods of mass mobilization, 1917-1929. Cambridge: Cambridge univ. press, 2003. 308 с.
54. McVay G. Yesenin's Posthumous Fame, and the Fate of His Friends// The Modern Language Review. 1972. Vol. 67, No. 3. PP. 590-602
55. Naiman E. Sex in Public. The Incarnation of Early Soviet Ideology. Princeton: Princeton univ. press, cop. 1997. 307 с.
56. Pinnow K. Lost to the collective: suicide and the promise of Soviet socialism, 1921-1929. Ithaca; London: Cornell univ. press, 2010. 276 с.
57. Reddy W. Sentimentalism and its erasure: The role of emotions in the era of the French Revolution//The journal of modern history. 2000. Vol. 72. N. 1. PP. 109-152.
58. Steinberg M. Proletarian imagination: Self, modernity, and the sacred in Russia, 1910-1925. Ithaca; London: Cornell univ. press, 2002. 335 с.
59. Vasilyev P. Revolutionary Conscience, Remorse and Resentment: Emotions and Early Soviet Criminal Law, 1917-1922// Historical Research. 2017. № 247 PP. 117-133.

Справочная литература:

60. Зинин С. И. Есенин и его окружение. Библиографический справочник. [Электронный ресурс]. URL: <http://zinin-miresenina.narod.ru/profile1.html> (дата обращения: 03.05.2017).

61. Краткая литературная энциклопедия / Гл. ред. А. А. Сурков. М.: Советская энциклопедия, 1962—1978.
62. Новая философская энциклопедия: В 4 т. / Под ред. В. С. Степина. М.: Мысль, 2001.
63. Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. Д.Н. Ушакова. М.: Советская энциклопедия, 1935-1940.